

ИСААК ЭММАНУИЛОВИЧ

БАБЕЛЬ

БЕНЯ КРИК

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

русская классика

Беня Крик

Исаак Эммануилович Бабель

Аннотация
Исаак Бабель. Беня Крик
Беня Крик
- Часть первая. Король
- Часть вторая
- Часть третья. Как это делалось в Одессе
- Часть четвертая
- Часть пятая. Конец короля
- Часть шестая

Мария
- Картина первая
- Картина вторая
- Картина третья
- Картина четвертая
- Картина пятая
- Картина шестая
- Картина седьмая
- Картина восьмая

Закат
- Первая сцена
- Вторая сцена
- Третья сцена

Четвертая сцена
Пятая сцена
Шестая сцена
Седьмая сцена
Восьмая сцена
Блуждающие звезды
Первая часть
Вторая часть
Третья часть
Четвертая часть
Пятая часть
Шестая часть
Седьмая часть
Восьмая часть
Блуждающие звезды. Рассказ для кино

Аннотация

Лаконичная, но сочная проза Исаака Бабеля, его яркие образы и удивительное умение сочетать жестокость с сентиментальностью оказали огромное влияние как на русских, так и на мировых литераторов.

Благородный одесский бандит Беня Крик и по сей день остается одним из самых известных литературных персонажей Исаака Бабеля. Как и вся проза писателя, «Беня Крик» пропитан разговорной интонацией Одессы: он дает читателю возможность проникнуться не только ее визуальным, но и акустическим образом в революционный период.

В данное издание также вошел рассказ «Блуждающие звезды. Рассказ для кино», киносценарий «Блуждающие звезды», а также пьесы «Мария» и «Закат».

Исаак Бабель
Беня Крик

© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Беня Крик

Часть первая. Король

Досуги пристава Соковича

Комната Соковича. Под потолком у окна с геранью покачивается в клетке канарейка.

У рояля вяжет старушка в чепце. Спицы быстро ходят в ее руках. Видна часть рояля. Отлакированная крышка инструмента блестит.

Пристав играет на рояле с необыкновенным чувством — он шевелит губами, поднимает плечи, открывает рот.

Клавиатура. По клавишам бегают пальцы пристава, украшенные перстнями в форме черепов, копыт, ассирийских печатей.

В клетке заливается канарейка.

Сокович играет, раскачиваясь, и с ним вместе раскачиваются — комната, канарейка, спицы, старушка.

В глубине комнаты показывается еврей Маранц в затрапезном сюртуке. Маранц покашливает, скользит, шаркает ногами, упоенный пристав не слышит.

Пальцы пристава бурно рвут клавиши. Над ними склонилось унылое, скептическое лицо

Маранца.

Пристав переходит к нежному piano, Маранц не выдерживает. В отчаянии обнимает он голову пристава и прижимает ее к груди.

Сокович вскакивает. Маранц шепчет ему на ухо или, вернее, куда-то пониже уха:

— Пусть мне не дожить повести дочку под венец — если… если не сегодня…

Маранц отступает, вьется, сучит ободранными ногами, потирает руки, мотает головой. Пристав разглядывает его с величайшей серьезностью. Маранц:

— Король выдает сегодня замуж сестру… «Они» перепьются, и вы можете сделать на «них» дивную облаву…

Сокович захлопывает крышку рояля. Он испытующе всматривается в гримасничающее, дергающееся лицо еврея.

На обочине тротуара, перед домом пристава, сидит молодая цыганка во многих трепаных юбках. Цыганка обвешана лентами, монетами, монисто. Она ест баранки и тянет вино из горлышка бутылки, рядом с ней прыгает на цепи мартышка. Вокруг обезьяны в полном неистовстве скачет детвора.

Дверь приставской квартиры открывается, на

улицу проскользнул Маранц. Воровато оглядываясь, он быстро идет вдоль стены.

Цыганка схватила обезьяну, побежала за Маранцем, догнала его. Она умильно просит у него милостыню:

— *Подай, царевич… Подай, красавец…*

Маранц отплевывается, идет дальше. Цыганка проводила его долгим взглядом. Обезьянка, вскочившая на плечо женщины, тоже смотрит вслед Маранцу.

Улица на Молдаванке. Из-за угла показывается биндюг Менделя Крика. Старик пьян, он хлещет лошадей, клячи несутся бурным галопом, прохожие шарахаются в сторону.

Мендель Крик, слывущий среди биндюжников грубияном

Мендель Крик размахивает кнутом. Раскорячив ноги, старик стоймя стоит в телеге, малиновый пот кипит на его лице. Он велик ростом, тучен, пьян, весел.

Биндюг несется во всю прыть. Пьяный старик орет прохожим: «Поберегись!..» Навстречу ему, виляя бедрами, идет поющая цыганка. Обезьяна деловито лущит орешки у нее на плече. Цыганка подает старику знак, едва заметный.

Вожжи в руках Менделя. Схваченные железной рукой, они с карьера останавливают лошадей.

Лицо Менделя, внезапно протрезвевшего, обращено к цыганке.

Цыганка проходит мимо Менделя. Она скосила глаз и поет:

— *Маранц, матери его сто чертей…*

Цыганка вильнула бедрами, она играет с обезьянкой и поет про себя:

— *Маранц был у пристава…*

Мендель пошевелил вожжами и поехал. Не в пример прежней езде лошади его идут шагом.

Изображение облупившейся вывески: «Извозопромышленное заведение Мендель Крик и Сыновья». На вывеске намалевано ожерелье из подков и английская леди в амазонке с хлыстом. Леди гарцует на битюге, битюг мечет в воздух передние ноги.

Под вывеской у невзрачного одноэтажного дома сидят на лавочке два парня и щелкают семечки. Они хранят важное молчание и смотрят вперед безо всякого выражения. Один из них — молодой перс с оливковым лицом и черными разросшимися бровями, другой — Савка Буцис. Одна рука у Буциса отрезана, обрубок ее зашит в болтающийся рукав, другой, целой рукой

он с необыкновенной ловкостью и ухарством выгребает из кармана подсолнухи и издалека, не целясь, бросает их в рот. Промаха у него не бывает.

К дому подъезжает Мендель Крик. Парни — перс и Савка — в полном безмолвии, не поворачивая голов, отдают старику честь. Ворота перед Менделем раскрываются; человек, раскрывающий их, не виден.

Двор, где живут Крики, обширен, окаймлен приземистыми старинными строениями, загроможден голубятнями, телегами, распряженными лошадьми. В углу двора девки доят коров.

Три розовых, зернистых коровьих вымени, женские руки, перебирающие соски, и струи молока, брызгающие в подойник.

Одна из девок кончила доить. Она разгибает спину, потягивается, луч солнца зажигает рябое мясо развеселого ее лица. Девка зажмуривается. Во двор на разгоряченных жеребцах влетает Мендель. Старик прыгает с биндюга, бросает девке вожжи и, переваливаясь на толстых ногах, бежит к дому.

Девка ловко распрягает лошадей, она бьет по мордам играющих жеребцов.

«Его величество король...»

Двухспальная, вернее сказать — четырехспальная, кровать загромождает комнату невесты Двойры Крик. Гигантское это сооружение забросано несметным количеством расшитых подушечек. К кровати прислонился спиной Беня Крик. Виден подбритый его затылок.

Беня Крик играет на мандолине. Ноги его, обутые в лаковые щегольские штиблеты, положены на табуретку. Костюм Бени носит печать изысканного уголовного шика.

Широчайшая кровать — колыбель рода, побоища и любви. В комнату вваливается папаша Крик. Он стаскивает с себя сапоги; разматывая невообразимо грязные портянки, старик недоверчиво их оглядывает. «Как грязно живут люди», — приходит ему в голову. Мендель разминает взопревшие пальцы ног и, слегка робея в присутствии сына-«короля», бормочет:

– *Маранц был у пристава сегодня...*

Пальцы Бени, перебиравшего струны, цепенеют. Струна лопается и завивается вокруг ручки мандолины. Мандолина летит на кровать и врывается в подушки.

Затемнение

С плеча Савки Буциса свисает пустой рукав, заколотый внизу булавкой — рубиновой змейкой.

Улица на Молдаванке. Перс и Савка сидят на лавочке у входной двери в квартиру Маранца. Они поглощены излюбленным занятием — щелкают подсолнухи. К дому Маранца подъезжает экипаж. На козлах осанистый кучер с патриархальным задом и раскидистой бородой. Кучер отмечен необыкновенным сходством с цыганкой, появлявшейся в первых сценах.

Из экипажа выходит Беня, он звонит у парадной двери. Вырезанное в двери окошечко отодвигается, сквозь него просовывается голова Маранца — хранилище немногих волос, чернильных пятен и перьев из подушки. Ужасный испуг отражается на его лице. Беня с удручающей вежливостью снимает перед маклером шляпу.

Равнодушная морда кучера. Он перебирает от скуки монисто, которое раньше было на цыганке.

Маранц спотыкаясь выходит на улицу. Беня здоровается с ним, обнимает его плечи и дружески сообщает:

– *Есть кое-чего заработать, Маранц…*

Указательный и большой пальцы Бени трутся

друг о дружку. Жест этот обозначает, что предстоит выгодное дело.

Маранц колеблется. Силясь разгадать причину внезапного посещения, он всматривается в непроницаемое Бенино лицо.

Указательный и большой пальцы Бени движутся все медленнее, все загадочней:

– *Есть кое-чего заработать, Маранц…*

Маклер решился. Жена выносит ему из дома сюртук, шоколадный котелок, парусиновый зонтик. Из передней выглядывает куча детей. На измазанных их мордочках чистым, бойким блеском горят семитические глаза. Маранц и Беня садятся в экипаж. Жена Маранца кланяется «королю». Длинные груди ее раскачиваются, как белье, развешанное во дворе и колеблемое ветром. Кучер погнал лошадей.

Удаляющийся экипаж. Видна дородная успокоительная спина кучера, котелок Маранца, панама Бени. Экипаж проезжает мимо постового городового. Городовой отдает Бене честь.

Однорукий Савка подманивает к себе мальчика, сына Маранца. Карапуз, охваченный ужасом и восторгом неизвестности, движется по кривой, путаной линии.

Берег моря. Набегающая волна. Вверху — белые

дачи с колоннадами. Экипаж едет по шоссе над самым берегом моря. Беня и Маранц беседуют по-приятельски. Котелок и панама дружелюбно покачиваются. Лошади идут крупной рысью. Местность становится все глуше.

Опасения Маранца сменились чувством умиления перед красотами моря и скал. Он развалился на кожаных подушках, он расстегнул ворот рубахи для того, чтобы загореть немножко. Беня вынимает портсигар, предлагает Маранцу папиросу и говорит небрежно:

— *Люди говорят, что ты капаешь на меня приставу, Маранц…*

Дрожащие пальцы Маранца пристукивают папиросой по серебряной поверхности Бениного портсигара.

Экипаж въезжает в глухое укрытое место на берегу моря. Скалы, кустарник. Кучер останавливает лошадей, поворачивает к седокам бородатое лицо, перекидывает ноги внутрь экипажа.

Беня подносит Маранцу спичку. Еврей в ужасе закуривает. Он переводит глаза с Бени на кучера, перекинувшего ноги внутрь экипажа. Кучер медленно кладет ноги на плечо Маранцу и снимает с него котелок.

Перс играет с маленьким сыном Маранца в из-

любленную детскую игру. Малыш кладет свои ладони на ладони перса и тотчас же их отдергивает. Перс якобы не успевает ударить, зато маленький Маранц колотит изо всех сил. Мальчик совершенно счастлив.

Берег моря. Волна взрывается под скалой. В воду падает котелок Маранца.

Экипаж едет вдоль берега. На Бене по-прежнему панама, но на Маранце не видно больше котелка. Голова его взъерошена и дергается. Кучер поднимает верх экипажа.

По широким, голубым, тающим волнам плывет котелок.

Вспененные, запрокинутые морды лошадей.

Игра между мальчиком и персом продолжается. Савка неутомимо грызет подсолнухи.

Экипаж с поднятым верхом проезжает мимо постового городового. Тот снова отдает честь.

Савка увидел вдали экипаж. Он потрепал мальчика по щеке, дал ему пятак и ласковым ударом колена по некоей части прогоняет его.

Из экипажа, остановившегося у дома Маранца, выходит Беня, он направляется к парадной двери.

Перс и Савка снимаются с лавочки и, обнявшись, уходят.

«Мадам» Маранц открывает Бене дверь.

— Люди говорят, мадам Маранц, что покойный ваш муж капал на меня…

В переплете двери искаженное лицо женщины.

Из экипажа медленно выползает труп Маранца.

Спины Савки и перса, лениво, вразвалку идущих по улице.

Труп Маранца, распростертый на земле.

На земле, у лавочки, горка шелухи от подсолнухов, нащелканных Савкой.

Часть вторая

Друзья «короля» едут на свадьбу Двойры Крик

Здание полицейского участка. Кирпичная трехэтажная стена. В третьем этаже тюремные окна, переделенные решетками. В окнах лица заключенных. Арестанты, охваченные необъяснимым восторгом, машут кому-то платками.

Улица на Молдаванке. Сбоку здание участка. Старая еврейка сидит на углу и ищет в волосах у внучки. Слышен шум. Старуха поднимает голову и смотрит на приближающуюся процессию.

Налетчики в свадебных архаических каретах направляются к дому старого Крика. В первой карете Савка и перс. В стальных вытянутых их руках по гигантскому букету. Налетчики одеты под масть Бене Крику, но вместо панам на них крохотные котелки, сдвинутые набок. Кучер украшен бантом и больше похож на шафера, чем на кучера.

Вторая карета — черный, колыхающийся, громадный ящик. В карете развалился Левка Бык — один из ближайших сподвижников «короля». В руке у него букет, на кучере его бант.

У ворот участка кучка благожелательных городовых. С почтением и завистью следят они за течением пышной процессии.

Третья карета. В ней сидит одноглазый Фроим Грач (левый глаз его вытек, съежился, прикрыт), представляющий разительную противоположность остальным налетчикам. Он в парусиновой бурке, смазных сапогах. Рядом с Грачом, угрюмым и сонливым, — кокетничающее сморщенное личико шестидесятилетней Маньки, родоначальницы слободских бандитов. Она в кружевном платочке. За их экипажем бегут мальчишки и зеваки.

Фроим Грач и Манька, родоначальница слободских бандитов

Мимо участка медленно проезжает архиерейская карета Фроима и бабушки Маньки.

Арестанты неистово машут платками.

Старуха раскланивается с важностью императрицы, объезжающей войска.

В окне второго этажа сумрачный пристав Соковић.

Кабинет пристава. На стене портрет Николая II. У окна торчит спина Соковича. В широком кресле у стола сидит жирный, с мягким ворочающимся

животом, помощник пристава Глечик. Поморгивая близорукими глазами, он сосет леденцы, которых у него целая коробка. Спина пристава являет признаки величайшего возбуждения. Она вздрагивает и ежится, как от укуса блохи.

Глечик вкладывает в рот груду леденцов. Они не сразу входят в отверстие его рта, заросшего опущенными усами. Пристав круто поворачивается, подходит к Глечику, тормошит его:

— *Каюк Бенчику… Сегодня на свадьбе мы «их» возьмем…*

Безнадежное лицо Глечика. Моргая, он спрашивает:

— *А зачем их брать?..*

Пристав машет рукой и выбегает из кабинета. Толстый Глечик поднимает раскачивающийся свой живот, он понуро плетется за Соковичем. В оттопыривающемся его кармане лежит кусок курицы, завернутый в промасленную бумагу. Грязная бечевка вываливается из кармана Глечика и волочится по полу.

Пристав бежит вниз по лестнице, за ним бредет Глечик.

Мирное житие во дворе участка. У стены — мордатый городовой стирает в лохани панталоны. В другом углу одесские обыватели — среди них

мудрые, старые евреи и тучные торговки — с большой готовностью прощаются за руку с канцеляристом. Рукопожатие длится долго, руки прощающихся ворочаются самым странным образом, и после каждого судорожного этого рукопожатия канцелярист прячет в карман полтинник. Мимо мудрых стариков и тучных торговок пробегает на рысях Сокович.

У внутренней стены участка выстроились шеренгой городовые. К ним подходит пристав. Городовые едят начальство глазами. Пристав обращается к городовым с речью:

— *Братцы, там, где есть государь император, — там не может быть короля...*

Ряд усатых раскормленных физиономий. По мере того как... пристав продолжает энергическую свою речь... лица городовых увядают.

Группа голубей на голубятне. Кто-то спугнул их хворостиной.

Глечик сует в голубятню длинную хворостину, потом он отбрасывает ее. Ничто не может развлечь его. На оплывшем его лице борются страсти и сомнения.

Томление духа помощника пристава Глечика

Глечик вынимает из кармана записку и читает ее с грустью и тайным каким-то сладострастием.

Изображение пригласительного свадебного билета, увенчанного дворянской короной. В углу надпись чернилами: «Его Превосходительству мосье Глечику». — Печатный текст:

«Мендель Ушерович Крик с супругою и Тевья Хананьевич Шпильгаген с супругою просят Вас пожаловать на бракосочетание детей их Веры Михайловны Крик и Лазаря Тимофеевича Шпильгагена, имеющее быть во вторник 5 июня 1913 г. С почтением — родители».

Глечик с грустью читает билет. Тяжелый вздох колеблет унылую чащу его усов. Сомнения терзают его. Он отворачивается, закрывает глаза и начинает вертеть пальцами.

— *Идти или не идти?*

Вертящиеся пальцы Глечика. Один палец пришелся против другого. Значит — идти.

От полноты чувств Глечик бросает собаке свою курицу и убегает.

Глечик бежит по двору. Его чуть не сбивают с ног городовые, волокущие за шиворот арестованного. Арестованный этот Колька Па-

ковский — тот самый юноша, который являлся уже перед нами в образе цыганки и кучера. Колька растерзан, пьян, ноги его подламываются, он волочится за городовыми и сосредоточенно, с пьяной нежностью лижет руку конвоира.

Пристав Сокович, подергивая бодрой ногой, продолжает свою речь:

— *Сегодняшняя облава должна дать нам в руки всю шайку Бени Крика…*

Потухшие лица городовых.

К приставу подтаскивают упирающегося Кольку.

— *Среди бела дня затеял поножовщину, ваше высокоблагородие…* —

докладывают конвоиры. Сокович бросает на Кольку рассеянный взгляд.

— *Посадить до утр*а. *Завтра разберемся…*

Обмен рукопожатиями между обывателями и канцеляристом продолжается.

Конвоиры тащат Кольку по коридору участка. Он неутомимо целует сапоги своего стража.

Городовые открывают дверь камеры, вталкивают Кольку. Он летит кубарем.

Камера. Влетает Колька. Заключенные вскакивают как по команде, принимают гостя в объятия.

Колька покоится в объятиях окружающих арестантов. Он куражится, сползает на пол. Тюремные жители смотрят на него с жадностью, как на пришельца, принесшего благую весть. Над падающим Колькой смыкается их круг.

Снятые сверху лохматые головы, склонившиеся над Колькой. Круг их медленно расходится, Колька встал, и все же на полу распростерто человеческое тело.

На полу камеры лежит раздутый резиновый костюм, наполненный какой-то жидкостью и напоминающий по форме водолаза.

Затемнение

Клубы пара и дыма заволакивают экран. Из тумана возникают два беременных живота, обтянутые полосатыми юбками. Животы лежат рядышком на перекладине плиты.

На плите жарятся индюки, гуси, дымится всякая снедь. Беременные кухарки накладывают пищу на блюда. Над ними царит крошечная восьмидесятилетняя Рейзл. Иссохшее ее личико, обвиваемое клубами пара, полно величия и священного бесстрастия. В руках у Рейзл большой нож: она распарывает им животы у больших морских рыб, мечущихся по столу.

Беременные кухарки с полосатыми животами передают блюда затрапезным еврейским официантам в нитяных перчатках и улетающих бумажных манишках. На лицах лакеев пылают бородавки и в ненадлежащих местах торчат пучки волос. Они схватывают блюда и убегают.

Издыхающие рыбы мечутся по столу и бьют сияющими хвостами.

Свадьба во дворе Крика. Через весь двор протянуты китайские фонарики. Лакеи пробегают мимо стола, за которым сидят нищие и калеки; нищие пьяны, они корчат рожи, стучат костылями, тащат официантов к себе, лакеи вырываются и бегут к главному столу, за которым неистовствует свита «короля». На первом месте новобрачные: сорокалетняя Двойра Крик, грудастая женщина с зобом и выкатившимися глазами, рядом с ней Лазарь Шпильгаген, тщедушное существо с истрепанным лицом и жидкой шевелюрой; тут же Беня, папаша Крик, Левка Бык, Савка, перс и их дамы — хохочущие молдаванские девки в пламенных шалях. Папаша Крик вопит:

— *Горько!..*

Пьяная невеста кладет обширную свою грудь на стол, она тянет вино из горлышка бутылки,

чешет себе ноги под столом и лезет за пазуху к мужу, к кроткому Шпильгагену. Гости поддерживают клич папаши Крика:

— *Горько!..*

Налетчики, вскочив на стулья, льют в себя водку прямо из бутылок. Двойра наваливается на упирающегося Шпильгагена, она подтаскивает его к себе, как грузчик подтаскивает по сходням куль муки, и терзает его длинным, мокрым, хищным поцелуем. Налетчики бьют посуду.

Поцелуй Двойры и Шпильгагена. Хромой нищий подползает к новобрачным и с тупым вниманием следит за поцелуем.

Городовой тащит по коридору участка ведро с кипятком.

Камера. Городовой вносит кипяток. Колька выхватывает у него из рук ведро и опрокидывает кипяток на голову городового. Обваренный городовой падает.

Колька выскакивает в коридор. Он бросает резиновый костюм на кучу параш, сваленных в углу, делает в нем надрез и зажигает керосин, льющийся из резинового костюма.

Помощник пристава Глечик застыл в нерешительности у ворот дома Криков. Живот его стянут новым мундиром, за ним волочится сабля, на

голове большой старинный картуз с лаковым козырьком. Грудь Глечика украшена медалями о-ва спасания на водах, ведомства императрицы Марии, в память 300-летия дома Романовых и проч. Глечик, робея, приоткрывает ворота.

В нескольких шагах от главного свадебного стола — диковинный музыкант. Перед ним турецкий барабан, к ноге музыканта привязана веревка, он приводит ею в движение медные тарелки на барабане, к колену его прикреплена палка, которой он колотит по барабану, верхняя же часть его тела посвящена громадной трубе, похожей больше на свернувшегося удава, чем на трубу. Голубая палка солнца уткнулась в трубу. Музыкант отдыхает.

В глубине двора показался Глечик. К нему бежит Беня, они целуются три раза в обе щеки. Беня подает знак музыканту.

Музыкант вздрогнул и пришел в движение: он дует в трубу, дергает за веревку и палкой, прикрепленной к колену, бьет в барабан.

Беня ведет Глечика к гостям. Восторг присутствующих по поводу прибытия помощника пристава. Невеста в залитом вином подвенечном платье падает Глечику на грудь, папаша Крик колотит его изо всех сил по спине, шестидеся-

тилетняя Манька целует его в лоб материнским поцелуем. Савка летит к Глечику с двумя бутылками водки в руках. Савкина баба пытается отобрать у него бутылку, он разбивает эту бутылку у нее на голове; налетая на Глечика, Савка всовывает бутылку ему в рот, как ребенку соску, тут же рядом хлопочет папаша Крик с огурцом в руке.

Музыкант неистовствует: каждая его конечность движется в направлении, противоположном направлению параллельной конечности.

Развеселые молдаванские бабы водят хоровод вокруг Глечика, которого накачивают водкой, огурцами, фаршированной рыбой, апельсинами. Бока баб цветут, в середине круга прыгают друг против друга старый Крик и бабушка Манька. Левка Бык, обезумев от восторга, стреляет в воздух. Он расталкивает круг, хватает старуху, вкладывает в ее руку револьвер. Манька сладко зажмуривается, нажимает курок…

Старушечья сморщенная рука, нажимающая курок.

Выстрел. Танец возобновляется с бешеной силой. Папаша Крик останавливается вдруг, он обнюхивает воздух и отводит Беню в сторону:

— Мне сдается, Беня, что здесь пахнет гарью…

Дирижируя танцами, Беня успокаивает отца:

— *Папаша, не обращайте внимания на этих глупостей. Прошу вас, выпивайте и закусывайте…*

Музыкант в движении, нога его трясется, труба его колышет солнце.

Ухарский молдаванский танец со стрельбой, с битьем посуды, разбрасыванием денег под ноги танцующим.

Край неба, окрашенный пожаром.

Пожарная команда мчится по улицам Молдаванки.

Толпа перед зданием горящего участка. Городовые выбрасывают сундучки из окна, дождь бумаг летит по воздуху. На коне скачет обезумевший Сокович.

Внутри здания в дыму по наклонной доске со страшной быстротой скользят три широких зада.

Стена участка. Из разбитых окон прыгают арестованные. Внизу на земле их принимают в объятия жены.

Музыкант в движении.

Похищение мужей молдаванскими амазонками. Бабы растаскивают арестованных по домам.

Танец во дворе Крика.

Пожарные привинчивают громадный резиновый шланг к водопроводному крану на улице.

Они угрожающе направляют шланг в сторону пожарища, открывают кран и… несколько капель воды с великой натугой изливаются на землю. Кран испорчен.

На фоне неба, охваченного заревом, скручиваются две черные балки и рушатся вниз.

У пристава Соковича обгорел ус. Он смотрит на пожарище. Мимо него проходят Беня Крик и растерзанный, залитый керосином и водой Колька Паковский. Беня приподнимает шляпу.

— Ай, ай, ай, какое несчастье… это же кошмар!..

Беня скорбно покачивает головой. Сокович переводит на него мутные, непонимающие глаза.

Затемнение

На дворе у Криков. Рассвет. Потухают фонарики. Упившиеся гости валяются на земле, как рассыпанный штабель дров.

Двухспальная кровать Двойры Крик. Новобрачная тащит к постели Шпильгагена, тот бледнеет, упирается, но сопротивление его слабеет, и он падает на кровать.

Музыкант, обвязанный веревками, палками, медными тарелками, спит, склонившись на барабан.

Часть третья. Как это делалось в Одессе

Много воды и много крови утекло со дня свадьбы Двойры Крик

Лес знамен. На знаменах надписи: «Да здравствует Временное правительство!».

Грудастая дама в военной форме несет знамя с надписью: «Война до победного конца!».

По улицам марширует женский батальон времен Керенского. Он состоит из дам и девок. На лицах у дам печать решимости и вдохновения, у девок — заспанные лица.

Во весь экран — касса. Отделения ее набиты акциями, иностранной валютой, бриллиантами. Чьи-то руки вкладывают в кассу стопки золотых монет.

Рувим Тартаковский, владелец девятнадцати пекарен, определяет свое отношение к революции

Кабинет Тартаковского. Несгораемая касса во всю стену. Тартаковский — старик с серебряной

бородой и могучими плечами — передает приказчику Мугинштейну деньги. Тот распределяет их по разным отделениям кассы.

Вздымающиеся революционные груди женского батальона текут по улице, набитой зеваками и визжащей детворой.

Тяжелая металлическая дверь кассы медленно захлопывается.

— *А теперь, Мугинштейн, пойдем поздравить рабочих…* —

говорит старик приказчику, и они выходят из кабинета.

Контора Тартаковского. Дореформенное учреждение, похожее на конторки в Лондонском Сити времен Диккенса. Все служащие без пиджаков, за ушами у них вставочки, а в ушах вата. Они очень толстые или очень худые. На толстых — фуфайки и замусоленные жилеты, на худых — манишки с бантами. Одни покрыты буйной растительностью, другие — безволосы; одни сидят на оборванных креслах, перекрытых подушками, другие взгромоздились на трехногие высокие стулья, но у всех такое выражение лица, как будто они только что проглотили что-то очень горькое. Один только бухгалтер-англичанин соблюдает нерушимое спокойствие. Он грызет трубку, оку-

тывающую его клубами жесточайшего дыма. В углу мальчик вертит пресс, копирует письма. У окошечка с надписью: «Касса» восседает пышная дама, нос с многими горбинками делает ее похожей на гречанку. По комнате проходят Мугинштейн и Тартаковский. Служащие замирают. Мальчик, завидев хозяина, с ожесточением начинает вертеть пресс. Он надувается, багровеет.

Множество сопливых, рахитичных детей, сваленных в кучи. Полуголые, с кривыми ногами, они кишат, как черви, на земле.

Громадный четырехэтажный дом на Прохоровской улице, на Молдаванке, где скучилась невообразимая еврейская беднота. Зеленые зябкие старики в лохмотьях греются на солнце, часовой мастер в опорках раскинул во дворе свой столик, лысые еврейки в отрепьях стряпают пищу в разбитых ведрах: у ведер этих высажено дно, они заменяют плиты. Тартаковский и Мугинштейн проходят по двору. Оборванные старики поднимаются со своих мест, они устремили на хозяина гноящиеся глаза, залитые кровавой обильной влагой, и кланяются ему. К Тартаковскому подбегает растрепанная еврейка в мужских штиблетах.

— *Что будет с клозетом, мосье Тартаков-*

ский? —

спрашивает она старика. Тартаковский пожимает плечами.

— А что должно быть с клозетом? —

отвечает он. Еврейка, ухватив хозяина за руку, тащит его к себе в квартиру.

Женщина ведет Тартаковского вверх по лестнице, заваленной отбросами нечистой нищеты, нищеты, которая ни на что больше не надеется. Взъерошенные, одичалые коты носятся по лестнице.

Женщина притащила Тартаковского в свою уборную. Сиденья в этой уборной нет, оно разбито, в цементном полу дыра, с потолка льется вонючая жидкость. Рядом с уборной, почти в самой уборной, кровать, набитая ватными лоскутьями. На кровати лежит горбатая девушка с аккуратно заплетенными косами. Тартаковский молодцевато хлопает женщину по плечу.

— Николку холера взяла, мадам Гриншпун, теперь всем будет хорошо, и вам будет хорошо…

Горбатая девушка смотрит на Тартаковского. По стене возле ее кровати течет вода.

По земле ползают дети — голые, рахитичные, сопливые дети гетто.

Тартаковский и Мугинштейн идут по двору ми-

мо шевелящейся кучи детей. Старик ищет места, куда бы ему поставить ногу. В глубине двора вход в подвал, в пекарню.

Вывеска над подвалом: «Пекарня и булочная № 16 Акционерного общества Рувим Тартаковский». Сбоку другая вывеска, поменьше: «Принимаются заказы на торты фантази».

Осклизлая лестница, ведущая в подвал, ступени ее разбиты. Мальчик-подручный стаскивает вниз пятипудовый мешок. Он ложится на ступени и поддерживает головой катящийся вниз мешок.

Голые спины двух месильщиков: отлакированная потом спина молодого парня Собкова и кривая, с разбитыми лопатками, спина старика. Лопатки эти движутся не в ту сторону, куда им надо. Нескончаемая равномерная игра мускулов на мокрых спинах месильщиков.

Мугинштейн и Тартаковский спускаются по лестнице в пекарню. Они скользят, оступаются, приказчик бережно поддерживает хозяина.

Спины месильщиков. Собков работает и читает газету «Известия Одесского Совета рабочих депутатов», прибитую к стене над месильным чаном. Газета освещена мятущимся пламенем керосиновой лампочки.

Пекарня — смрадный подвал. Скудный свет проникает сквозь запыленные оконца, пробитые у потолка. В углах чадят керосиновые лампы без стекол. Пекаря обнажены до пояса. У пылающей печи возится с дровами истопник — веселый кривоногий мужичонка Кочетков, из другой печи мастер вынимает испекшиеся хлебы, посаженные на лопаты с длинными ручками.

Мастер выдергивает из печи лопаты с готовыми хлебами.

Тартаковский и Мугинштейн входят в пекарню. К ним стягиваются рабочие, похожие больше на духов из подземного царства, чем на людей. Тартаковский разглагольствует:

– Поздравляю вас, господа, с любимой свободой… Теперь и мы вздохнем грудью…

Тартаковский с жаром пожимает руки рабочих. Дожидаясь очереди, они вытянулись как хвост у лавки. Пекаря, непривычные к такому обращению, суетливо обтирают руки о передник, они протягивают ладони с жалкой неловкостью и сейчас же после рукопожатия счищают с хозяина налетевшую пыль.

Спина Собкова. Парень продолжает месить тесто и читает свою газету. Тартаковский хлопает его по бронзовому играющему плечу и протя-

гивает руку. Собков долго вытаскивает руки из тугого теста, он поворачивает к хозяину лукавое лицо с вихрами и медленно, как деньги на блюде, подносит ему пятерню, убранную тестом. Кочетков — веселый мужичонка — кинулся к Собкову, он принимается счищать тесто с пальцев. Смеющийся Собков смотрит на хозяина в упор. Тартаковский понял, он круто повернулся и отошел. Кочетков подмигивает месильщику.

Змейки из теста колышутся на пятерне Собкова — бесформенной, чудовищно увеличенной.

Затемнение

Кафе Фанкони. Толчея. Деловые дамы с большими ридикюлями, биржевые зайцы с тростями, одесская толпа. На помосте, где обыкновенно помещается оркестр, разбитной молодой человек потрясает кандалами. За его спиной сидит унылая личность с несимметричным лицом, с большими ножницами в руках. Ножницы приспособлены для раскусывания железа.

— Граждане свободной России! Покупайте на счастье наследие проклятого режима в пользу геройских инвалидов. Пятьдесят рублей, — кто больше?

У противоположной стены на бархатном ди-

ванчике сидят рядом три инвалида, три обстриженных дремлющих болванчика. Они обвешаны медалями и Георгиевскими крестами.

Декольтированная девица в большой шляпе с свисающими полями ходит с вазочкой между столиками и собирает деньги «на революцию». «Декольте» девицы съехало набок, башмаки ее истоптаны; от восторга, от весны, от деятельности длинный нос ее покрылся мелкими жемчугами пота. За одним из столиков сидит Тартаковский, окруженный стаей подобострастных маклеров. Стол его завален образцами товаров — зернами пшеницы, обрывками кожи, каракулевыми шкурками. Он кладет барышне в вазу двугривенный.

Аукционист на трибуне потрясает кандалами.

Декольтированная девица вьется между столиками. У окна развалился Беня Крик, он старательно пишет что-то на бумажной салфетке. Рядом с ним пьяный Савка, поедающий одну за другой трубочки с кремом. Барышня приблизилась к Бене. Король с шиком бросает в вазочку золотую монету. Аукционист поспешно снимается со своего места, он преподносит Бене одно звено из кандалов. Следом за аукционистом ковыляют инвалиды, они с полной безжизненностью

благодарят Беню. Пьяный Савка уставился на это зрелище. Он поднимается на подламывающихся ногах и заглядывает барышне за кофточку в декольте.

Декольте и сумрачное, внимательное лицо Савки над ним.

Мимо столика Бени проходит Собков, принарядившийся ради воскресенья. Беня приглашает пекаря садиться.

— *Вот ты и дождался революции, Собков…*

Собков усмехается и показывает глазами на посетителей кафе.

— *Революция будет, когда монету у них заберем…*

Беня чистит перо полой Савкинового пиджака, мимика его лица чрезвычайно выразительна.

— *Насчет монеты ты прав, Собков…* — говорит он и снова принимается за писание. Савка заснул. Собков разглядывает посетителей кафе.

У столика Тартаковского. Маклер вываливает из кармана груду золотых крестиков и ладанок.

— *Мосье Тартаковский, партию икон за половину даром…*

Тартаковский нехотя рассматривает товар, взвешивает крестики на ладони.

Беня сворачивает записку, подзывает официан-

та, просит передать записку Тартаковскому.

Товар Тартаковскому не подходит. Он отодвигает от себя «партию икон». Лакей подает ему записку.

Письмо Бени, написанное каракулями на салфетке с цветами:

— Мосье Тартаковский, я велел одному человеку найти завтра утром под воротами на Софиевской, 17, пятьдесят тысяч рублей. В случае, если он не найдет, так вас ждет такое, что это неслыханно и вся Одесса будет от вас говорить.

С почтением Беня Король.

Тартаковский с возмущением комкает письмо, он делает Бене негодующие знаки, яростно дергает себя за ворот — вот, мол, сдирай последнюю рубаху — и немедленно принимается за писание ответа.

Официант подает инвалидам три бокала с гренадином. В бокалы воткнуты соломки. Безрукие болванчики потягивают гренадин через соломки.

Официант передает Бене ответ Тартаковского. Послание Тартаковского, написанное тоже на салфетке:

— Беня, если бы ты был идиот, то я написал бы тебе как идиоту, но я тебя за такого не знаю, и

упаси боже, тебя за такого знать, денег у меня нет, а есть язвы, болячки, хлопоты, бессонница. Брось этих глупостей, Беня.

Твой друг Рувим Тартаковский.

Беня прячет письмо Тартаковского в карман, расплачивается, будит Савку. Тот просыпается и, страшно выпучив глаза, хватает Беню за горло. Савке почудилось со сна, что к нему ночью нагрянула полиция. Очухавшись, он мгновенно стихает. Беня, Савка и Собков направляются к выходу. Тартаковский все еще дергает себя за ворот — сдирай, мол, последнюю рубаху… Король разводит руками — дескать, что я могу здесь поделать?..

Екатерининская, угол Дерибасовской. Прелестный весенний день. Одесская фланирующая толпа. Беня подзывает лихача — по-одесски штейгера — и, указывая на пьяного Савку, говорит извозчику:

— Покатай его по воздуху, Ваня…

Савка развалился в экипаже со всей пренебрежительностью, со всем шиком, на какой он способен. Лошадь пошла рысью.

Группа цветочниц на углу Дерибасовской и Екатерининской улиц. Игривые бабы с цветами на фоне витрин лучшего магазина в Одессе — ма-

газина Вагнера. В окнах магазина выставлены заграничные товары — щегольские чемоданы, фарфор, безделушки, духи в коробочках, обитых голубым атласом. Среди цветочниц оборванная девочка лет пятнадцати. Король подходит к девочке, покупает у нее фиалки и незаметно для Собкова сует в ее букеты записочки. Девочка с необыкновенным напряжением смотрит на Беню.

Беня и Собков сворачивают к Николаевскому бульвару.

Вокруг них кипит одесская толпа. В отдалении на черных, худых голых ногах плетется девочка-цветочница. Завороженная, она не сводит с Бени глаз.

Николаевский бульвар. Беня и Собков подходят к решетке у Воронцовского дворца. За решеткой кусты нераспустившейся сирени.

— Скажи, Собков, кроме монеты, чего еще надо большевикам? —

спрашивает Беня пекаря. Тот вынимает из кармана книжку Ленина, но Беня отводит рукой книгу. Беня медленно разжимает губы:

— Не надо книги, объясни душой, своди меня к твоим ребятам, Собков, где они у вас?

Собков простирает руку и указывает на доки,

на Пересыпь, на фабрики.

— *Вот они!* —

говорит пекарь.

Панорама Пересыпи, судостроительных заводов, дымящихся пароходов. Рабочие производят погрузку. Они обволакиваются дымом, идущим из пароходной трубы.

Затемнение

Порт. У эстакады группа биндюгов. К мордам лошадей подвешены торбы с овсом. Полуденное солнце. Под одним из биндюгов спит на земле, на нагретых камнях, Фроим Грач. Из-за угла показывается девочка с цветами.

Девочка пробирается к биндюгу Грача. Она щекочет его букетом. Грач просыпается с таким видом, как будто он и не спал. Девочка сует Фроиму записку и убегает.

Записка:

— *Грач, есть кое-чего говорить с тобой.*

Беня.

Грач вскочил на биндюг, он пускает лошадей вскачь.

Затемнение

Персидская чайная — чай-ханэ — на привозной

площади. Грузчики и торговцы скотом пьют чай. За прилавком перс, появлявшийся уже в первой части. Цветочница, задевая одной ногой другую, входит в чайную. Перс наливает ей стакан крепкого чаю, девочка просовывает ему записку:

— *Абдулла, есть кое-чего говорить с тобой.*

Беня.

Перс прячет записку. Лицо его исказилось. Он хватает стаканы с недопитым чаем, выливает их, вопит, суетится, выталкивает клиентов, те смотрят на него с величайшим изумлением. Старик в баках вступает с персом в драку, но, убоявшись страшного лица чайханщика, отступает. Одна только девочка спокойно допивает чай.

Перс заглушает самовар, льет в трубу воду.

Затемнение

Резник Левка Бык, в халате, с окровавленным ножом, стоит на помосте. Внизу столпились еврейки. Они подают резнику (шойхету) куриц и уток для резки.

Левка перерезывает горло курицы.

Старая Рейзл подает шойхету петуха. Петух машет крыльями. Левка заносит нож. В это мгновение в резницу проскальзывает девочка-цветочница. В руках у нее букет цветов, она робко

ступает по цементному полу, залитому кровью.

Нож дрожит в руке шойхета, глаза его расширяются. Он застыл, петух бьется в его руках.

Затемнение

Часть четвертая

Контора Тартаковского. За главным столом управляющий Мугинштейн. Окутываясь дымом, работает у своей конторки англичанин. Служащий подносит Мугинштейну бумаги для подписи. Мугинштейн подписывает с роскошным росчерком. Форма одного письма ему не нравится, он бросает его на пол и плюет в сторону служащего, принесшего письмо. Тот, нимало не смутившись, тоже плюет. В это время с улицы в раскрытые окна вскакивают четыре человека в масках, с револьверами в руках.

На четырех подоконниках стоят, выпрямившись во весь рост, налетчики в масках.

— *Руки вверх!*

Ассортимент поднятых рук.

Фроим Грач, перс, Левка Бык и Колька Паковский занимают входы. На них смехотворные маски из цветного ситца. Всех можно узнать, особенно Грача, у которого маска каждый раз сползает.

Входит Беня. Он направляется к Мугинштейну.

— *Кто здесь будет за хозяина?*

Трепещущий Мугинштейн:

— *Я… я здесь буду за хозяина.*

Беня берет руки Мугинштейна, опускает их, дружелюбно здоровается с приказчиком, подводит его к кассе.

— *Отчини кассу с божьей помощью.*

Потрясенный Мугинштейн отрицательно качает головой. Беня вытаскивает из кармана револьвер и приказывает Мугинштейну:

— *Открой рот…*

Медленно раскрывающийся рот Мугинштейна, видны его зубы, растущие вкось.

Беня всовывает револьвер в рот Мугинштейна и медленно, не спуская с приказчика глаз, переводит предохранитель на «огонь». Слюна течет из раскрытого рта, руки Мугинштейна тянутся к штанам. Он вытаскивает связку ключей из потайного места, из мешочка, пришитого к кальсонам.

Ассортимент поднятых рук.

Массивные двери кассы расходятся. Богатство Тартаковского предстало перед взорами зрителей. К кассе подплывает искаженное лицо перса, под черными сводами бровей горят его расширенные глаза.

Беня вытирает полой приказчикова пиджака дуло револьвера, забрызганное слюной. Он

прячет револьвер, садится в кресло, закидывает ногу на ногу, раскрывает кожаный саквояж. Для начала Мугинштейн передает ему бриллиантовую дамскую брошку. Беня подходит к кассирше, воздевшей толстые руки, прикалывает к ее груди брошку.

Мощная грудь кассирши ходит ходуном.

Дама растеряна. Она переводит глаза с Бени на брошку. Руки ее подняты. На подмышках у нее большие круглые пятна от пота. Грач подходит к женщине, обнюхивает ее и морщится. Маска сползла у него на подбородок. Беня возвращается на свое место.

Передача ценностей началась. Мугинштейн передает Бене деньги, акции, бриллианты. Беня складывает добычу в саквояж. Они работают не спеша.

Общий вид конторы. Левка Бык препирается со стариком служащим, который кричит, что он не может больше держать руки поднятыми.

– *Разбойник, у меня грыжа…* —

вопит старик. Левка очень внимательно щупает живот старика и разрешает ему опустить руки.

Старик подбежал к кассирше и рассматривает ее брошку.

— Дивный двухкаратник… —

говорит он и причмокивает губами.

Передача ценностей продолжается. Она протекает без затруднений, руки Мугинштейна и Бени движутся равномерно.

Левка Бык прогуливается по конторе. Англичанин, страдающий от невозможности покурить, делает ему умоляющие знаки, указывает глазами на трубку. Левка вдвигает трубку в желтые зубы англичанина и зажигает спичку.

Движение рук Мугинштейна и Бени.

Трубка англичанина никак не раскуривается — это происходит оттого, что руки его подняты и бухгалтер не может примять табак. Левка зажигает одну спичку за другой. Вдруг зажженная спичка застывает у него в пальцах.

В окно вскочил пьяный Савка. Он орет, размахивает револьвером.

Левкина спичка догорела до конца. Она обжигает ему пальцы.

Пьяный Савка стреляет, Мугинштейн свалился. Беня, охваченный ужасом и яростью, кричит:

— Тикать с конторы…

Король схватил Савку за лацкан, он встряхивает его, трясет все сильнее.

— Клянусь счастьем матери, Савелий, ты ля-

жешь рядом с ним…

Налетчики убегают. На полу корчится раненый Мугинштейн. Старик с грыжей ползет к нему под столами.

Агонизирующий Мугинштейн и затем…

Обложка книги: «Гигиена брака».

Кудрявая девица с лицом веснушчатым, незначительным и столь внимательным, что со стороны оно может показаться мрачным, — склонилась над книгой «Гигиена брака».

Милиция присяжного поверенного Керенского

Канцелярия милицейского участка. За столами девицы и чахлые студенты еврейского типа. Среди студентов осунувшийся Лазарь Шпильгаген. У телефона кудрявая барышня, увлеченная вопросами гигиены брака. Она долго не обращает внимания на надрывающийся телефонный звонок (телефон старой системы с наружным звонком) и, наконец, лениво снимает трубку.

– Шпильгаген, доложите начальнику, что на Тартаковского налет… —

говорит она соседу, вешает трубку на рычажок и снова погружается в чтение.

Шпильгаген вяло бредет к начальнику. Шнурки его башмаков распущены, он поправляет их

по дороге.

Начальник участка, присяжный поверенный Цысин

Кабинет начальника участка. Цысин, брюнет с изможденной и благородной внешностью, неудержимо ораторствует перед тремя инвалидами, теми самыми, в чью пользу продавали кандалы у Фанкони. Инвалиды затоплены красноречием Цысина. Входит Шпильгаген. Начальник сначала не слушает его, потом приходит в ужасное волнение.

Размахивая руками, Цысин летит по коридору.

Старик с грыжей льет из медного чайника воду на кассиршу, упавшую в обморок. Она прикрывает рукой брошку.

Со двора участка медленно выползает танк. Из амбразуры танка выглядывает вдохновенное лицо Цысина.

Пекари, во главе с Собковым, бегут к конторе Тартаковского.

Тысячная толпа во дворе Тартаковского — женщины, ползущие по земле дети, зеваки, ораторы. С томительной медленностью вползает танк. Из танка выскакивает Цысин. Собков обращается к нему:

— Дайте мне несколько боевых ребят, и мы возьмем Короля…

Цысин машет рукой, убегает, за ним устремляется толпа. Один только часовой мастер в опорках остается на своем месте. Он с скучливым видом поднимает к небу глаз, вооруженный лупой; солнце пламенным лучом упирается в лупу.

Комната в доме Криков. На стене в одной раме портреты Льва Толстого и генерала Скобелева. Старушка Рейзл подает суп Фроиму и Бене. Грач макает в суп большие куски хлеба, он уплетает свою порцию с аппетитом. Беня отодвигает тарелку. Рейзл подкладывает ему пупки и яички, но Беня от всего отказывается, ему не до пупков. В комнату врывается Собков.

— Не надо нам уголовных… —

кричит пекарь и стреляет в Беню. Промах. Грач кидается на Собкова, подминает его под себя, душит. Беня оттаскивает Фроима.

— Отпусти его, Фроим, — черт разберет этих большевиков, чего им надо…

Грач встает, полузадушенный Собков валяется на полу. Рейзл приносит второе, не удостаивая Собкова взглядом, она переступает через распростертое его тело и раскладывает жаркое по тарелкам. Беня барабанит по столу пальцами.

Затемнение

Через два дня состоялись похороны Мугинштейна. Одесса таких похорон не видала, а мир не увидит

Кантор в торжественном облачении. За ним следуют мальчики в черных плащах и высоких бархатных шапках — синагогальные певчие.

Пышная колесница, три пары лошадей, лошади с плюмажами, мортусы в цилиндрах.

Толпа провожающих гроб. В первом ряду Тартаковский и еще один почтенный купец поддерживают старенькую тетю Песю, мать убитого.

Толпа — присяжные поверенные, члены общества приказчиков-евреев и дамы с серьгами.

Красный автомобиль Бени Крика мчится по улицам Одессы.

Тартаковский и сослуживцы покойного, в числе их — старик с грыжей и англичанин, несут гроб по кладбищенской аллее.

К кладбищенским воротам подкатывает автомобиль Бени Крика. Из него выскакивают Беня, Колька Паковский, Левка Бык и перс. В руках у Бени громадный венок.

Тартаковский и еще двое несут гроб. Их нагоняет Беня с соратниками. Налетчики отстраняют

Тартаковского, старика с грыжей, англичанина и подводят стальные плечи под гроб. Невыразимое смятение пробегает по толпе. Тартаковский исчезает. Налетчики выступают медленно, скорбно, с горящими глазами.

Во весь экран гроб, покачивающийся на плечах налетчиков.

У кладбищенских ворот. Кучер Тартаковского отлучился по нужде. Широкая его спина маячит у закругления кладбищенской стены. Из-за ограды выбегает Тартаковский; он вскакивает в экипаж и сам погоняет лошадей.

Кантор молится над могилой. Беня поддерживает тетю Песю. Кантор берет горсть земли, чтобы бросить ее на гроб, но рука его застывает. К нему направляются два парня, несущие покойника Савку Буциса. Беня — кантору:

— *Попрошу оказать последний долг неизвестному, но уже покойному Савелию Буцису.*

Кантор, дрожа и примериваясь, куда ему бежать, переходит к гробу Савки. Налетчики окружили труп. Проверяя кантора — не плутует ли он, не сокращает ли панихиду, они внимательно слушают молитву. Толпа тает, люди, отойдя шагов на десять от могил, обращаются в бегство.

Тартаковский нахлестывает лошадей. Кучер

бежит за экипажем.

Кладбищенская аллея. Памятники — молящиеся ангелы, пирамиды, мраморные щиты Давида. Бегство смятенной толпы.

У гроба Савки заикается кантор, разливается в три ручья тетя Песя и молятся по заветам отцов налетчики.

У кладбищенских ворот толпа сметает все преграды: экипажи, трамвай, даже грузовые площадки берутся приступом.

Обессиленный кучер Тартаковского, отчаявшись догнать экипаж, раскрывает полы ваточного армяка и садится на землю, чтобы передохнуть.

Поток дрожек и телег. Люди стоят на телегах, их качает, как на корабле во время бури.

Две разряженные дамы на телеге из-под угля.

Красный автомобиль врезывается в толпу бегущих и исчезает.

Затемнение

Голые спины Собкова и его длинного соседа. Движение мускулов на спинах.

В пекарне. Кочетков подбрасывает дрова в пылающую печь, мастер вынимает готовые хлебы. Входит Беня. Он отзывает Собкова в сторону.

Кладовая. На полках остывают хлебы, длинные ряды хлебов. Входят Собков и Беня.

— *Своди меня к твоим ребятам, Собков, и, клянусь счастьем матери, я брошу налеты…*

Собков поглаживает корку дымящегося хлеба.

— *Наливаешь, парень…* —

вскидывает он глаза на Беню и тотчас отводит их. Король подходит к нему вплотную и кладет маленькую руку в перстнях на голое грязное плечо пекаря.

— *Клянусь счастьем матери, Собков…* —

повторяет он с силой.

Длинные ряды хлебов остывают на полках, хлебный дух зеленой волной ходит по кладовой, солнечный луч раздирает туман. За изгородью отлакированных хлебов — лица Бени и Собкова, склонившиеся друг к другу.

Часть пятая. Конец короля

На черном фоне извивается телеграфная лента. Телеграфная лента ползет из аппарата:

Лето от Рождества Христова тысяча девятьсот девятнадцатое.

Телеграфист принимает в аппаратной комнате депешу по прямому проводу. Военком Собков склонился над ползущей лентой. На столике рядом с аппаратом лежит буханка черного хлеба, изрезанного жилами соломы, и мокнут в миске с водой пайковые селедки. Телеграфист в шерстяной шапке, какую зимой носят лыжники и конькобежцы, рваное его пальто стянуто на животе широким монашеским ремнем, за плечами у него котомка с провизией: он, видимо, собрался уходить.

Буханка хлеба, мокнущие селедки. Пальцы телеграфиста ковыряются в буханке.

Собков читает ленту, ползущую на пулемет, поставленный рядом с аппаратным столиком. Он так же, как и телеграфист, залезает пальцами в самую сердцевину буханки и выковыривает оттуда мякоть. Телеграфная лента:

Военкому Собкову тчк Ввиду ожидающегося

нажима неприятеля выведите Одессы и обезоружьте под любым предлогом…

Пулемет, обмотанный телеграфной лентой. В уголку, поодаль, Кочетков чинит худой свой башмак. Не снимая его с ноги, Кочетков проволокой связывает отвалившуюся подошву.

Продолжение телеграммы:

…Обезоружьте под любым предлогом части Бени Крика тчк

Башмак Кочеткова — у ранта во всю длину подошвы правильно закрученные, откусанные узлы проволоки.

Собков сунул в карман ленту, он оторвал от буханки кусок и жует его на ходу. Военком и Кочетков выходят из аппаратной.

На черном фоне извивается ослепительная телеграфная лента. Конец ее…

…вползает в открытый, без капота, автомобильный мотор.

Во дворе телеграфной станции. Кладбище грузовиков и походных кухонь. Одна походная кухня действует. Кашевар-красноармеец стряпает щи. Он топит котел своей кухни деревянными колесами, отбитыми от других походных кухонь; их во дворе неисчислимое множество. Тут же бьется над ободранным, разболтанным автомобилем

шофер Собкова. На моторе нет капота, шофер старается наладить машину, но толку от его усилий мало.

Мотор автомобиля — перевязанный проволокой и ремнями, латаный, дымящийся, мотор девятнадцатого года.

Во двор спускаются Собков и Кочетков. Они садятся в автомобиль.

– *В казармы, живее…* —

говорит Собков шоферу, тот вертит ручку, но завести мотор невозможно. Шофер растирает струи пота по багровому лицу, он с ненавистью следит за потугами мотора, перебирает какие-то клапаны и вдруг изо всей силы плюет в самое сердце мотора. Кашевар и Собков приходят ему на помощь, они тоже вертят ручку, но впустую. Кочеткову удается наконец завести машину. Шофер вскакивает на сиденье, дает газ, гигантское облако дыма вылетает из машины, с кряхтением она трогается.

Автомобиль выезжает из ворот. Шофер судорожно работает у руля. Облако дыма все разрастается, оно заволакивает экран, из желтого тумана возникают с необыкновенной резкостью — замусоленные игральные карты, раскинутые веером. Их держит жилистая рука. Один палец на этой

руке сломан, искривлен. Луч солнца пронизывает карты.

N-ский «революционный» полк готовится к решительным битвам

Казармы «революционного» полка Бени Крика. На веревках, протянутых во всю длину казармы, развешано сохнущее солдатское белье. На белье казенные клейма. Под веревками, где особенно густо нанизаны кальсоны с клеймами, идет азартная игра в карты, игра блатных. Партнеры — лупоглазый перс и папаша Крик, нацепивший на себя крохотный картуз с красноармейской звездой. Вокруг стола — толпа мазунов-налетчиков, знакомых нам по свадьбе Двойры Крик. Перс, убежденный в том, что победить его козырей невозможно, сдает карты с торжеством, со страстью. На лице папаши Крика написано кроткое уныние. Он долго размышляет, морщится, закрывает один глаз и наконец «убивает» первую карту перса.

Залитые солнцем карты в руке старого Крика.

Старик с грустью «убивает» вторую карту перса. К нему придвигается голая спина Кольки Паковского.

Рядом с Менделем на высоком стуле сидит об-

наженный до пояса Колька Паковский. Старый китаец производит над ним операцию татуировки. Он наколол уже на спине Кольки у правой лопатки мышь и теперь загибает за плечо длинный и гибкий мышиный хвост.

Мендель бьет одну за другой все карты партнера. Лицо перса омрачилось. Он платит проигрыш новыми часами из вороненой стали. На столе возле него гора нераспакованных ящиков с новыми, только что из магазина, часами.

Казарма, забитая сохнущим бельем. В дальнем углу у окна Левка Бык в кожаном переднике, измазанном кровью, рассекает недавно зарезанного вола. Он и в казарме занимается прямым своим делом. Его окружили «красноармейцы», ждущие порции. За окном виднеются головы торговок, выстроившихся в очередь: они тоже ждут раздачи. Левка наделяет красноармейцев кровоточащим мясом, изредка он накалывает на нож чудовищные куски мяса и, не оборачиваясь, швыряет их за окно, как укротитель швыряет конину в клетку с тиграми.

Игра продолжается. Настал черед перса торжествовать. Дергаясь, хохоча, дрожа от возбуждения, он бьет карты старика и требует выигрыш. Папаша Крик платит новенькими кредитками,

которые он вытаскивает из пачки, перевязанной как в банке. Две кредитки оказываются без оборота — одна сторона напечатана, на другой ничего нет. Старик подзывает одного из мазунов, отдает ему негодные кредитки.

— Скажи Юсиму, что он у меня умоется юшкой за такую работу… Пусть допечатает…

Мазун прячет кредитки и уходит. В дверях он сталкивается с Тартаковским и пропускает его в казарму. На Тартаковском сломанный солдатский картуз; лицо его носит следы удивительного маскарада — усы сбриты, а борода оставлена, как у голландского шкипера.

Тартаковский пробирается на цыпочках вдоль стены. В руках у него бархатный мешочек с неизвестным содержимым. Старик перекрасился и одет соответственно духу времени — на нем рваный сюртук, на ногах опорки, только живот величествен по-прежнему. Следом за ним скользят еще два почтенных еврея. На одном из них кепи велосипедиста, сюртук и краги, на другом кепи поменьше и куртка с брандебурами.

Командир N-ского «революционного» полка

Двор в здании красноармейских казарм. На одной из внутренних дверей вывеска — «Пе-

хотный имени французской (тут от руки мелом дописано — и германской) революции полк». Беня в фантастической форме верхом на лошади. Фроим Грач стоит посредине двора и щелкает кучерским кнутом. Беня мчится карьером и описывает по двору правильные круги, как в манеже.

Низкая дверь. Три живота с трудом протискиваются сквозь узкую щель.

Скачка продолжается. Тартаковский и трепещущие его спутники проникают во двор. Они кланяются Бене, неутомимо описывающему круги. Командир N-ского «революционного» полка дает лошади шпоры, взвивает плеть, подскакивает к толстякам, те приседают. Тартаковский протягивает Бене бархатный мешочек с неизвестным содержимым.

Вышитая цветами надпись на бархатном мешочке: «От революционных кустарей города Одессы».

Беня разворачивает дары. В бархатном мешочке оказывается свиток Торы, пергамент намотан на лакированные резные палки. Беня передает Тору Фроиму Грачу. Тогда Тартаковский подступает ближе, он гладит дрожащей рукой морду лошади и начинает речь:

— *Революционные кустари просят вас…*

Бесстрастное лицо Бени, руки его, величественно сложенные на луке седла. Подальше — Фроим, разматывающий свиток. Тартаковский продолжает:

— *…просят вас защищать революционную Одессу в самой революционной Одессе и…*

Фроим разматывает Тору и вынимает из нее одну за другой царские сторублевки.

Беня скосил угол глаза в сторону Фроима. Тартаковский продолжает:

— *…в самой революционной Одессе и не выступать на какой-то там фронт…*

Гром распахнувшихся ворот, столб дыма, влетевший во двор, — прервали речь революционного кустаря. Вслед за струей дыма тройка пожарных лошадей вкатывает во двор испортившийся по дороге автомобиль Собкова. На одной из лошадей восседает красноармеец в войлочных туфлях на босу ногу. Военком и Кочетков прыгают на землю, бегут к казарме. Шофер подходит к дымящемуся мотору, долго в него всматривается, поднимает к небу затуманенные глаза и задумчиво, несколько раз подряд, плюет в магнето.

Собков и Кочетков пробегают рысью калитку, сквозь которую с таким трудом проходили живо-

ты революционных кустарей.

Голос Тартаковского опустился до шепота, он все веселее и любовнее треплет морду лошади, два других делегата поглаживают ее бока. Беня наклонился к ним ближе; в другом углу Фроим скатывает пергамент.

Игра в казарме ведется с неослабевающей страстью. У противоположной стены, недалеко от Левки, расшвыривающего мясо, мылит себе щеку парень с грубым лицом, подстриженными усиками и забинтованными ногами. Тут же на койке, спиной к зрителям, спит коротковатая пухлая женщина в модных башмаках до колен. В казарму вбегают Собков и Кочетков. Военком вскакивает на трибуну, поставленную под перекрещенными знаменами.

— *Товарищи!*

Новоявленные «товарищи» лениво стягиваются к военкому. Левка обтирает о передник нож и идет к трибуне. Сюда же собираются мазуны: парень с намыленной щекой, китаец, Колька Паковский, обнаженный до пояса, и другие. Только перс и папаша Крик не встают с места, не прерывают игры — они по-прежнему обмениваются новыми часами и новыми кредитками.

— *Товарищи!* —

повторяет Собков. «Товарищи» устремили на него тусклые взоры. Они видны со спины, все как по команде чешут одной босой ногой другую.

— *Рабочая власть, простив прежние ваши преступления, требует честного служения пролетариату…* —

говорит Собков. Парень с намыленной щекой стоит к нему в профиль, лицо его уныло, большие пальцы играют. Левка Бык натирает нож до блеска. Военком продолжает:

— *Доверяя вам, Исполком решил образовать из вашего полка заградительные продовольственные отряды…*

Собков прерывает речь для того, чтобы проследить, какое впечатление сделало на налетчиков неожиданное его заявление. Налетчики аплодируют. Веселая эта работа — аплодисменты — нравится им, они хлопают все горячее. Распаленный военком лезет в карман за платком, рука его уходит все глубже, все дальше, не встречая никаких препятствий. Карман вырезан.

Превосходно вырезанный карман Собкова.

Военком застыл с раскрытым ртом. Ребята расползаются по своим местам; парень с грубым лицом, подстриженными усиками и забинтованными ногами мылит вторую щеку, дама его

шевелится, просыпается, поворачивается к Собкову мятым лицом с кудряшками. Сбитый с толку военком переводит глаза с налетчиков на зевающую женщину, спустившую с койки жирные ножки в модных башмаках.

По казарме бежит мазун, вернувшийся с допечатанными деньгами. Он отдает их папаше Крику.

Собков, опомнившись, вытаскивает револьвер. Колька Паковский, растянувшийся в кресле, поворачивает голову вполоборота и снова отводит ее. Китаец все возится над его плечом, он расцветил красками мышиный хвост, обвившийся змеей вокруг Колькиного соска; Кочетков схватил военкома за руку.

Пальцы военкома, схваченные Кочетковым, слабеют, выпускают револьвер.

Часть шестая

Соблазненный «продовольственными» перспективами полк Бени Крика решил выступить из Одессы

Пустынная улица в Одессе. Лавки заколочены досками, болтами, крюками. К двери нищенской лавчонки прибито изображение греческого короля, под ним надпись: «Здесь торгует иностранный подданный Меер Гринберг». Одинокая собака сидит посредине мостовой. Порванные телеграфные провода лежат у ее ног. Они склонились перед собакой, как знамена перед военачальником. Тучный хромой человек быстро уходит вдоль улицы, он тяжело налегает на ногу, выгнутую колесом. Далеко в пролете вымершей улицы в красной пыли солнца видна уходящая его спина.

Из-за угла выезжает на кровной лошади Беня Крик. Множество ленточек вплетено в гриву его коня. Рядом с ним едут Собков на лохматой сибирской лошаденке и одноглазый Фроим Грач в галифе. Остальной костюм Фроима — парусиновая бурка, смазные сапоги и кнут — остался без

изменений. Тут же шагает Кочетков. Отваливающиеся его подошвы разевают унылые пасти. За всадниками следуют музыканты, восседающие на мулах. Мулы эти остались от времен оккупации Одессы цветными войсками. Мулы прядают длинными ушами; седел, стремян на них нет, они перекрыты семейными коврами. Впереди оркестра движется свадебный музыкант, поднявший к небесам сияющую свою трубу, о которой было уже сказано, что она походит больше на удава, чем на музыкальный инструмент.

В далекой перспективе, в запылившемся огне заката, спина уходящего хромца. Он подошел к посудной лавке, единственной незаколоченной лавке, и повернул к зрителю красное, вспотевшее доброе лицо.

Вслед за оркестром выступает орда Бени Крика. Бывшие налетчики в касках, они обмотаны пулеметными лентами, штаны носят навыпуск; одни идут босиком, на других разношенная, правда дырявая, но лакированная обувь. В толпе Бениных сподвижников — детские коляски, провожающие жены, матери, невесты. Все это визжит и путает ряды. За Колькой Паковским, не поспевая, семенит мать, маленькая старушка, она несет его ружье и ранец. Левка Бык толкает

коляску годовалого своего сына. Рядом с ним жена — задорливая молдаванская баба, завороченная в пурпурную шаль. Левка Бык и его семейство выходят из рядов, он с тоской окидывает взглядом длинный ряд заколоченных лавок.

Показалась «артиллерия» — тачанки с пулеметами. Следом за «артиллерией» движется биндюг, на котором сооружено что-то вроде балагана. На биндюге надпись громадными буквами: «Труппа Политпросвета при N-ском имени французской революции пехотном полку». В глубине балагана — матрос с лентами и выпуклой грудью играет на ободранном пианино. Лилипуты — мужчина и женщина, одетые в бальные платья, — протягивают к публике кружки с надписью: «На украшение казармы».

В единственной незаколоченной лавке. Товары — фаянсовые унитазы, канализационные трубы, сиденья для ватерклозетов. Длинный мальчик, с зелеными веснушками и тонкой шеей, поливает пол из медного чайника. Он описывает на полу затейливые фигуры, рисует водой человечков и буквы. Хозяин лавки, хромой немец, вытирает полотенцем беспомощное широкое лицо. Он устал от быстрой ходьбы. На раскаленных отваливающихся его щеках кипит

обильный пот, пот доброго толстого человека. Обтерев лицо, он лезет с полотенцем за пазуху, в это мгновенье дверь открывается и в лавку вламывается Левка Бык в сопровождении своего семейства.

Чайник дрогнул в руках мальчика. Изящные петли прервались, вода льется на пол безо всякого порядка.

Ряд фаянсовых сверкающих унитазов. Над ними склонилась испытующая рожа Левки. Он видит, что взять нечего, он колеблется, уходит, возвращается, захватывает с горя унитаз, особенно пышно расписанный розовыми цветами, швыряет его в коляску сына и уходит. Немец застыл с полотенцем за пазухой.

На углу Дерибасовской и Екатерининской. Кафе Фанкони заколочено, цветочниц нет на углу. Босая девочка в мешке, та самая девочка, которая разносила записки Бени, — прижалась к пустой витрине магазина Вагнера. Первый ряд колонн — Беня, Фроим и Собков — поравнялись с нею. Торопясь и дрожа, она вытаскивает из-за пазухи розу, завернутую в газетную бумагу; путаясь между лошадьми, оборвыш бежит к Бене и протягивает ему розу.

Порт. Причальная линия так называемой ар-

бузной гавани заставлена дубками. Закат золотит грязные паруса, воду, усеянную корками, и груды арбузов, мириады арбузов. Суденышки набиты ими до краев.

Выгрузка арбузов из дубка. Хозяин судна, грек, бросает арбуз грузчику, стоящему на берегу, тот передает арбуз другому грузчику, и так по всей линии до вагона. Расстояние между грузчиками — два-три шага.

Движение арбуза, перебрасываемого из рук в руки.

Несколько Бениных ребят наблюдают с каменными лицами погрузку арбузов. В рядах их происходит едва уловимое движение. С непостижимой быстротой бросают они в море грузчиков и образуют свою цепь от дубков до вагона. После мгновенной заминки выгрузка арбузов продолжается с прежней точностью.

Движение арбуза, перебрасываемого из рук в руки.

Грузчики, бывалые ребята, барахтаются в воде. Греки — хозяева дубков — наставляют паруса, готовятся к бегству. Вечер. В порту зажигаются огни.

Полк Бени Крика грузится в теплушки. Будущие «продовольственники» натаскали в вагоны

груды мешков.

У дверей классного вагона, первого от паровоза, дежурит Кочетков. Беня и Фроим входят в вагон. Кочетков запирает за ними дверь на ключ. Фроим услышал визг ключа в замке, он обернулся, прыгнул, уставился на скуластого простоватого Кочеткова, постучал в стекло:

— *Пусти до ветру, Кочетков…*

Кочетков приставил винтовку к ноге:

— *Какой там ветер на войне?..*

Фроим внимательно осмотрел Кочеткова и скрылся в глубине вагона.

Дубки, круто скосив паруса, уходят в море. Мокрые грузчики карабкаются на берег. Вечер.

На перроне зажгли газовые фонари. Левка Бык тащит к вагону кучу мешков. Его встречает Собков и спрашивает:

— *Зачем столько мешков, Левка?*

Левка, согнувшийся под своей ношей, смотрит с удивлением на недогадливого военкома.

— *Для того чтобы бороться с мешочниками, нужны мешки… —*

отвечает он и бежит дальше. За ним с корзиной в руках поспешает старая Манька — патриарх слободских бандитов.

Беня стоит в окне вагона. К нему подбегает за-

пыхавшаяся Манька. Она вынимает из корзины четверть спирту и мандолину и подает их командиру. Паровоз дает свисток.

Ребята Бени Крика катят по путям вагон с арбузами; они прицепляют его к своему поезду.

Полк погрузился. Красноармейцы из регулярных частей закрывают двери теплушек. Медленно, неотвратимо движутся двери на железных роликах. Пасти теплушек закрылись все сразу. Красноармейцы вскочили на тормозные площадки.

Паровоз дает последний свисток и трогается. Красноармейцы, спрятанные за пакгаузами, прыгают на тормоза, лезут на крыши вагонов.

Дальние паруса в ночном море. Изрезанная луна в обвалах туч.

Поезд набирает скорость.

Уходящая Одесса — витая линия огней в порту, мигающий глаз маяка, отблески луны на черной воде, колыхающиеся тела шаланд и дыры парусов, пропускающие звезды.

В салон-вагоне. Ободранное просторное купе хранит следы недавнего великолепия. В углу, ввинченная в пол, золоченая ванна с орлами. На столе целый поросенок и четверть спирта. Собков разливает в разбитые черепки водку. На пирше-

стве присутствуют лилипуты, одетые в бальные туалеты. Незаметно ни вилок, ни ножей. Фроим разрывает поросенка руками.

В передней. Домовитый Кочетков устраивается у закрытой двери купе. Он поставил винтовку между ног, разостлал на столике грязный платок, высыпал табак и гильзы, обстругал палочку для набивки папирос.

Собков, Беня, Фроим и лилипуты чокаются посудинами разнообразнейшей формы и размеров — у черепков отбиты края, донышки перевязаны проволокой. Все выпили, кроме Собкова, вылившего свою водку за воротник. Беня и Фроим заметили его маневр, они переглянулись, подложили револьверы под карту-двухверстку, брошенную на стол.

Кочетков набивает папиросы, руки его движутся неторопливо. Он складывает папиросы аккуратными стопками.

Фроим разливает водку. Не спуская глаз друг с друга, компания чокается. Под картой-двухверсткой топорщатся револьверы. Одни только лилипуты пьют весело, с жадностью.

Мчащийся поезд. Ночь. По крышам, у сцеплений, у тормозов мелькают ползущие силуэты красноармейцев. Последний вагон отрывается от

поезда и катится назад. Искра бежит по рельсам вслед за оторвавшимся вагоном.

В купе. «Комсостав» пьет. На этот раз Беня и Фроим вылили свою водку, но сделали они это искуснее, чем Собков, ни для кого не заметно.

Кочетков в передней набивает папиросы.

В купе все притворяются пьяными. Собков целуется слюнявым размягченным поцелуем с Беней и Фроимом. Лилипуты, действительно пьяные, порываются танцевать. Фроим поднимает их на вытянутых руках и, выкидывая ноги в больших сапогах, отплясывает неведомый, сумрачный, старательный танец.

Второй вагон отрывается от состава и бежит обратно в ночь. Искра, подпрыгивая на рельсах, летит за ним.

Низко опустив голову, не меняя выражения лица, Беня играет на мандолине. Развалившись в кресле, Собков, вдребезги якобы пьяный, хлопает в ладоши. Фроим пляшет с лилипутами. Маленькая женщина обвила короткими ручонками кирпичную шею Фроима и целует его в губы.

Под столом течет струйка вылитой водки.

Кочетков набивает папиросы.

Пьяные лилипуты свалились. Они обнялись и заснули.

Беня швырнул мандолину в сторону, он разливает водку. Фроим, Собков и он сплели руки для того, чтобы выпить на брудершафт.

На брудершафт

Все трое подносят черепки к губам. В это мгновение поезд остановился. От резкого толчка расплескалась водка, руки пивших на брудершафт медленно расплетаются. Собков подбегает к окну и открывает штору. Ночь залита пламенем гигантского костра. Багровые лучи ложатся на лица Бени и Фроима.

Поезд остановился в поле. В поезде остался только паровоз и салон-вагон, остальной состав отцеплен. Вагон Бени увешан вооруженными красноармейцами — они на крыше, на подножках, у тормозов, у окон. Костер пылает в пяти — десяти шагах от полотна железной дороги. Два чабана варят мирную похлебку в закопченном котелке. Из созревших хлебов выползают красноармейцы — кудлатые, низкорослые, босые мужики — и с ружьями наперевес бегут к вагону. Пламя костра вытягивается на дулах их ружей.

Собков отошел от окна, он бросил в золоченую ванну стакан с водкой.

– Не серчай, Беня… —

сказал он и выскользнул из вагона. Беня переводит глаза с Фроима на ванну, с ванны на спящих в углу обнявшихся лилипутов. Фроим складывает из топорных иссеченных своих пальцев фигу и подносит ее к лицу «короля».

Кочетков, стоя на подножке вагона, раздает папиросы кудлатым мужикам. Они вперебивку суют руки в его шапку.

Беня показался у окна.

Толкающиеся руки мужиков в шапке Кочеткова.

Беня обводит взглядом красноармейцев, облепивших вагон, дула ружей, устремленные на него, босого мужика, усевшегося на крюке, где сцепление, и Собкова, застывшего перед окном с телефонным аппаратом в руках.

В купе. Фроим с бешеной поспешностью разбивает пол вагона. Он рассчитывает ускользнуть через дыру в полу. К нему подкрадывается Кочетков и стреляет в голову одноглазого биндюжника. Фроим повернул к Кочеткову залитое кровью, притихшее, укоризненное лицо.

Собков не сводит глаз с открытого окна. В руках его аппарат полевого телефона. Беня медленно опускает штору.

Лилипуты, разбуженные выстрелом, вскочили.

Кочетков подносит палец к губам. «Т-с-с», — делает он, подходит к Бене, берет его за руку.

— Жили — не ссорились… —

говорит Кочетков и поворачивает Беню вокруг своей руки. В дверях вагона показались красноармейцы с ружьями на изготовку.

Подбритый затылок Бени. На нем появляется пятно, рваная рана, кровь, брызгающая во все стороны.

Затемнение

В кабинете председателя Одесского Исполкома. Под мертвой пышной электрической люстрой горит керосиновая лампа. Председатель, сонный человек в папахе, в белой рубахе навыпуск и с обмотанной шеей, наклонился над диаграммой: «Кривая выработки кожевенных фабрик за первую половину 1919 года». Инженер из ВСНХ дает ему объяснения. Звонит телефон, председатель снимает трубку.

В поле у костра. Лежащий на земле Собков говорит по телефону. Рядом с ним прикрытые рогожей трупы Бени и Фроима Грача. Босые их ноги высовываются из-под рогожи.

Председатель, выслушав донесение, положил трубку. Он поднимает на инженера сонные

глаза.

— *Продолжайте, товарищ…*

Две головы — одна в спутанной папахе, другая расчесанная — склоняются над диаграммой.

Мария

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Муковнин Николай Васильевич.
Людмила — его дочь.
Фельзен Катерина Вячеславовна.
Дымшиц Исаак Маркович.
Голицын Сергей Илларионович — бывший князь.
Нефедовна — нянька в доме Муковнина.
Евстигнеич — инвалид
Бишонков — инвалид
Филипп — инвалид
Висковский — бывший ротмистр гвардии.
Кравченко.
Мадам Дора.
Надзиратель — в милиции.
Калмыкова — горничная в номерах на Невском, 86.
Агаша — дворничиха.
Андрей — полотер
Кузьма — полотер
Сушкин.
Сафонов — рабочий.

Елена — его жена.
Нюшка.
Милиционер.
Пьяный — в милиции.
Красноармеец — с фронта.

Действие происходит в Петрограде, в первые годы революции.

Картина первая

Номера на Невском. Комната Дымшица — грязно, нагромождение мешков, ящиков, мебели. Два инвалида, **Бишонков** и **Евстигнеич**, раскладывают привезенные продукты. У Евстигнеича — тучного человека с большим красным лицом — выше колен отняты ноги. У Бишонкова зашпилен пустой рукав. На груди у инвалидов — медали, Георгиевские кресты. **Дымшиц** бросает на счетах.

Евстигнеич. Дорогу всю расшлепали… Зандберг был на Вырице, людям жить давал, — убрали.

Бишонков. Слишком тиранят, Исаак Маркович.

Дымшиц. А Королев есть?

Евстигнеич. Зачем «есть», — коцнули. Дорогу как есть расшлепали, все заградиловки новые.

Бишонков. Слишком стало затруднительно с продуктовым делом, Исаак Маркович. К одной заградиловке привыкнешь, а ее уже нет. Хоть бы отбирали, а то ведь смерть к глазам приставляют.

Евстигнеич. Ума не дашь… Кажный день

изобретение делают… Подъезжаем нонче к Царскосельскому — стрельба. Что такое?.. Думаем — власть отошла, а они это моду такую взяли — допрежде всякого разбору бахать.

Бишонков. Большое богатство продуктов нонешний день отобрали. Деткам, говорят, пойдет… В Царском Селе в настоящее время одни дети — колония считается.

Евстигнеич. Деткам, да с бородой.

Бишонков. А если я голодный, неужели ж я себе не возьму? Обязательно я себе возьму, если я голодный.

Дымшиц. Где Филипп? Я о Филиппе думаю… Зачем вы человека бросили?

Бишонков. Мы его, Исаак Маркович, не бросали: он чувства свои потерял.

Евстигнеич. Водит его кто-нибудь…

Бишонков. Одно слово — тиранство, Исаак Маркович.

Евстигнеич. Того же Филиппа взять: мужчина рослый, заметный, а внутренности нет, внутренность слабая… Подъезжаем к вокзалу — стрельба, народ плачет, падает… Я ему говорю: «Филипп, говорю, мы форткой на Загородный пройдем, там вся цепочка своя». А уж он не тот, потерялся. «Я, говорит, опасываюсь идти». — «Ну, говорю,

опасываешься, — сиди… Спиртонос — божий человек, только в морду дадут, чего тебе бояться? На тебе один пояс с вином…» А его уж к полу привалило. Мужчина сильный, лошадиная сила, а внутренность не та.

Бишонков. Мы так надеемся, Исаак Маркович, — отыщется. За ним следу большого нет.

Дымшиц. Почем колбасу брали?

Бишонков. Колбасу, Исаак Маркович, по восемнадцать тысяч брали, да и похужело. В настоящее время что Витебск, что Петроград — один завод.

Евстигнеич *(открывает в стенке потайное место, переносит туда продукты).* Подравняли Расею.

Дымшиц. Крупа почем?

Бишонков. Крупа, Исаак Маркович, девять тысяч, а слово напротив скажешь — не бери. Торговлей никак не интересуются. Он того только и ждет, чтобы тебе не понравилось. Такой кураж у этих купцов пошел — не передать!

Евстигнеич *(прячет в стену хлебы).* Супруги сами хлебы пекли, свои труды клали… Кланяться велели.

Дымшиц. Дети как — живы, здоровы?

Бишонков. Дети живы, здоровы, очень благополучны. Одеваны в шубки, богатые детки…

Супруга приехать просят.

Дымшиц. Больше делать нечего… *(Бросает на счетах.)* Бишонков!

Бишонков. Я.

Дымшиц. Не вижу пользы, Бишонков.

Бишонков. Слишком затруднительно стало, Исаак Маркович.

Дымшиц. Расчету не вижу, Бишонков.

Бишонков. Расчету, Исаак Маркович, никак не видать… У нас с Евстигнеичем такая думка, что надо на другой товар перекидаться. Продукт — он вещество громоздкое: мука — она громоздкая, крупа — громоздкая, ножка телячья — тоже громоздкая. Надо, Исаак Маркович, на другое перекидаться — на сахарин или, там, на камешки… Бриллиант — это прелестное вещество: за щеку положил — и нету.

Дымшиц. Филиппа нет… Я об Филиппе думаю.

Евстигнеич. Пожалуй, покалечили.

Бишонков. И то сказать, — инвалид по восемнадцатому году фирма была, а в настоящий момент…

Евстигнеич. Куда тебе, — образовались! Раньше у народа перед инвалидами совести не хватало, а теперь — ноль внимания. «Ты зачем инвалид?» — спрашивают. «У меня, говорю, бри-

зантный снаряд обе ноги отобрал». — «А в этом, говорят, ничего такого особенного нет, у тебя, говорят, без страдания оторвало, сразу… Ты, говорят, страдания не принимал». — «Как это, говорю, страдания не принимал?» — «А так, говорят, известная вещь: тебе ноги под хлороформом подравняли, ты ничего и не слыхал. У тебя только с пальцами недоразумение, пальцы у тебя вроде стремят, чешутся, хотя они и отобраны, и больше ничего такого с тобой нет». — «Как ты, говорю, можешь это знать?» — «А так, говорит, — народ, слава те филькиной сучке, образовался». — «Видно, образовался, если инвалида с поезда скидает… Зачем ты, говорю, меня на путь скидаешь? Я калека…» — «А потому и скидаем, что нам в Расее, говорит, на калек глядеть обрыдло». И скидает, как поленницу… Я, Исаак Маркович, очень на наш народ обижаюсь.

Входит **Висковский** — в бриджах, в пиджаке. Рубаха расстегнута.

Дымшиц. Это вы?

Висковский. Это я.

Дымшиц. А где здравствуйте?

Висковский. Людмила Муковнина приходила к вам, Дымшиц?

Дымшиц. Здравствуйте собака съела?.. А если приходила, так что?

Висковский. Кольцо Муковниных у вас, я знаю, Мария Николаевна передать его вам не могла…

Дымшиц. Передали мне люди, не обезьяны.

Висковский. Как попало к вам это кольцо, Дымшиц?

Дымшиц. Люди дали, чтоб продать.

Висковский. Продайте мне.

Дымшиц. Почему вам?

Висковский. Пытались вы когда-нибудь быть джентльменом, Дымшиц?

Дымшиц. Я всегда джентльмен.

Висковский. Джентльмены не задают вопросов.

Дымшиц. Люди хотят валюту за кольцо.

Висковский. Вы должны мне пятьдесят фунтов.

Дымшиц. За какие такие дела?

Висковский. За дело с нитками.

Дымшиц. Которые вы просыпали…

Висковский. В конной гвардии нас не учили торговать нитками.

Дымшиц. Вы просыпали потому, что вы горячий.

Висковский. Дайте срок, маэстро, я научусь.

Дымшиц. Что за учение, когда вы не слушаетесь? Вам говорят одно, вы делаете другое… На войне вы там ротмистр или граф, — я не знаю, кто вы там, — может быть, на войне нужно, чтобы вы были горячий, но в деле купец должен видеть, куда он садится.

Висковский. Слушаю-с.

Дымшиц. Я серчаю на вас, Висковский, я еще за другое на вас серчаю. Что это был за номер с княжной?

Висковский. Задумано, как побогаче.

Дымшиц. Вы знали, что она девушка?

Висковский. Самый цимис…

Дымшиц. Так вот, этого цимиса мне не надо. Я маленький человек, господин ротмистр, и не хочу, чтобы эта княжна приходила ко мне, как божья матерь с картины, и смотрела на меня глазами, как серебряные ложки… О чем шел разговор? — спрашиваю я вас. Пусть это будет женщина под тридцать, мы говорили, под тридцать пять, домашняя женщина, которая знает, почем пуд лиха, которая взяла бы мою крупу и печеный хлеб и четыреста граммов какао для детей — и не сказала бы мне потом: «Паршивый мешочник, ты меня запачкал, ты мною воспользовался».

Висковский. Про запас остается младшая Муковнина.

Дымшиц. Она врунья. Я не люблю женщину, когда она врунья… Почему вы меня со старшей не познакомили?

Висковский. Мария Николаевна уехала в армию.

Дымшиц. Вот это был человек — Мария Николаевна, вот тут было на что посмотреть, с кем поговорить… Вы дождались того, что она уехала.

Висковский. Со старшей это сложно, Дымшиц. Это очень сложно.

Евстигнеич. «Тебя, говорит, без страху убило, ты, говорит, отмучился», — вон ведь как он меня обеспечил…

Отдаленный выстрел, потом ближе; выстрелы учащаются. Дымшиц гасит свет, запирает двери на ключ. Свет из окна, зеленые стекла, мороз.

(Шепотом.) Житуха…

Бишонков. Окаянство!

Евстигнеич. Все матросня орудует…

Бишонков. Никак жизни нет, Исаак Маркович!

Стук в дверь. Молчание. Висковский вынимает револьвер из кармана, открывает предохрани-

тель. Снова стук.

Кто там?
Филипп *(за дверью).* Я.
Евстигнеич. Голос дай… Кто это я?
Филипп. Откройте.
Дымшиц. Это Филипп.

Бишонков открывает дверь. В комнату проникает бесформенное огромное существо. Вошедший приваливается к стене, молчит. Вспыхивает свет. Половина Филиппова лица заросла диким мясом. Голова его упала на грудь, глаза закрыты.

В тебя стреляли?
Филипп. Не.
Евстигнеич. Наморился, Филипп?

Евстигнеич с Бишонковым снимают с Филиппа тулуп, верхнюю одежду, вытаскивают из-под нее резиновый костюм, бросают его на пол. Безрукий резиновый человек — второй Филипп — распростерт на полу. Пальцы Филиппа изрезаны, кровоточат.

Оборудовали как следует быть… Человеки зовемся…
Филипп *(голова его все свалена на грудь).* По следу… по следу шел…

Евстигнеич. Он шел?

Филипп. Он.

Евстигнеич. В крагах?

Филипп. Он.

Евстигнеич. Таперича взялись…

Дымшиц. До дому довел?

Филипп *(с трудом выговаривая слова).* До дому не довел… Стрельба перехватила, на стрельбу пошел…

Бишонков с Евстигнеичем подхватывают раненого, укладывают его.

Евстигнеич. Я тебе сказывал — воротами пройдем…

Филипп стонет, охает. Вдалеке выстрелы, пулеметная очередь, потом тишина.

Житуха…

Бишонков. Окаянство!..

Висковский. Где кольцо, маэстро?

Дымшиц. Приспичило с кольцом, горит под вами…

Картина вторая

Комната в доме Муковнина, служащая одновременно спальней, столовой, кабинетом, — комната 20-го года.

Стильная старинная мебель; тут же «буржуйка», трубы протянуты через всю комнату; под печкой сложены мелко наколотые дрова. За ширмой одевается, перед тем как ехать в театр, **Людмила Николаевна**. На лампе греются щипцы для завивки волос. **Катерина Вячеславовна** гладит платье.

Людмила. Сударыня, ты отстала… В Мариинке теперь очень нарядная публика. Сестры Крымовы, Варя Мейендорф — все одеваются по журналу и живут превосходно, уверяю тебя.

Катя. Да кто теперь хорошо живет? Нет таких.

Людмила. Очень есть. Ты отстала, Катюша… Господа пролетарии входят во вкус: они хотят, чтобы женщина была изящна. Ты думаешь, твоему Редько нравится, когда ты ходишь замарашкой? Ничуть не нравится… Господа пролетарии входят во вкус, Катюша.

Катя. На твоем месте я бы ресниц не делала,

и это платье без рукавов…

Людмила. Сударыня, вы забываете — я с кавалером.

Катя. Кавалер, пожалуй, не разберет.

Людмила. Не скажи. У него свой вкус, темперамент…

Катя. Рыжие горячи — это известно.

Людмила. Какой же он рыжий, мой Дымшиц? Он шоколадный.

Катя. И правда — у него так много денег?.. Висковский, по-моему, бредит.

Людмила. У Дымшица шесть тысяч фунтов стерлингов.

Катя. Все на калеках нажил?

Людмила. Ничего не на калеках… Вольно же было другим додуматься. У них артель, складчина. Инвалидов до сих пор не обыскивали, легче было провезти.

Катя. Нужно быть евреем, чтобы додуматься…

Людмила. Ах, Катюша, лучше быть евреем, чем кокаинистом, как наши мужчины… Один, смотришь, кокаинист, другой дал себя расстрелять, третий в извозчики пошел, стоит у «Европейской», седоков поджидает… Par le temps qui court[1]

---

[1] Примечания: 1
В наше время (*фр.*).

евреи вернее всего.

Катя. Да уж вернее Дымшица не найти.

Людмила. И потом, мы бабы… Katy, мы простые бабы, вот как дворникова Агаша говорит, «трепаться надоело». Мы не умеем быть неприкаянными, правда же, не умеем…

Катя. И детей родишь?

Людмила. Рожу двух рыженьких.

Катя. Значит — законный брак?

Людмила. С евреями иначе нельзя, Катюша. Они страшно семейственны, жена у них советчица, над детьми они трясутся… И потом — еврей всегда благодарен женщине, которая ему принадлежала. Поэтому — эта благородная черта — уважение к женщине.

Катя. Да ты откуда евреев так знаешь?

Людмила. Ну вот — «откуда». Папа в Вильне корпусом командовал, там все евреи… У папы приятель раввин был… Они все философы — их раввины.

Катя *(подает через ширму разглаженное платье).* После театра — ужин?

Людмила. Не исключено.

Катя. Конечно, вы выпьете, Людмила Николаевна, порыв страсти, все потонуло в тумане…

Людмила. Пальцем в небо, сударыня!.. Манеж

будет продолжаться месяц, два месяца — с евреями так надо. Еще даже не решено, будут ли поцелуи…

Входит **генерал** в валенках: шинель на красной подкладке переделана в халат; две пары очков.

Муковнин *(читает).* «…Октября шестнадцатого дня тысяча восемьсот двадцатого года, в царствование благословенного императора Александра, рота лейб-гвардии Семеновского полка, забыв долг присяги и воинского повиновения начальству, дерзнула самовольно собраться в позднее вечернее время…» *(Подымает голову.)* В чем же оно выразилось — забвение присяги? Выразилось оно в том, что люди вышли в коридор после переклички и решили просить у командира роты отмены очередного смотра по десяткам на дому… у командира полка бывали и такие смотры. За это, за так называемый бунт, было определено наказание… какое? *(Читает.)* «…Нижних чинов, признанных зачинщиками, лишить живота, людей первой и второй рот, подавших пример беспорядка, наказать виселицей, рядовых, помянутых в параграфе третьем, в пример другим, прогнать шпицрутенами сквозь батальон по шести раз…»

Людмила. Разве это не ужасно?

Катя. Кто же спорит, что прежде было много жестокого?

Людмила. По-моему, большевики должны ухватиться за папину книгу. Им же выгодно, чтобы бранили старую армию.

Катя. Они все требуют к текущему моменту.

Муковнин. Я разбиваю семеновскую трагедию на две главы. Первая — исследование причин мятежа, вторая — описание бунта, истязаний, отсылки в рудники… История моя будет история казармы, — не перечень народов, а судьба всех этих Сидоровых и Прошек, отданных Аракчееву, сосланных на двадцатилетнюю военную каторгу.

Людмила. Папа, ты должен прочитать Кате главу об императоре Павле. Если бы жил Толстой, он оценил бы, я уверена.

Катя. В газетах все требуют к настоящему моменту.

Муковнин. Без познания прошлого — нет пути к будущему. Большевики исполняют работу Ивана Калиты — собирают русскую землю. Мы, кадровые офицеры, нужны им хотя бы для того, чтобы рассказать о наших ошибках…

Звонок. Возня в прихожей. Входит **Дымшиц**

с пакетами, в шубе.

Дымшиц. Здравия желаю, Николай Васильевич! Здравия желаю, Катерина Вячеславна! Людмила Николаевна в доме?

Катя. Ждет вас.

Людмила *(из-за ширмы).* Я одеваюсь…

Дымшиц. Здравия желаю, Людмила Николаевна! На улице такая погода, что хороший хозяин собаку не выпустит… Меня привез Ипполит, наговорил полную голову, все шиворот-навыворот, — такого типа поискать надо… Мы не опоздаем, Людмила Николаевна?

Муковнин. На улице белый день, а они в театр.

Катя. Николай Васильевич, театры теперь начинают в пять часов дня.

Муковнин. Электричество экономят?

Катя. Во-первых, электричество. Потом, если поздно возвращаться, — разденут.

Дымшиц *(раскладывая пакеты).* Маленький окорочок, Николай Васильевич. Я в этом не специалист, но мне его продали как хлебный… Хлебом его кормили или чем другим — при этом мы не были…

Катя отошла в угол, курит.

Муковнин. Право, Исаак Маркович, вы слиш-

ком добры к нам.

Дымшиц. Немножко шкварок…

Муковнин *(не понял).* Виноват!

Дымшиц. У вашего папы вы этого не кушали, но в Минске, в Вилюйске, в Чернобыле их уважают. Это кусочки от гусятины. Вы отведаете и скажете мне ваше мнение… Как поживает книжка, Николай Васильевич?

Муковнин. Книжка подвигается. Я подошел к царствованию Александра Павловича.

Людмила. Читается как роман, Исаак Маркович. Я считаю, что это напоминает «Войну и мир», — там, где Толстой о солдатах говорит…

Дымшиц. Очень приятно слушать… На улице пусть стреляют, Николай Васильевич, на улице пусть бьются головой об стенку, — вы должны делать свое. Кончите книжку — магарыч мой, и на первые сто экземпляров — я покупатель… Кусочек сальтисона, Николай Васильевич: сальтисон домашний, от одного немца…

Муковнин. Исаак Маркович, право, я рассержусь…

Дымшиц. Это для меня честь, чтобы генерал Муковнин на меня сердился… Сальтисон дивный! Этот немец был довольно видный профессор, теперь занимается колбасами… Людмила Нико-

лаевна, я сильно подозреваю, что мы опоздаем.

Людмила *(из-за ширмы).* Я готова.

Муковнин. Сколько я вам должен, Исаак Маркович?

Дымшиц. Вы мне должны подкову от лошади, которая издохла сегодня на Невском проспекте.

Муковнин. Нет, серьезно…

Дымшиц. Хотите серьезно — две подковы от двух лошадей.

Из-за ширмы выходит Людмила Николаевна. Она ослепительна, стройна, румяна. В мочках ушей бриллианты. На ней черное бархатное платье без рукавов.

Муковнин. Хороша у меня дочка, Исаак Маркович?

Дымшиц. Не скажу — нет.

Катя. Вот это она и есть, Исаак Маркович, — русская красота.

Дымшиц. Не специалист в этом, но вижу, что хорошо.

Муковнин. Я вас еще со старшей моей познакомлю — с Машей.

Людмила. Предупреждаю: Мария Николаевна у нас любимица, — и вот, пожалуйте, любимица в солдаты ушла.

Муковнин. Какие же это солдаты, Люка?.. В политотдел.

Дымшиц. Ваше превосходительство, про политотдел спросите меня. Это те же солдаты.

Катя *(отводит Людмилу в сторону).* Право, серег не надо.

Людмила. Ты думаешь?

Катя. Конечно, не надо. И потом — этот ужин…

Людмила. Сударыня, спите спокойно. Ученого учить… *(Целует Катю.)* Катюша, ты глупая, милая… *(Дымшицу.)* Мои ботики… *(Отвернувшись, снимает серьги.)*

Дымшиц *(кидается).* Момент!

Одевание: ботики, шуба, оренбургский платок. Дымшиц услуживает, мечется.

Людмила. Надеваю и сама удивляюсь — еще не продано… Папа, изволь без меня принять лекарство. И не давай ему работать, Катя.

Муковнин. Мы домовничать будем с Катей.

Людмила *(целует отца в лоб).* Вам нравится мой папка, Исаак Маркович? Правда, он у нас не такой, как у всех…

Дымшиц. Николай Васильевич роскошь, а не человек!

Людмила. Его никто не знает — одни мы… Где

вы оставили князя Ипполита?

Дымшиц. Оставил у ворот. Приказ — ждать, дисциплина. Момент — и будем там… Всего хорошего, Николай Васильевич!

Катя. Очень не кутите.

Дымшиц. Очень не будем, теперь это обеспечено.

Людмила. Папочка, до свидания!

Муковнин провожает дочь и Дымшица в переднюю. Голоса и смех за дверью. **Генерал** возвращается.

Муковнин. Очень милый и достойный еврей.

Катя *(забилась в угол дивана, курит).* Мне кажется — им всем не хватает такта.

Муковнин. Катя, голубчик, откуда взяться такту?.. Людям позволяли жить на одной стороне улицы и городовыми гнали с другой. Так было в Киеве, на Бибиковском бульваре. Откуда такту взяться? Тут другому надо удивляться — энергии, жизненной силе, сопротивляемости…

Катя. Энергия эта вошла теперь в русскую жизнь, но мы ведь другие, все это чуждо нам.

Муковнин. Фатализм — вот это нам не чуждо. Распутин и немка Алиса, погубившая династию, — это нам не чуждо. Ничего, кроме пользы,

от чудесного этого народа, давшего Гейне, Спинозу, Христа…

Катя. Вы и японцев хвалили, Николай Васильевич.

Муковнин. Что ж японцы… Японцы — великий народ, у них учиться и учиться.

Катя. Вот и видно, что Марье Николаевне есть в кого пойти… Вы большевик, Николай Васильевич.

Муковнин. Я русский офицер, Катя, и спрашиваю: как это так, господа, с каких пор, спрашиваю я, правила военной игры стали чуждыми для вас?.. Мы мучили и унижали этих людей, они защищались, они перешли в наступление и дерутся с находчивостью, с обдуманностью, с отчаянием, скажу я, — дерутся во имя идеала, Катя.

Катя. Идеал?.. Не знаю. Мы несчастны и счастливы не будем. Нами пожертвовали, Николай Васильевич.

Муковнин. Пусть растрясут Ванюху и Петруху, превосходно будет. И времени больше нет, Катя… Единственный русский император, Петр, сказал: «Промедление времени смерти подобно». Вот заповедь! И если это так, то должно же у вас, господа офицеры, хватить мужества посмотреть на карту, узнать, с какого фланга вы обойдены,

где и почему нанесено вам поражение… Держать глаза открытыми — мое право, и я не отказываюсь от него.

Катя. Николай Васильевич, вам надо лекарство принять.

Муковнин. Соратникам моим, людям, с которыми я дрался бок о бок, я говорю: господа, tirez vos conclusions[2], промедление времени — смерти подобно. *(Уходит.)*

За стеной на виолончели холодно и чисто играют фугу Баха. Катя слушает, потом встает, подходит к телефону.

Катя. Дайте штаб округа… Дайте Редько… Это ты, Редько?.. Я хотела сказать… Надо думать, кроме тебя, еще есть люди, которые делают революцию, но вот ты один никак не найдешь времени, чтобы повидаться с человеком… С человеком, у которого ты ночуешь, когда тебе это надо…

Пауза.

Редько, прокати меня. Приезжай за мной на машине… Ну да, если ты занят… Нет, я не сержусь.

---

[2] Примечания: 2
Делайте выводы (*фр.*).

За что же сердиться?.. *(Вешает трубку.)*

Музыка прекращается. Входит **Голицын**, длинный человек в солдатской куртке и обмотках, с виолончелью в руках.

Катя. Князь, как это вам сказали в трактире — «не играй плачевное»?

Голицын. «Не играй плачевное, не тяни жилы».

Катя. Им веселое нужно, Сергей Илларионович. Люди забыться хотят, отдыха…

Голицын. Не все. Другие требуют чувствительного.

Катя *(садится за рояль).* Ваша публика — кто она?

Голицын. Грузчики с Обводного.

Катя. Пожалуй, в профсоюз пройдете… Вы и ужин там получаете?

Голицын. Получаю.

Катя *(играет «Яблочко», поет вполголоса).*

Пароход идет, вода кольцами.
Будем рыбу мы кормить добровольцами.

Подбирайте за мной. Вы им лучше «Яблочко» в трактире сыграйте.

Голицын подбирает, фальшивит, потом поправляется.

Сергей Илларионович, стоит мне заняться стенографией?

Голицын. Стенографией? Не знаю.

Катя.

Я на бочке сидю, слезы капают,

Никто замуж не берет, только лапают…

В стенографистках нужда теперь.

Голицын. Не умею вам сказать. *(Подбирает «Яблочко».)*

Катя. Из всех нас настоящая женщина — Маша. У нее сила, смелость, она женщина. Мы вздыхаем здесь, а она счастлива в своем политотделе… Кроме счастья — какой другой закон выдумали люди?.. Его, верно, и нет, другого закона.

Голицын. Мария Николаевна руль всегда поворачивала круто. Этим она и отличается.

Катя. Она права…

Ах ты, яблочко, куда котишься…

И потом, у нее роман с этим Аким Иванычем…

Голицын *(перестает играть).* Кто это Аким Иваныч?

Катя. Их командир дивизии, бывший кузнец… Она о нем в каждом письме упоминает.

Голицын. Почему же роман?

Катя. Там между строк есть, я знаю… Или уехать мне в Борисоглебск, к родным? Все-таки гнездо… Вот вы в лавру к монаху этому ходите… как зовут его?

Голицын. Сионий.

Катя. К Сионию. Чему он учит вас?

Голицын. Вы говорили о счастье… Он учит меня видеть его не в чувстве власти над людьми и не в этой беспрестанной жадности — жадности, которую мы утолить не можем.

Катя. Давайте, Сергей Илларионович.

Я на бочке сидю, бочка котится,
Хоть в кармане ни гроша,
Выпить хотется…

Сионий — красивое имя.

Картина третья

Людмила и **Дымшиц** в его номере. На столе остатки ужина, бутылки. Видна часть соседней комнаты. **Бишонков**, **Филипп** и **Евстигнеич** играют там в карты. Евстигнеича с отрубленными ногами поставили на стул.

Людмила. Феликс Юсупов был бог по красоте, теннисист, чемпион России. Его красоте недоставало мужественности, в нем была кукольность… С Владимиром Баглеем мы встретились у Феликса. Император так до конца и не понял рыцарскую натуру этого человека. Его называли у нас «тевтонский рыцарь»… Фредерикс был дружен с князем Сергеем… Вы знаете князя Сергея, который играет на виолончели?.. На вечере был еще номер hors programme[3], архиепископ Амвросий. Старик ухаживал за мною, — можете себе представить! — подливал крюшону и делал такую постную, лукавую мину. Вначале я не произвела на Владимира впечатления, он признался мне в этом: «Вы были курносая, si démesurement

---

[3] Примечания: 3
Сверх программы (*фр.*).

russe[4], с пылающим румянцем...» На рассвете мы поехали в Царское, оставили машину в парке и взяли лошадь. Он сам правил. «Людмила Николаевна, нужно ли вам сказать, что я весь вечер не сводил с вас глаз?..» — «Это учтено Ниной Бутурлиной, mon prince». Я знала, что у них роман, вернее — флирт. «Бутурлина — c'est le passé, Людмила Николаевна». — «On revient toujours, ses premiers ámours, mon prince»[5], Владимир не носил великокняжеского титула, он был от морганатического брака, их семья не встречалась с императрицей... Владимир называл эту женщину гением зла. И потом — он был поэт, мальчик, ничего не понимал в политике... Мы приехали в Царское. Рассвет. Над прудом где-то, совсем понизу, запел соловей... Мой спутник повторяет: «Mademoiselle Boutourline c'est le passé»[6]. — «Mon prince, прошлое возвращается иногда, и возвращения эти ужасны...»

Дымшиц гасит свет, накидывается на Муковнину, валит ее на диван, борьба. Она вырывается,

---

[4] Примечания: 4
Такая бесконечно русская (*фр.*).

[5] Примечания: 5
Первые увлечения обычно возвращаются, князь (*фр.*).

[6] Примечания: 6
Мадемуазель Бутурлина — это прошлое (*фр.*).

поправляет волосы, платье.

Бишонков *(подкидывает карту).* Подсекай…

Филипп. Подсечешь у тебя, как же!

Евстигнеич. Ну, повели к забору, руки связаны… «Ну, говорят, поворачивайся, друг». А он: «Не надо поворачиваться, я военный человек, коцайте так…» А заборы у них вроде плетня, полроста человеческого… Ночь, конец села, за селом степь, на краю степи — яр…

Бишонков *(убивая карту).* Вот ты и козел!

Филипп. Отвечаю на все!

Евстигнеич. …Привели, берут на изготовку. Он стоит у плетня, да как снимется от земли, с завязанными-то руками, ровно господь бог его от земли отнял. Перелетел через плетень — и наискосок… Они — стрелять… да ночь, темнота, он кружит, петляет — ушел.

Филипп *(сдает карты).* Это герой!

Евстигнеич. Это герой вечный. Джигит считался. Я его, как тебя, знал… Полгода гулял, потом прикрыли.

Филипп. Неужто доделали?

Евстигнеич. Доделали. Я считаю — неправильно. Человек из могилы вылез, человек тот свет видал, — значит, не судьба его убивать.

Филипп. Ноль внимания в настоящее время.

Евстигнеич. Я считаю — неправильно. Во всех странах такой закон: не добили — твое счастье, живи дальше.

Филипп. У нас давай только… Доделают.

Бишонков. У нас давай…

Людмила. Зажгите свет.

Дымшиц открывает выключатель.

Я ухожу. *(Оборачивается, смотрит на Дымшица, разражается смехом.)* Не надувайте губ, идите ко мне… Скажите, друг мой, как вы все это себе представляете? Должна же я привыкнуть к вам сначала.

Дымшиц. Я не штиблет, чтобы ко мне привыкать.

Людмила. Я не скрываю — какое-то чувство симпатии вы мне внушаете, но надо этому чувству укрепиться… Из армии приедет Маша, вы познакомитесь: в нашей семье без нее ничего не делается… Папа — тот хорошо относится к вам, но он беспомощный — вы видели… И потом, много еще не решено; ваша жена?..

Дымшиц. При чем здесь жена?

Людмила. Я знаю — евреи привязаны к своим детям.

Дымшиц. Не о чем говорить, ей-богу, не о чем

говорить.

Людмила. Поэтому до поры до времени надо тихонько сидеть рядом со мной, вооружиться терпением…

Дымшиц. С тех пор как евреи ждут мессию — они вооружены терпением. Выпейте еще бокальчик.

Людмила. Я много выпила.

Дымшиц. Это вино мне принесли с броненосца. У великого князя был сундучок на броненосце…

Людмила. Как это вы все достаете?

Дымшиц. Где я достану — там другой не достанет… выпейте этот бокальчик.

Людмила. С условием, что вы будете сидеть тихо.

Дымшиц. Тихо сидят в синагоге.

Людмила. Вот вы и сюртук надели, — верно, для синагоги. Сюртук, Исачок, носили директора гимназии на выпускных актах и купцы на поминальных обедах.

Дымшиц. Я не буду носить сюртука.

Людмила. И потом — билеты. Никогда, мой друг, не покупайте билеты в первом ряду, — это делают выскочки, парвеню…

Дымшиц. Я же выскочка и есть.

Людмила. У вас внутреннее благородство —

это совсем другое. Вам даже имя ваше не идет… Теперь можно дать объявление в газете, в «Известиях»… Я бы переменила на Алексей… Вам нравится — Алексей?

Дымшиц. Нравится. *(Он снова гасит свет и накидывается на Муковнину.)*

Евстигнеич. Взвозились…

Филипп *(прислушивается).* Вроде наша…

Бишонков. Мне Людмила Николаевна больше всех по сердцу — она человека привечает… А то ходят дикие, трепаные… Меня по отечеству привечает…

В комнату инвалидов входит Висковский, становится за спиной Евстигнеича, смотрит, как падают карты.

Людмила *(вырывается).* Позовите мне извозчика…

Дымшиц. Моментально!.. Больше мне делать нечего.

Людмила. Позовите сию минуту!

Дымшиц. На улице тридцать градусов мороза, сумасшедшую собаку выпустить жалко.

Людмила. На мне все порвано… Как я домой покажусь?..

Дымшиц. Где пьют — там и льют.

Людмила. Пошло… Исаак Маркович, вы ошиблись адресом.

Дымшиц. Такое мое счастье.

Людмила. Я же вам говорю — у меня болят зубы, болят невыносимо!..

Дымшиц. Где именье, где вода… При чем тут зубы?

Людмила. Достаньте мне зубных капель… Я страдаю.

Дымшиц выходит, в соседней комнате сталкивается с Висковским.

Висковский. С легким паром, учитель.

Дымшиц. У нее зубы болят.

Висковский. Бывает…

Дымшиц. Бывает, что и не болят.

Висковский. Липа, Исаак Маркович, обязательно липа.

Филипп. Это изобретение ее, Исаак Маркович, а не зубы болят…

Людмила *(поправила волосы перед зеркалом. Статная, веселая, раскрасневшаяся, она ходит по комнате и напевает).*

Милый мой строен и высок,

Милый мой ласков и жесток,

Больно хлещет шелковый шнурок…

Дымшиц. Я не мальчик, Евгений Александрович, — уже оно давно прошло, то время, когда я был мальчиком.

Висковский. Слушаю-с.

Людмила *(снимает телефонную трубку).* 3–75–02. Папочка, ты?.. Мне очень хорошо… В театре была Надя Иогансон с мужем. Мы ужинаем у Исаака Марковича… Ты обязательно посмотри Спесивцеву, она заменит Павлову… Лекарство ты принял? Тебе надо лечь… Твоя дочь умница, папа, ужасная выдумщица… Катюша, ты?.. Ваше приказание, сударыня, исполнено. Le manège continue, j'ai mal aux dents ce soir[7]. (*Ходит по комнате, поет, взбивает волосы.*)

Дымшиц. И она может дождаться того, что в следующий раз меня для нее не будет дома…

Висковский. Дело хозяйское.

Дымшиц. Потому что о моих детях и моей жене пусть меня спрашивают другие, а не она.

Висковский. Слушаю-с.

Дымшиц. Люди недостойны завязать башмак у моей жены, если вы хотите знать, — шнурок от башмака.

---

[7] Примечания: 7

Манеж продолжается, нынешним вечером у меня болят зубы (*фр.*).

Картина четвертая

У Висковского. Он в галифе, в сапогах, без куртки, ворот рубахи расстегнут. На столе бутылки, выпито много. На тахте, привалившись, румяный, короткий **Кравченко** в военной форме и **мадам Дора** — тощая женщина в черном, с испанским гребнем в волосах и качающимися большими серьгами.

Висковский. Один удар, Яшка…

Я знал одной лишь силы власть.
Одну, но пламенную страсть…

Кравченко. Сколько же тебе надо?

Висковский. Десять тысяч фунтов. Один удар… Ты видел когда-нибудь фунт стерлингов, Яшка?

Кравченко. И все на нитках?

Висковский. Нитки побоку!.. Бриллианты. Трехкаратники, голубая вода, чистые, без песку. Других в Париже не берут.

Кравченко. Да их небось уже нету.

Висковский. В каждом доме есть бриллианты, надо уметь их взять… У Римских-Корсаковых есть, у Шаховских… Есть еще алмазы в импера-

торском Санкт-Петербурге.

Кравченко. Не выйдет из тебя красный купец, Евгений Александрович.

Висковский. Выйдет!.. У меня отец торговал — выменивал усадьбы на жеребцов… Гвардия сдается, товарищ Кравченко, но не умирает.

Кравченко. Ты бы Муковнину позвал… Мается женщина в коридоре…

Висковский. В Париж, Яшка, я приеду барином.

Кравченко. Дымшиц этот — куда он запропастился?

Висковский. Отсиживается в уборной или в «шестьдесят шесть» играет с курляндчиком и Шапирой… *(Открывает дверь.)* Мисс, к нашему огоньку… *(Выходит в коридор.)*

Дора *(целует у Кравченко руки).* Ты солнце! Ты божество!

Входят **Людмила** в шубке и **Висковский**.

Людмила. Это непостижимо! Был уговор…

Висковский. Который дороже денег.

Людмила. Был уговор, что я приду в восемь. Теперь три четверти десятого… и ключа не оставил… Куда же он делся?

Висковский. Поспекулирует и придет.

Людмила. Все-таки они не джентльмены — эти люди…

Висковский. Выпейте водки, девочка.

Людмила. Правда, я выпью, озябла… Непостижимо все-таки!

Висковский. Разрешите вам представить, Людмила Николаевна, мадам Дору, гражданку Французской республики — Liberté, Égalité, Fraternité[8]. Между прочими достоинствами обладает заграничным паспортом.

Людмила *(подает руку).* Муковнина.

Висковский. Яшку Кравченко вы знаете: прапорщик военного времени, ныне красный артиллерист. Стоит у десятидюймовых орудий Кронштадтской крепостной артиллерии и может их повернуть в любом направлении.

Кравченко. Евгений Александрович нынче в ударе.

Висковский. В любом направлении… Все можно представить себе, Яшка. Тебе прикажут разрушить улицу, на которой ты родился, — ты разрушишь ее, обстрелять детский приют, — ты скажешь: «Трубка два ноль восемь» — и обстреляешь детский приют. Ты сделаешь это, Яшка,

---

[8] Примечания: 8
Свобода, Равенство, Братство (*фр.*).

только бы тебе позволили существовать, бренчать на гитаре, спать с худыми женщинами: ты толст и любишь худых… Ты на все пойдешь, и если тебе скажут: трижды отрекись от своей матери, — ты отречешься от нее. Но дело не в том, Яшка, — дело в том, что они пойдут дальше: тебе не позволят пить водку в той компании, которая тебе нравится, книги тебя заставят читать скучные, и песни, которым тебя станут обучать, тоже будут скучные… Тогда ты рассердишься, красный артиллерист, ты взбесишься, забегаешь глазками… Два гражданина придут к тебе в гости: «Пойдем, товарищ Кравченко…» — «Вещи, — спросишь ты, — брать с собой или нет?» — «Вещи можно не брать, товарищ Кравченко, дело минутное, допрос, пустяки…» И тебе поставят точку, красный артиллерист, — это будет стоить четыре копейки денег. Высчитано, что пуля от кольта стоит четыре копейки, и ни сантима больше.

Дора. Жак, берите меня домой…

Висковский. Твое здоровье, Яков!.. За победоносную Францию, мадам Дора!

Людмила *(ей все время подливают).* Я схожу посмотрю, не вернулся ли он…

Висковский. Поспекулирует и придет… Маркиза, липу с зубами сами придумали?

Людмила. Сама… Здорово?.. *(Смеется.)* Право же, теперь иначе нельзя. Евреи должны уважать женщину, с которой они хотят быть близки.

Висковский. Я смотрю на вас, Люка, — вы похожи на синичку… Выпьем, синичка!

Людмила. Теперь за меня примется. Вы чего-то намешали в это пойло, Висковский.

Висковский. Синичка… Все силы Муковниных ушли на Марию, вам остался только ряд мелких зубов.

Людмила. Дешево, Висковский.

Висковский. И маленькую твою грудь я не люблю… Грудь женщины должна быть красива, велика, беспомощна, как у овцы…

Кравченко. Мы пошли, Евгений Александрович.

Висковский. Никуда вы не пойдете… Синичка, выходи за меня замуж.

Людмила. Нет, уж я лучше за Дымшица… Знаем, как за вас выходить: нынче вы напились, завтра у вас похмелье, потом вы уезжаете неведомо куда, потом вы стреляетесь… Нет, уж мы за Дымшица.

Кравченко. Отпусти нас, Евгений Александрович, сделай милость!

Висковский. Никуда вы не пойдете… Тост! Тост

за женщину. *(Доре.)* Это Люка… Сестру ее зовут Мария.

Кравченко. Мария Николаевна в армии, кажется?

Людмила. Она на границе теперь.

Висковский. На фронте, на фронте, Кравченко. Дивизией у них командует шестерка.

Людмила. Висковский, это неправда. Он — металлист.

Висковский. Шестерку зовут Аким… Выпьем за женщин, мадам Дора! Женщины любят прапорщиков, половых, акцизных чиновников, китайцев… Их дело любить, — в участке разберутся. *(Поднимает бокал.)* «За милых женщин, прелестных женщин, любивших нас хотя бы час…» Впрочем, и часу не было. Паутина. Потом паутина порвалась… Ее сестру зовут Мария… Представь себе, Яшка, что ты полюбил царицу. «Вы гадки, — говорит она тебе, — уходите…»

Людмила *(смеется).* Узнаю Машу…

Висковский. «Вы гадки, уходите…» Конную гвардию отвергли, тогда решено было пойти на Фурштадтскую, шестнадцать, квартира четыре…

Людмила. Висковский, не смейте!

Висковский. За кронштадтскую артиллерию, Яша!.. Было решено пойти на Фурштадтскую.

Мария Николаевна вышла из дому в сером костюме tailleur. Она купила фиалки у Троицкого моста и приколола их к петлице своего жакета… Князь, — он играет на виолончели, — князь убрал свою холостую квартиру, запихал под шкаф грязное белье, немытые тарелки снес на антресоли… Был приготовлен кофе на Фурштадтской и petits fours[9]. Кофе выпили. Она принесла с собой весну, фиалки и забралась с ногами на диван. Он покрыл шалью ее сильные нежные ноги, навстречу ему сияла улыбка, ободряющая, покорная, печальная ободряющая улыбка… Она обняла его седеющую голову… «Князь! Что же вы, князь?» Но голос у князя оказался как у папского певчего. Passe, rien ne va plus[10].

Людмила. Боже, какая злюка!

Висковский. Вообрази, Яша, царица снимает перед тобой лиф, чулки, панталоны… Может, и ты оробел бы, Яшка.

Людмила Николаевна опрокидывается, хохочет.

Она ушла с Фурштадтской, шестнадцать… Где

---

[9] Примечания: 9
Печенье (*фр.*).

[10] Примечания: 10
Все в прошлом (*фр.*).

след ее ноги, чтобы я мог поцеловать его?.. Где след ее ноги?.. Но у Акима, будем надеяться, голос звучит погрубее… Ваше мнение, Людмила Николаевна?

Людмила. Висковский, вы намешали что-то в эту водку… У меня голова кружится…

Висковский. Иди сюда, мелочь! *(С силой берет ее за плечи и приближает к себе.)* Дымшиц — сколько заплатил он тебе за кольцо?

Людмила. Что вы говорите такое?

Висковский. Кольцо не твое, сестры. Ты продала чужое кольцо.

Людмила. Оставьте меня!

Висковский *(отталкивает ее в боковую дверь).* Иди со мною, мелочь!..

В комнате остаются Дора и Кравченко. В окне медленный луч прожектора. Дора, взъерошенная, выпученная, тянется к Кравченко, целует у него руки, стонет, лепечет. Входит на цыпочках босой **Филипп** с обваренным лицом, не торопясь, бесшумно берет со стола вино, колбасу, хлеб.

Филипп *(негромко, склонив голову набок).* Не обидно будет, Яков Иванович?

Кравченко кивает головой, инвалид, осторожно ступая босыми ногами, уходит.

Дора. Ты солнце! Ты бог! Ты все!

Кравченко молчит, прислушивается. Входит Висковский, закуривает, руки его дрожат. Дверь в соседнюю комнату открыта. Брошенная на диван, плачет Муковнина.

Висковский. Спокойствие, Людмила Николаевна, до свадьбы заживет…

Дора. Жак, я хочу нашу комнату… Берите меня домой, Жак…

Кравченко. Погоди, Дора.

Висковский. По разгонной, граждане?

Кравченко. Погоди, Дора.

Висковский. По разгонной — за дам…

Кравченко. Нехорошо, ротмистр.

Висковский. За дам, Яков Иванович!

Кравченко. Нехорошо, ротмистр.

Висковский. Что именно нехорошо?

Кравченко. Трипперитики не спят с женщинами, господин Висковский.

Висковский *(офицерским голосом).* Как вы сказали?

Пауза. Плач смолкает.

Кравченко. Я сказал — больные гонореей…

Висковский. Снимите очки, Кравченко. Я буду

бить вам морду!..

Кравченко вынимает револьвер.

Очень хорошо.

Кравченко стреляет. Занавес. За спущенным занавесом — выстрелы, падение тел, женский крик.

Картина пятая

У Муковниных. В углу на сундуке свернулась **старуха нянька**. Спит. На столе пятно света от лампы. **Катя** читает **Муковнину** письмо.

Катя. «…На рассвете меня будит рожок штабного эскадрона. К восьми надо быть в политотделе, я там за все… Правлю статьи в дивизионную газету, веду школу ликбеза. Пополнение у нас — украинцы, языком и выразительностью они напоминают мне итальянцев. Казенная Россия в течение столетий подавляла и унижала их культуру… На нашей Миллионной в Петербурге, в доме против Эрмитажа и Зимнего дворца, мы жили, как в Полинезии, — не зная нашего народа, не догадываясь о нем… Вчера на уроке я прочитала из папиной книги главу об убийстве Павла. Наказание свое император заслужил так очевидно, что никто об этом не задумался: спрашивали меня — здесь сказался точный ум простолюдина — о расположении полка, комнат во дворце, о том, какая рота гвардии была в карауле, среди кого были набраны заговорщики, чем обидел их Павел… Я все мечтаю о том, что папа приедет

к нам летом, если только поляки не зашевелятся… Ты увидишь, дружок мой папа, новую армию, новую казарму — в противовес той, о которой ты рассказываешь. К тому времени наш парк расцветет и зазеленеет, лошади поправятся на подножном корму, седла приготовлены… Я говорила Аким Иванычу — он согласен, только бы у вас все было благополучно, милые мои… Теперь ночь. Я освободилась поздно и поднялась к себе по истоптанным четырехсотлетним ступеням. Я живу на вышке, в сводчатой зале, служившей когда-то оружейной графам Красницким. Замок построен на крутизне, у подножия его синяя река, пространство лугов необозримо, с туманной стеной леса вдали… В каждом этаже замка выбита ниша для дозорного: отсюда они следили приближение татар и русских и лили кипящее масло на головы осаждающих. Старушка Гедвига, экономка последнего Красницкого, приготовила мне ужин и растопила камин, глубокий и черный, как подземелье… В парке внизу переминаются, задремывают лошади. Кубанцы ужинают вокруг костра и заводят песню. Снег налег на деревья, ветви дубов и каштанов переплелись, неровная серебряная крыша накрыла занесенные дорожки, статуи. Они еще сохранились — юноши, бросаю-

щие копье, и обнаженные закоченевшие богини с согнутыми руками, с волнистой линией волос и слепыми глазами… Гедвига дремлет и трясет головой, поленья в камине вспыхивают и распадаются. Столетия сделали кирпичи звонкими, как стекло — они озарены золотом в ту минуту, когда я пишу вам… Карточка Алеши у меня на столе… Здесь те самые люди, которые не задумались убить его. Я ушла только что от них и помогла их освобождению… Правильно ли я сделала, Алексей, исполнила ли я твое завещание жить мужественно?.. И тем, что в нем есть неумирающего, он не отвергает меня… Поздно, не могу заснуть — от необъяснимой тревоги за вас, от боязни снов. Во сне я вижу погоню, мучительство, смерть. Я живу странной смесью — близостью к природе, беспокойством о вас. Почему Люка пишет так редко? Несколько дней тому назад я послала ей бумажку, подписанную Аким Ивановичем, о том, что у меня, как у военнослужащей, не имеют права реквизировать комнату. Кроме того, у папы должна быть охранная грамота на библиотеку. Если срок ее прошел, надо возобновить в Наркомпросе, у Чернышева моста, комната сорок. Я буду счастлива, если Люке удастся основать свою семью, но надо, чтобы этот

человек бывал у нас в доме, познакомился бы с папой — тут сердце не обманет. И пусть нянька увидит его… Катюша все жалуется на старуху, что та не работает. Катюша, нянька стара, она вырастила два поколения Муковниных, у нее свои мысли и чувства, она не простой человек… Мне всегда казалось, что в ней мало крестьянского, — а впрочем, что знали мы в нашей Полинезии о крестьянах?.. В Петербурге, говорят, стало еще труднее с продовольствием; у тех, кто не служит, забирают комнаты и белье… Мне стыдно за то, что мы живем хорошо. Два раза Аким Иванович брал меня с собой на охоту, у меня верховая лошадь, донец…» *(Катя поднимает голову.)* Вот видите, Николай Васильевич, как хорошо.

Муковнин закрывает глаза ладонью.

Не надо плакать…

Муковнин. Я спрашиваю у Бога, — у каждого из нас есть бог его души, — за что ты дал мне, дурному, себялюбивому человеку, таких детей — Машу, Люку?..

Катя. Но это же хорошо, Николай Васильевич. Зачем плакать?

Картина шестая

Участок милиции ночью. Под лавкой скрючился **пьяный**. Он двигает пальцами перед самым своим лицом, внушает себе что-то. На лавке дремлет грузный старый **человек**, хорошо одетый, в енотовой шубе и высокой шапке. Шуба распахнулась, под ней голая серая грудь. **Надзиратель** допрашивает **Муковнину**. Кротовая шапочка ее сбита набок, волосы растрепаны, шубка стащена с плеча.

Надзиратель. Имя?
Людмила. Отпустите меня.
Надзиратель. Имя?
Людмила. Варвара.
Надзиратель. Отчество?
Людмила. Ивановна.
Надзиратель. Где работаете?
Людмила. У Лаферма, на табачной фабрике.
Надзиратель. Профбилет?
Людмила. Я не ношу с собой.
Надзиратель. Зачем липу гоните?
Людмила. Я замужем… Отпустите меня…
Надзиратель. Почему вам интересно липу

гнать, скажите? Брылева давно знаете?

Людмила. О ком вы говорите?.. Я не знаю.

Надзиратель. Ордера на нитки Брылев подписывал, через вас шло к Гутману, где вы склад сделали?..

Людмила. Что вы говорите? Какой склад?..

Надзиратель. Сейчас — узнаете — какой… *(Милиционеру.)* Позовите Калмыкову.

Милиционер вводит **Шуру Калмыкову**, горничную в номерах на Невском, 86.

Надзиратель. Вы коридорная?

Калмыкова. Я подменяю.

Надзиратель. Признаете гражданку?

Калмыкова. Очень отлично признаю.

Надзиратель. Что можете показать?

Калмыкова. Могу отвечать по вопросам… Отец их — генерал.

Надзиратель. Работает она?

Калмыкова. Пару поддает — это у ней работа.

Надзиратель. Муж есть?

Калмыкова. Под кустом венчались… У ней мужьев много. Один от ее зубов весь вечер в отхожем хоронился.

Надзиратель. Какие зубы? Чего плетешь?..

Калмыкова. Людмила Николаевна знает, ка-

кие зубы.

Надзиратель *(Муковниной).* Приводы были?.. Сколько?

Людмила. Меня заразили… Я больна.

Надзиратель *(Калмыковой).* Нам удостоверить надо, сколько у ней приводов.

Калмыкова. Это не знаю, не скажу… Я то не скажу, чего не знаю.

Людмила. Я измучена… Отпустите меня…

Надзиратель. Не волноваться! На меня смотрите.

Людмила. У меня голова кружится… Я упаду…

Надзиратель. На меня смотреть!

Людмила. Боже мой, зачем мне смотреть на вас?..

Надзиратель *(в бешенстве).* Затем, что я пятые сутки не спавши… Можете вы это понять?..

Людмила. Я могу понять.

Надзиратель *(подступает к ней ближе, берет за плечи и смотрит ей в глаза).* Приводов сколько — говори…

Картина седьмая

У Муковниных. Горят коптилки. Тени на стенах и потолке. Перед зажженной лампадой молится **Голицын**. На сундуке спит **нянька**.

Голицын. …Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падая в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою сохранит ее в жизнь вечную. Кто мне служит, мне да последует, и где я, там и слуга мой будет, и кто мне служит — того почтит отец мой. Душа моя теперь возмутилась, и что мне сказать? Отче, избавь меня от часа сего, но на сей час я и пришел…

Катя *(подходит неслышно, становится рядом с Голицыным, кладет голову на его плечо).* Свидания мои с Редько происходят в штабе, Сергей Илларионович, в бывшей прихожей, там клеенчатый диван есть… Я прихожу, Редько запирает дверь, потом дверь отмыкается…

Голицын. Да.

Катя. Я уезжаю в Борисоглебск, князь.

Голицын. Уезжайте.

Катя. Редько все учит меня, все учит — кого любить, кого ненавидеть… Он говорит — закон больших чисел. Но я-то сама малое число — или это не считается?..

Голицын. Должно считаться.

Катя. Вот видите — должно считаться… Вот я и свободна, нянька… Проснись. Пожалуйста, проснись. Ты царствие небесное проспишь…

Нефедовна *(поднимает голову).* Люка-то где?

Катя. Люка скоро придет, нянька, а я уезжаю, некому будет тебя бранить.

Нефедовна. Зачем меня бранить, какие мои дела… Я нянька рожденная, для детей взята, детей растить, а их тут нету… Баб полон дом, а ребенков нету. Одна воевать пошла, без нее некому, другая шатается без пути… Какой это может быть дом — без ребенков?

Катя. Вот родим тебе от святого духа…

Нефедовна. Вы треплетесь, разве я не вижу, треплетесь, да толку нет.

Голицын. Уезжайте в Борисоглебск, вы нужны там… В Борисоглебске пустыня, Катерина Вячеславна, в этой пустыне звери пожирают друг друга…

Нефедовна. Вон Молостовы — скверные совсем купчишки, выхлопотали своей няньке пенсион,

пятьдесят рублев в месяц… Похлопочи за меня, князь, почему мне пенсион не дают?

Голицын *(растапливает «буржуйку»).* Меня не послушают, Нефедовна, у меня теперь силы нет.

Нефедовна. Вон ведь простые совсем купчики.

Открывается дверь. Муковнин отступает перед Филиппом, закутанным в тряпье и башлык, громадным и бесформенным. Половина Филиппова лица заросла диким мясом, он в валенках.

Муковнин. Кто вы?

Филипп *(продвигается ближе).* Я Людмиле Николаевне знакомый.

Муковнин. Что вам угодно?

Филипп. Там заварушка получилась, ваше превосходительство.

Катя. Вы от Исаака Марковича?

Филипп. Так точно, от Исаака Марковича… Вроде как ни с чего и получилось.

Катя. Людмила Николаевна?..

Филипп. Там же, при них они и были, в компании… Маленько, ваше превосходительство, перехорошили. Евгений Александрович — одно, Яков Иваныч им вроде как напротив, стали цапаться, оба с мухой…

Голицын. Николай Васильевич, я поговорю

с этим товарищем.

Филипп. Особого такого ничего не случилось, а только недоразумение… Оба с мухой, оружия при себе…

Муковнин. Где моя дочь?

Филипп. Ваше превосходительство, неизвестно.

Муковнин. Где моя дочь, скажите? Мне все можно сказать.

Филипп *(чуть слышно).* Законвертовали.

Муковнин. Я смотрел смерти в глаза. Я солдат.

Филипп *(громче).* Законвертовали, ваше превосходительство.

Муковнин. Арестовали — за что?

Филипп. Вроде как из-за болезни сыр-бор получился. Яков Иванович говорят: «Вы болезнью наделили», — Евгений Александрович — стрелять. Оружия при себе, оружия — тут она…

Муковнин. Это Чека?

Филипп. Люди взяли, а кто их разберет?.. Люди сейчас неформенные, ваше превосходительство, себя не показывают.

Муковнин. Надо ехать в Смольный, Катя.

Катя. Никуда вы, Николай Васильевич, не поедете.

Муковнин. Надо ехать в Смольный, сейчас же.

Катя. Николай Васильевич, дорогой мой…

Муковнин. Дело в том, Катя, что моя дочь должна быть возвращена мне. *(Подходит к телефону.)* Прошу штаб военного округа…

Катя. Не надо, Николай Васильевич!

Муковнин. Прошу к телефону товарища Редько… Говорит Муковнин… Я не могу объяснить вам лучше, товарищ, кто говорит, — в прошлом я генерал-квартирмейстер Шестой армии… Товарищ Редько, вы?.. Здравствуйте, Федор Никитич. У аппарата Муковнин. Здравия желаю… Если оторвал от дела — сожалею очень… Сегодня, Федор Никитич, в доме восемьдесят шесть по Невскому, вечером, вооруженными людьми взята моя дочь Людмила. Я не ходатайствую перед вами, Федор Никитич, — знаю, что в организации вашей это не принято, — но только хотел доложить, что мне нужно увидеться со старшей моей дочерью, Марией Николаевной. Дело в том, что я недомогаю в последнее время, Федор Никитич, и чувствую необходимость посоветоваться с Марией Николаевной. Мы посылали телеграммы и срочные письма, Катерина Вячеславна, знаю, и вас затруднила — ответа нет… Просьба связать по прямому проводу, Федор Никитич… Могу добавить, что я вызван генералом Брусиловым в Москву для

переговоров о службе… Вы говорите — доставлено?.. Доставлено восьмого?.. Покорно благодарю, желаю успеха, Федор Никитич. *(Вешает трубку.)* Все хорошо, Машу разыскали, телеграмма вручена восьмого. Она будет в Петербурге завтра, послезавтра, самое позднее. Надо убрать Машину комнату, Нефедовна, — подняться завтра чуть свет и убрать… Катюша права — квартира запущена. Мы ужасно все запустили в последнее время, везде пыль. Надо чехлы надеть. У нас есть чехлы, Катюша?

Катя. Не на всю мебель, но есть.

Муковнин *(мечется по комнате).* Непременно надеть надо чехлы… Маше приятно будет застать все в том виде, как она оставила. Почему не создать уют, когда это можно сделать… И вот Катя у нас не амюзируется, — ты совсем не амюзируешься[11], Катюша, не ходишь в театр, так можно отстать.

Катя. Маша вернется — я пойду.

Муковнин *(инвалиду).* Простите, ваше имя-отчество?..

Филипп. Филипп Андреевич.

Муковнин. Почему вы не садитесь, Филипп

---

[11] Примечания: 11

От французского глагола *s'amuser* — приятно проводить время, развлекаться.

Андреевич?.. Мы вас даже за хлопоты не поблагодарили… Надо угостить Филиппа Андреевича… Нянька, найдется у нас чем угостить? Дом наш открыт, Филипп Андреевич, милости просим по-простому, будем рады. Мы вас непременно с Марией Николаевной познакомим…

Катя. Вам надо отдохнуть, Николай Васильевич, лечь надо.

Муковнин. И если хотите, я за Люку ни одного мгновения не беспокоюсь. Это урок — урок за ребячество, за отсутствие опыта… Если хотите — я доволен… *(Вздрагивает, останавливается, падает на стул. К нему подбегает Катя.)* Спокойствие, Катя, спокойствие…

Катя. Что с вами?

Муковнин. Ничего, — сердце…

Катя и Голицын берут его под руки, уводят.

Филипп. Расстроился.

Нефедовна *(ставит на стол прибор).* Барышню нашу при тебе брали?

Филипп. При мне.

Нефедовна. Билась?

Филипп. Сперва билась, потом пошла ничего.

Нефедовна. Я тебе картошку дам, кисель есть…

Филипп. Поверишь, бабушка, дома пельменей целый ушат навалили, заварушка эта поднялась, — глядь, и уперли.

Нефедовна *(ставит перед Филиппом картошку).* Лицо-то у тебя на войне обварило?

Филипп. Лицо у меня гражданским порядком обварило, давно дело было…

Нефедовна. А война будет? Чего у вас говорят?

Филипп *(ест).* Война, бабушка, будет в августе месяце.

Нефедовна. С поляками, что ли?

Филипп. С поляками.

Нефедовна. Не все им отдали?

Филипп. Они, бабушка, желают иметь свое государство от одного моря и до самого другого моря. Как в старину было, так они и в настоящий момент желают.

Нефедовна. Ишь дураки какие!

Входит **Катя**.

Катя. Очень худо Николаю Васильевичу. Нужно доктора.

Филипп. Доктор, барышня, сейчас не пойдет.

Катя. Он умирает, нянька, у него нос синий… Уже видно, какой он будет мертвый…

Филипп. Доктора, барышня, сейчас на запоре,

в ночное время не пойдут, хоть стреляй в него.

Катя. В аптеку надо за кислородом…

Филипп. Они союзные — их превосходительство?

Катя. Не знаю… Мы ничего здесь не знаем.

Филипп. Если не союзные — не дадут.

Резкий звонок. Филипп идет открывать, возвращается.

Там… там… Мария Николаевна…

Катя. Маша?!

Катя идет вперед, протягивает руки, плачет, останавливается, закрывает лицо руками, потом отнимает их. Перед ней **красноармеец**, лет девятнадцати, мальчик на длинных ногах, он тащит за собой мешок. Входит **Голицын**, останавливается у двери.

Красноармеец. Здравствуйте!

Катя. Боже мой, Маша!..

Красноармеец. Тут Мария Николаевна из продуктов кое-что прислали.

Катя. Где же она?.. Она с вами?

Красноармеец. Мария Николаевна в дивизии, сейчас все на местах… Из вещей тут кое-что есть — сапоги…

Катя. Она не приехала с вами?

Красноармеец. Там бои, товарищи, идут, — как можно?

Катя. Мы телеграммы посылали, письма…

Красноармеец. Что ни посылайте — все равно… Части день и ночь в движении.

Катя. Вы увидите ее?

Красноармеец. Как же не увидеть?.. Если передать что-нибудь…

Катя. Да, передайте ей, пожалуйста… Передайте, что отец ее умирает и мы не надеемся его спасти. Передайте, что, умирая, он звал ее… Сестра ее Люка не живет с нами больше — она арестована. Скажите, что мы желаем счастья Марии Николаевне, желаем, чтобы она не думала о тех днях и часах, когда ее не было с нами…

Красноармеец озирается, отступает. Шатаясь, выходит из своей комнаты **Муковнин**. Глаза его блуждают, волосы поднялись, он улыбается.

Муковнин. Вот, Маша, тебя не было, и я не хворал, все время был молодцом, Маша… *(Видит красноармейца.)* Кто это? *(Повторяет громче.)* Кто это?.. Кто это?.. *(Падает.)*

Нефедовна *(опускается на колени рядом с Муковниным).* Ну что, Коля, уходишь?.. Не ждешь

няньку…

Старик хрипит. Агония.

Картина восьмая

Полдень. Ослепительный свет. В окне облитые солнцем колонны Эрмитажа, угол Зимнего дворца. Пустая зала Муковниных. В глубине натирают паркет **Андрей** и подмастерье **Кузьма**, толстомордый парень. **Агаша** кричит в окно.

Агаша. Нюшка, проклятущая, не давай дитю об стенку мазаться!.. Куда глаза подевала? Сидишь, что ли, на глазах?.. Выросла — небо прободаешь, а толку все то же… Тихон, слышь, Тихон, зачем у тебя сарай растворенный? Замкни сарай-то… Егоровна, здравствуй! Я у тебя сольцы до первого не достану?.. Первого разживусь по купону — отдам. Девка моя зайдет, насыпь ей в пузырек, до первого… Тихон, слышь, Тихон, у Новосельцевых был? Когда они съезжают?

Голос Тихона. Съезжать, говорят, некуда.

Агаша. Жить умели — умейте и съезжать… До воскресенья дай им срок, а после воскресенья у нас с ними серьез будет, так и скажи… Нюшка, проклятущая, гляди, дите себе в нос землю пихает!.. Бери дите наверх, марш домой, окна мыть!.. *(Полотеру.)* Ну как, мастер, действуешь?

Андрей. Прикладываем труды.

Агаша. Не больно прикладываешь… Углы все пооставляли.

Андрей. Это какие углы?

Агаша. Да все четыре — и пол у тебя рыжий. Разве он должен быть рыжий?.. Не тот колер совсем.

Андрей. Материал теперь не тот, хозяйка.

Агаша. Сам хитришь и малого учишь… За деньгами небось аккуратно придешь.

Андрей. А я тебе, Аграфена, то отвечу, что ты врагу своему закажешь впервой после революции полы чистить… Тут за революцию грязи на три вершка наросло, рубанком не отстругаешь. Мне за это медаль нацепить, за то, что я после революции полы чищу, а ты лаешься…

В глубине проходят **Сушкин** и **Катя** в трауре.

Сушкин. Единственно как фанатик мебельной отрасли покупаю, единственно по охоте моей, что не могу мимо античной вещи пройти, — я за античную вещь болею. Громоздкую вещь в настоящий момент покупать — это камень на шею, с ним тонуть, Катерина Вячеславна… Вот сделаешь сегодняшний день покупку — мечтаешь, а завтра ты страдалец куда бы рассовать.

Катя. Вы забываете, Аристарх Петрович, что здесь ни одной простой вещи нет. Мебель эту сто лет назад Строгановы из Парижа выписывали.

Сушкин. Оттого миллиард двести и даю.

Катя. Что значит теперь этот миллиард, если на хлеб перевести?

Сушкин. А вы не на хлеб, а на мою ненормальность переведите, что я как охотник покупаю. С громоздкой вещью в настоящий момент остаться — ведь это я у них первый кандидат буду… *(Меняя тон.)* Тут у меня и молодежь приготовлена… *(Кричит вниз.)* Ребятежь, подхватывайся, веревки с собой тащи!..

Агаша *(выступает вперед).* Это куда подхватываться?

Сушкин. С кем имею честь-удовольствие?..

Катя. Это наша смотрительница двора, Аристарх Петрович.

Агаша. Ну, хоть дворничиха.

Сушкин. Очень приятно. Теперь, значит, такой разговор: вы нам, как говорится, поможете мебель снести, мы обоюдно вам поможем.

Агаша. Не получится у вас, гражданин.

Сушкин. Что именно у нас не получится?

Агаша. Тут переселенные люди будут, из подвала…

Сушкин. Это нам, конечно, интересно знать, что переселенные…

Агаша. Мебель-то где они возьмут?

Сушкин. А вот это нам, гражданка, совершенно неинтересно знать.

Катя. Агаша, Мария Николаевна поручила мне продать…

Сушкин. Прошу прощения, гражданка, мебель-то ваша?

Агаша. Мебель не моя, да и не твоя тоже.

Сушкин. На это первично отвечу, что мы с вами над одной ямкой не сидели, а вторично я вам скажу, что вы в настоящий момент, гражданка, неприятность себе наживаете.

Агаша. Ордер принесешь — я мебель выпущу.

Катя. Агаша, мебель принадлежит Марии Николаевне, ты же знаешь…

Агаша. Я что знала, барышня, то забыла, переучиваюсь теперь.

Сушкин. Гляди, баба, нарвешься!

Агаша. Не ругайся, выгоню…

Катя. Уйдемте, Аристарх Петрович.

Сушкин. Превышение власти, баба, делаешь.

Агаша. Ордер принеси — выпущу.

Сушкин. В другом месте поговорим.

Агаша. Хочь на Гороховой.

Катя. Уйдемте, Аристарх Петрович…

Сушкин. Я уйду, да вернусь, — не один вернусь, с людями.

Агаша. Нехорошо делаете, барышня.

Уходят. Андрей и Кузьма кончают натирать, собирают свой снаряд.

Кузьма. Умыла как следует.

Андрей. Колкая дамочка.

Кузьма. Она и при генерале была?

Андрей. При генерале она низко ходила, головы не высовывала.

Кузьма. Генерал-то дрался небось?

Андрей. Зачем дрался? Совершенно он не дрался. Ты к нему придешь — он с тобой за ручку возьмется, поздоровкается… Его и народ любил.

Кузьма. Как это так — народ генерала любил?

Андрей. По дурости нашей — любили… Он вреда больше положенного не делал. Сам себе дрова колол.

Кузьма. Старый был?

Андрей. Особо старый не был.

Кузьма. А помер…

Андрей. Помирает, брат Кузьма, не зрелый, а поспелый. Значит, поспел.

Входят **Агаша**, рабочий **Сафонов**, костлявый

молчаливый парень, и беременная жена его **Елена**, длинная, с маленьким светлым лицом, молодая женщина лет двадцати, не более, она в последних днях. Все нагружены домашним скарбом, тащат с собой табуретки, матрацы, примус.

Погоди, погоди, дай подстелю…

Агаша. Входи, Сафонов, не бойся. Тут тебе и помещаться.

Елена. Нам бы другого чего-нибудь, похуже…

Агаша. Привыкай к хорошему.

Андрей. Плевое дело — к хорошему привыкнуть.

Агаша. Налево кухня, там ванная — мыться… Пойдем, хозяин, остальное притащим… Ты сиди, Елена, не ходи — выкинешь, пожалуй.

Агаша и **Сафонов** уходят. Андрей собирает свои пожитки — щетки, ведра, Елена садится на табуретку.

Андрей. С новосельем, значит?

Елена. Вроде неудобно помещение, велико…

Андрей. Когда рассыпаться тебе?

Елена. Завтра пойду.

Андрей. Очень просто. На Мойку, что ли, во дворец?

Елена. На Мойку.

Андрей. Дворец этот — нонче называется матери и ребенка, — его в прежнее время царица для пастуха построила, теперь там бабы опрастываются. Все по порядку, очень просто.

Елена. Завтра идти. То боюсь, дядя Андрей, а то ничего.

Андрей. Бояться тут нечего: родишь — не чихнешь. Проработает тебе все жилы, разделаешься, опосля этого себя не узнаешь.

Елена. У меня, дядя Андрей, кость узкая…

Андрей. Попросят ее, твою кость, она подвинется… Другой раз посмотришь на бабочку, кое-как слеплена, волосьев копна, да ножки, да ручки, а выпечатает такого мужичищу, он водки ведро выпьет да вола кулаком убьет… На все специальность… *(Взваливает на плечи мешок.)* Мальчика желаешь или девочку?

Елена. Мне все равно, дядя Андрей.

Андрей. Это верно, что все равно… Я так располагаю, которые дети теперь изготовляются, должны к хорошей жизни поспеть. Иначе-то как же?.. *(Собирает свой инструмент.)* Пошли, Кузьма… *(Елене.)* Родишь — не чихнешь, на все специальность… Поехали, казак.

Полотеры уходят. Елена раскрывает окна,

в комнату входят солнце и шум улицы. Выставив живот, женщина осторожно идет вдоль стен, трогает их, заглядывает в соседние комнаты, зажигает люстру, гасит ее. Входит Нюша, непомерная багровая девка, с ведром и тряпкой — мыть окна. Она становится на подоконник, затыкает подол выше колен, лучи солнца льются на нее. Подобно статуе, поддерживающей своды, стоит она на фоне весеннего неба.

Елена. На новоселье придешь ко мне, Нюша?

Нюша *(басом).* Позовешь — приду, а чего поднесешь?..

Елена. Много не поднесу, что найдется…

Нюша. Мне сладенького поднеси, красного… *(Пронзительно и неожиданно она запевает.)*

Скакал казак через долину,
Через маньчжурские края,
Скакал он садиком зеленым.
Кольцо блестело на руке.
Кольцо казачка подарила,
Когда казак пошел в поход.
Она дарила – говорила, что
Через год буду твоя.
Вот год прошел…

Занавес

Закат

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мендель Крик — владелец извозопромышленного заведения, 62 года.

Нехама — его жена, 60 лет.

Беня — щеголеватый молодой человек, 26 лет.

Их дети:

Левка — гусар в отпуску, 22 года.

Двойра — перезрелая девица, 30 лет.

Арье-Лейб — служка в синагоге извозопромышленников, 65 лет.

Никифор — старший кучер у Криков, 50 лет.

Иван Пятирубель — кузнец, друг Менделя, 50 лет.

Бен Зхарья — раввин на Молдаванке, 70 лет.

Фомин — подрядчик, 40 лет.

Евдокия Потаповна Холоденко — торгует живой и битой птицей на рынке, тучная старуха с вывороченным боком. Пьяница, 50 лет.

Маруся — ее дочь, 20 лет.

Рябцов — хозяин трактира.

Митя — официант в трактире.

Мирон Попятник — флейтист в трактире Рябцова.

Мадам Попятник — его жена. Сплетница с неистовыми глазами.

Урусов — подпольный ходатай по делам. Картавит.

Семен — лысый мужик.

Бобринец — шумный еврей. Шумит оттого, что богат.

Вайнер — гундосый богач.

Мадам Вайнер — богачиха.

Клаша Зубарева — беременная бабенка.

Мосье Боярский — владелец конфексиона готовых платьев под фирмой «Шедевр».

[**Сенька Топун**.

Кантор Цвибак.]

Действие происходит в Одессе, в 1913 г.

Первая сцена

Столовая в доме Криков. Низкая обжитая мещанская комната. Бумажные цветы, комоды, граммофон, портреты раввинов и рядом с раввинами семейные фотографии Криков — окаменелых, черных, с выкатившимися глазами, с плечами широкими, как шкафы. В столовой приготовлено к приему гостей. На столе, покрытом красной скатертью, расставлены вина, варенье, пироги. Старуха Крик заваривает чай. Сбоку, на маленьком столике — кипящий самовар.

В комнате старуха **Нехама**, **Арье-Лейб**, **Левка** в парадной гусарской форме. Желтая бескозырка косо посажена на его кирпичное лицо, длиннополая шинель брошена на плечи. За Левкой волочится кривая сабля. Беня Крик, разукрашенный, как испанец на деревенском празднике, вывязывает перед зеркалом галстук.

Арье-Лейб. Ну хорошо, Левка, отлично… Арье-Лейб, сват с Молдаванки и шамес у биндюжников, знает теперь, что такое рубка лозы… Сначала рубят лозу, потом рубят человека… Матери в на-

шей жизни роли не играют… Но объясни мне, Левка, почему такому гусару, как ты, нельзя опоздать из отпуска на неделю, пока твоя сестра не сделает своего счастья?

Левка *(хохочет. В грубом его голосе движутся громы).* На неделю!.. Вы набитый дурак, Арье-Лейб!.. Опоздать на неделю!.. Кавалерия — это вам не пехота. Кавалерия плевала на вашу пехоту… Опоздал я на один час, и вахмистр берет меня к себе в помещение, пускает мне из души юшку, и из носу пускает мне юшку, и еще под суд меня отдает. Три генерала судят каждого конника, три генерала с медалями за турецкую войну.

Арье-Лейб. Это со всеми так делают или только с евреями?

Левка. Еврей, который сел на лошадь, перестал быть евреем и стал русским. Вы какой-то болван, Арье-Лейб!.. При чем тут евреи?

Сквозь полуоткрытую дверь просовывается лицо **Двойры**.

Двойра. Мама, пока у вас что-нибудь найдешь, можно мозги себе сломать. Куда вы подевали мое зеленое платье?

Нехама *(ни на кого не глядя, бурчит себе под нос)*. Посмотри в комоде.

Двойра. Я смотрела в комоде — нету.
Нехама. В шкафу.
Двойра. В шкафе нету.
Левка. Какое платье?
Двойра. Зеленое с гесткой.
Левка. Кажется, папаша подхватил.

Полуодетая, нарумяненная, завитая **Двойра** входит в комнату. Она высока ростом, дебела.

Двойра *(деревянным голосом).* Ох, я умру!
Левка *(матери).* Вы небось признались ему, старая хулиганка, что Боярский придет сегодня смотреть Двойру?.. Она призналась. Готово дело!.. Я его еще с утра заметил. Он запряг в биндюг Соломона Мудрого и Муську, поснедал, нажрался водки, как кабан, бросил в козлы что-то зеленое и подался со двора.
Двойра. Ох, я умру! *(Она разражается громким плачем, сдирает с окна занавеску, топчет ее и бросает старухе.)* Нате вам!..
Нехама. Издохни! Сегодня издохни…

Рыча и рыдая, Двойра убегает. Старуха прячет занавеску в комод.

Беня *(вывязывает галстук).* Папаша, понимаете ли вы меня, жалеет приданое.

Левка. Зарезать такого старика ко всем свиньям!

Арье-Лейб. Ты это про отца, Левка?

Левка. Пусть не будет босяком.

Арье-Лейб. Отец старше тебя на субботу.

Левка. Пусть не будет грубияном.

Беня *(закалывает в галстук жемчужную булавку).* В прошлом году Семка Мунш хотел Двойру, но папаша, понимаете ли вы меня, жалеет приданое. Он сделал из Семкиной вывески кашу с подливкой и выбросил его со всех лестниц.

Левка. Зарезать такого старика ко всем свиньям!

Арье-Лейб. Про такого свата, как я, сказано у Ибн-Эзра: «Если ты вздумаешь, человек, заняться изготовлением свечей, то солнце станет посреди неба, как тумба, и никогда не закатится…»

Левка *(матери).* Сто раз на дню старик убивает нас, а вы молчите ему, как столб. Тут каждую минуту жених может наскочить…

Арье-Лейб. Сказано про меня у Ибн-Эзра: «Вздумай саваны шить для мертвых, и ни один человек не умрет отныне и во веки веков, аминь!..»

Беня *(вывязал галстук, сбросил с головы малиновую повязку, поддерживавшую прическу,*

облачился в кургузый пиджачок, налил рюмку водки). Здоровье присутствующих!

Левка *(грубым голосом).* Будем здоровы.

Арье-Лейб. Чтобы было хорошо.

Левка *(грубым голосом).* Пусть будет хорошо!

В комнату вкатывается **мосье Боярский**, бодрый круглый человек. Он сыплет без умолку.

Боярский. Привет! Привет! *(Представляется.)* Боярский… Приятно, чересчур приятно!.. Привет!

Арье-Лейб. Вы обещались в четыре, Лазарь, а теперь шесть.

Боярский *(усаживается и берет из рук старухи стакан чаю).* Бог мой, мы живем в Одессе, а в нашей Одессе есть заказчики, которые вынимают из вас жизнь, как вы вынимаете косточку из финика, есть добрые приятели, которые согласны скушать вас в одежде и без соли, есть вагон неприятностей, тысяча скандалов. Когда тут подумать о здоровье, и зачем купцу здоровье? Насилу забежал в теплые морские ванны — и прямо к вам.

Арье-Лейб. Вы принимаете морские ванны, Лазарь?

Боярский. Через день, как часы.

Арье-Лейб *(старухе).* Худо-бедно положите

пятьдесят копеек на ванну.

Боярский. Бог мой, молодое вино есть в нашей Одессе. Греческий базар, Фанкони…

Арье-Лейб. Вы захаживаете к Фанкони, Лазарь?

Боярский. Я захаживаю к Фанкони.

Арье-Лейб *(победоносно).* Он захаживает к Фанкони!.. *(Старухе.)* Худо-бедно тридцать копеек надо оставить у Фанкони, я не скажу — сорок.

Боярский. Простите меня, Арье-Лейб, если я, как более молодой, перебью вас. Фанкони обходится мне ежедневно в рубль, а также в полтора рубля.

Арье-Лейб *(с упоением).* Так вы же мот, Лазарь, вы негодяй, какого еще свет не видел!.. На тридцать рублей живет семья, и еще детей учат на скрипке, еще откладывают где какую копейку…

В комнату вплывает **Двойра**. На ней оранжевое платье, могучие ее икры стянуты высокими башмаками.

Это наша Вера.

Боярский *(вскакивает).* Привет! Боярский.

Двойра *(хрипло).* Очень приятно.

Все садятся.

Левка. Наша Вера сегодня немножко угорела от утюга.

Боярский. Угореть от утюга может всякий, но быть хорошим человеком — это не всякий может.

Арье-Лейб. Тридцать рублей в месяц кошке под хвост… Лазарь, вы не имели права родиться!

Боярский. Тысячу раз простите меня, Арье-Лейб, но о Боярском надо вам знать, что он не интересуется капиталом, — капитал — это ничтожество, — Боярский интересуется счастьем… Я спрашиваю вас, дорогие, что вытекает для меня из того, что моя фирма выдает в месяц сто — полтораста костюмов плюс к этому брючные комплекты, плюс к этому польты?

Арье-Лейб *(старухе).* Положите на костюм пять рублей чистых, я не скажу — десять…

Боярский. Что вытекает для меня из моей фирмы, когда я интересуюсь исключительно счастьем?

Арье-Лейб. И я вам отвечу на это, Лазарь, что если мы поведем наше дело как люди, а не как шарлатаны, то вы будете обеспечены счастьем до самой вашей смерти, живите сто двадцать лет… Это я говорю вам как шамес, а не как сват.

Беня *(разливает вино).* Исполнение обоюдных

желаний.

Левка *(грубым голосом).* Будем здоровы!

Арье-Лейб. Пусть будет хорошо.

Боярский. Я начал про Фанкони. Выслушайте, мосье Крик, историю про еврея-нахала… Забегаю сегодня к Фанкони, кофейная набита людьми, как синагога в Судный день. Люди закусывают, плюют на пол, расстраиваются… Один расстраивается оттого, что у него плохие дела, другой расстраивается оттого, что у соседа хорошие дела. Присесть, между прочим, некуда… Поднимается тут мне навстречу мосье Шапелон, видный из себя француз… Заметьте, что это большая редкость, чтобы француз был из себя видный… поднимается мне навстречу и приглашает к своему столику. Мосье Боярский, говорит он мне по-французски, я уважаю вас как фирму, и у меня есть дивная крыша для шубы…

Левка. Крыша?

Боярский. Сукно, верх для шубы… Дивная крыша для шубы, говорит он мне по-французски, и прошу вас, как фирму, выпить со мною две кружки пива и скушать десять раков…

Левка. Я люблю раков.

Арье-Лейб. Скажи еще, что ты любишь жабу.

Боярский. …и скушать десять раков…

Левка *(грубым голосом).* Я люблю раков!

Арье-Лейб. Рак — это же жаба.

Боярский *(Левке).* Вы простите меня, мосье Крик, если я скажу вам, что еврей не должен уважать раков. Это я говорю вам замечание из жизни. Еврей, который уважает раков, может позволить себе с женским полом больше, чем себе надо позволять, он может сказать сальность за столом, и если у него бывают дети, так на сто процентов выродки и бильярдисты. Это говорю вам замечание из жизни. Теперь выслушайте историю про еврея-нахала…

Беня. Боярский!

Боярский. Я.

Беня. Прикинь мне, Боярский, на скорую руку, во что мне обойдется зимний костюм прима?

Боярский. Двубортный, однобортный?

Беня. Однобортный.

Боярский. Фалды вы себе мыслите — круглые или отрезанные?

Беня. Фалды круглые.

Боярский. Сукно ваше или мое?

Беня. Сукно твое.

Боярский. Какой товар вы себе рисуете — английский, лодзинский или московский?

Беня. Какой лучше?

Боярский. Английское сукно, мосье Крик, это хорошее сукно, лодзинское сукно — это дерюга, на которой что-то нарисовано, а московское сукно — это дерюга, на которой ничего не нарисовано.

Беня. Возьмем английское.

Боярский. Доклад ваш или мой?

Беня. Доклад твой.

Боярский. Сколько вам обойдется?

Беня. Сколько мне обойдется?

Боярский *(осененный внезапной мыслью).* Мосье Крик, мы сойдемся!

Арье-Лейб. Вы сойдетесь!

Боярский. Мы сойдемся… Я начал про Фанкони.

Слышен гром сапог, окованных гвоздями. Входит **Мендель Крик** с кнутом и **Никифор**, старший кучер.

Арье-Лейб *(оробел).* Познакомьтесь, Мендель, с мосье Боярским…

Боярский *(вскакивает).* Привет! Боярский.

Гремя сапогами, ни на кого не глядя, старик идет через всю комнату. Он бросает кнут, садится на кушетку, протягивает длинные толстые ноги. Нехама опускается на колени и стягивает с мужа

сапоги.

Арье-Лейб *(заикаясь).* Мосье Боярский рассказывал нам здесь про свою фирму. Она выдает полтораста костюмов в месяц…

Мендель. Так что ты говоришь, Никифор?

Никифор *(прислонился к косяку двери и уставился в потолок).* Я то говорю, хозяин, что с нас люди смеются.

Мендель. Почему с нас люди смеются?

Никифор. Люди говорят — у вас тыща хозяев на конюшне, у вас семь пятниц на неделе… Вчера возили в гавань пшеницу, кинулся я в контору деньги получать, они мне — назад: тут, говорят, молодой хозяин был, Бенчик, он приказание дал, чтобы деньги в банк платить, на квитанцию.

Мендель. Приказание дал?

Никифор. Приказание дал.

Нехама *(стянула сапог, размотала грязную портянку, Мендель подает ей другую ногу. Старуха поднимает на мужа глаза, полные ненависти, и бормочет сквозь стиснутые зубы).* Чтоб ты света не дождался, мучитель!..

Мендель. Так что ты говоришь, Никифор?

Никифор. Я то говорю, что от Левки сегодня грубость видели.

Беня *(отставив мизинец, пьет вино).* Обоюдное

исполнение желаний.

Левка. Будем здоровы.

Никифор. Повели сегодня Фрейлину ковать, наскочил в кузню Левка, открыл рот, как лоханку, приказывает кузнецу Пятирубелю подковы резиной подбивать. Я тут встреваю. Что мы, полицмейстеры, говорю, или мы цари, Николаи Вторые, чтобы резиной подбивать? Хозяин не приказывал… А Левка стал красный, как буряк, и кричит: кто твой хозяин?..

Нехама стянула второй сапог. Мендель встал. Он потянул к себе скатерть. Посуда, пироги, варенье — все полетело на пол.

Мендель. Кто же твой хозяин, Никифор?

Никифор *(угрюмо).* Вы мой хозяин.

Мендель. А если я твой хозяин *(он подходит к Никифору и берет его за грудь)*, а если я твой хозяин, так бей того, кто вступит ногой в мою конюшню, бей его в душу, в жилы, в глаза… *(Он трясет Никифора и отшвыривает от себя.)*

Согнувшись, шаркая босыми ногами, Мендель идет через всю комнату к выходу, за ним бредет Никифор. Старуха тащится на коленях к двери.

Нехама. Чтоб ты свету не дождался, мучи-

тель…

Молчание.

Арье-Лейб. Если я скажу вам, Лазарь, что старик не кончил Высших женских курсов…

Боярский. …так я поверю вам без честного слова.

Беня *(подает Боярскому руку).* Зайдешь другим разом, Боярский.

Боярский. Бог мой, в семье все случается. Бывает холодное, бывает горячее. Привет! Привет! Зайду другим разом. *(Исчезает.)*

Беня встает, закуривает папироску, перекидывает через руку щегольской плащ.

Арье-Лейб. Про такого свата, как я, сказано у Ибн-Эзра: «Если ты вздумаешь шить саваны для мертвых…»

Левка. Зарезать такого старика ко всем свиньям!

Двойра откинулась на спинку кресла и завизжала.

Здрасте! Двойра получила истерику *(он разжимает ножом крепко стиснутые зубы сестры. Она верещит все пронзительнее).*

В комнату входит **Никифор**. Беня перекладывает плащ на левую руку и правой бьет Никифора по лицу.

Беня. Заложи мне гнедого в дрожки!

Никифор *(из носу у него вытекает нерешительная струйка крови).* Расчет мне дайте…

Беня *(подходит к Никифору в упор и говорит ласковым, вздрагивающим голосом).* Ты у меня умрешь сегодня, не поужинав, Никифор, дружок мой…

Вторая сцена

Ночь. Спальня Криков. Лунный луч, роящийся и голубой, входит в окно. **Старик** и **Нехама** на двуспальной кровати. Они укрыты одним одеялом. Всклокоченная грязно-седая старуха сидит на постели. Она бубнит низким голосом, бубнит нескончаемо.

Нехама. У людей все как у людей… У людей берут к обеду десять фунтов мяса, делают суп, делают котлеты, делают компот. Отец приходит с работы, все садятся за стол, люди кушают и смеются… А у нас?.. Бог, милый Бог, как темно в моем доме!

Мендель. Дай жить, Нехама. Спи!

Нехама. …Бенчик, такой Бенчик, такое солнце на небе, он пошел в эту жизнь. Сегодня один пристав, завтра другой пристав… Сегодня люди имеют кусок хлеба, завтра им обложат ноги железом…

Мендель. Дай дыхать, Нехама! Спи.

Нехама. …Такой Левка. Дите придет из солдат и тоже кинется в налеты. Куда ему кинуться? Отец выродок, отец не пускает детей в дело…

Мендель. Делай ночь, Нехама. Спи!

Молчание.

Нехама. Раввин сказал, раввин Бен Зхарья… Настанет новый месяц, сказал Бен Зхарья, и я не впущу Менделя в синагогу. Евреи не дадут мне…

Мендель *(сбрасывает одеяло, садится рядом со старухой)*. Чего не дадут евреи?

Нехама. Придет новолуние, сказал Бен Зхарья…

Мендель. Что мне не дадут евреи и что мне дали твои евреи?

Нехама. Не пустят, не пустят в синагогу.

Мендель. Карбованец с откусанным углом мне дали твои евреи, тебя, клячу, и этот гроб с клопами.

Нехама. А кацапы что тебе дали, что кацапы тебе дали?

Мендель *(укладывается).* О, кляча на мою голову!

Нехама. Водку кацапы тебе дали, матерщины полный рот, бешеный рот, как у собаки… Ему шестьдесят два года, Бог, милый Бог, и он горячий, как печка, он здоровый, как печка.

Мендель. Выйми мне зубы, Нехама, налей жидовский суп в мои жилы, согни мне спину…

Нехама. Горячий как печка… Как мне стыдно, Бог!.. *(Она забирает свою подушку и укладывается на полу, в лунном луче. Молчание. Потом снова раздается ее бормотанье.)* В пятницу вечером люди выходят за ворота, люди цацкаются с внуками…

Мендель. Делай ночь, Нехама.

Нехама *(плачет).* Люди цацкаются с внуками…

Входит **Беня**. Он в нижнем белье.

Беня. Может быть, хватит на сегодня, молодожены?

Мендель приподымается. Он смотрит на сына во все глаза.

Или я должен пойти в гостиницу, чтобы выспаться?

Мендель *(встал с кровати. Он, как и сын, в нижнем белье).* Ты… ты вошел?

Беня. Дать два рубля за номер, чтобы выспаться?

Мендель. Ночью, ночью ты вошел?

Беня. Она мне мать. Ты слышишь, супник!

Отец и сын стоят в нижнем белье друг против друга. Мендель все ближе, все медленнее

подходит к Бене. В лунном луче трясется всклокоченная грязно-серая голова Нехамы.

Мендель. Ночью, ночью ты вошел…

Третья сцена

Трактир на Привозной площади. Ночь. Хозяин трактира **Рябцов**, болезненный строгий человек, читает у стойки Евангелие. Безрадостные пыльные его волосы разложены по обеим сторонам лба. На возвышении сидит кроткий флейтист **Мирон** (в просторечии **Майор**) **Попятник**. Флейта его выводит слабую дрожащую мелодию. За одним из столов черноусые, седоватые **греки** играют в кости с **Сенькой Топуном**, приятелем Бени Крика. Перед Сенькой разрезанный арбуз, финский нож и бутылка малаги. Два **матроса** спят, положив на стол литые плечи. В дальнем углу смиренно попивает зельтерскую воду подрядчик **Фомин**. Его в чем-то горячо убеждает пьяная **Потаповна**. За передним столом стоит **Мендель Крик**, пьяный, воспаленный, громадный, и **Урусов**, ходатай по делам.

Мендель *(бьет кулаком по столу).* Темно! Ты в могиле меня держишь, Рябцов, в черной могиле!..

Официант Митя, старичок с серебряными волосами ежиком, приносит лампу и ставит ее перед

Менделем.

Я все лампы приказывал! Я хор требовал! Я со всего трактира лампы приказывал!

Митя. Керосин-то, вишь, нашему брату даром не дают. Вот, видишь, какое дело…

Мендель. Темно!

Митя *(Рябцову).* Добавку освещения требует.

Рябцов. Рупь.

Митя. Получайте рупь.

Рябцов. Получил рупь.

Мендель. Урусов!

Урусов. Есть!

Мендель. Скрозь мое сердце сколько, говоришь, крови льется?

Урусов. По науке считается, скрозь человеческое сердце льется в сутки двести пудов крови. А в Америке такое изобрели…

Мендель. Стой! Стой!.. А если я в Америку хочу ехать — это слободно?

Урусов. Свободно вполне. Сел и поехал…

Переваливаясь, виляя кривым боком, к столу подходит Потаповна.

Потаповна. Мендель, мама моя, мы не в Америку, мы в Бессарабию поедем, сады покупать.

Мендель. Сел, говоришь, и поехал?

Урусов. По науке считается, что вы четыре моря проезжаете — Черное море, Ионическое, Эгейское, Средиземное и два всемирных океана — Атлантический океан и Тихий.

Мендель. А ты сказывал — человек через моря лететь может?

Урусов. Может.

Мендель. Через горы, через высокие горы может человек лететь?

Урусов *(с твердостью)*. Может.

Мендель *(сжимает ладонями лохматую голову)*. Конца нет, краю нет… *(Рябцову.)* Поеду. В Бессарабию поеду.

Рябцов. А делать чего будешь в Бессарабии?

Мендель. Чего захочу, то и буду.

Рябцов. А чего тебе хотеть?

Мендель. Слухай меня, Рябцов, я еще живой…

Рябцов. Не живой ты, если тебя Бог убил.

Мендель. Когда это меня Бог убил?

Рябцов. Годов-то тебе сколько?

Голос из трактира. Годов ему всех шестьдесят два.

Рябцов. Шестьдесят два года Бог тебя и убивает.

Мендель. Рябцов, я Бога хитрей.

Рябцов. Ты русского Бога хитрей, а жидовского

Бога ты не хитрей.

Митя вносит еще одну лампу. За ним гуськом выступают четыре заспанных толстых **девки** с засаленными грудями. В руках у каждой из них по зажженной лампе. Ослепительный свет разливается по трактиру.

Митя. Со светлым тебя, значит, Христовым воскресеньем! Девки, обставь его, бешеного, лампами.

Девки ставят лампы на стол перед Менделем. Сияние озаряет багровое его лицо.

Голос из трактира. Из ночи день делаем, Мендель?

Мендель. Конца нет.

Потаповна *(дергает Урусова за рукав).* Прошу вашей дорогой любезности, выпейте со мной, господин… Вот я курями на базаре торгую, мне мужики все летошних кур всучивают, да рази я к курям к этим присужденная? У меня папочка садовник был, первый садовник. Я, какая где яблонка задичится, я ее раздичу…

Голос из трактира. Из понедельника воскресенье делаем, Мендель?

Потаповна *(кофта разошлась на жирной ее*

груди. Водка, жара, восторг душат ее). Мендель дело свое продаст, получим, бог даст, деньги, мы тогда с ясочкой нашей в сады уедем, на нас, послухайте, господин, на нас с липы цвет лететь будет… Мендель, золотко, я же садовница, я папочкина дочка!..

Мендель *(идет к стойке).* Рябцов, у меня глаза были… слухай меня, Рябцов, у меня глаза сильней телескопов были, а чего я сделал с моими глазами? У меня ноги быстрей паровозов были, мои ноги по морю ходят, а чего я сделал с моими ногами? От обжорки к сортиру, от сортира к обжорке… Я полы мордой заметал, а теперь я сады поставлю.

Рябцов. Ставь. Кто тебя не пущает?

Голос из трактира. Найдутся — не пустят. Наступят на хвост — не выдерет…

Мендель. Я песни приказывал! Дай военную, музыкант… Не мотай жилы… Жизнь дай! Еще дай!..

Колеблясь, срываясь, флейта выводит пронзительную мелодию. Мендель пляшет, топает чугунными ногами.

Митя *(Урусову шепотом).* Фомину приходить или рано?

Урусов. Рано. *(Музыканту.)* Прибавь, Майор!

Голос из трактира. И прибавлять нечего, хор пришел. Пятирубель хор приволок.

Входит хор — слепцы в красных рубахах. Они натыкаются на стулья, машут перед собой камышовыми тросточками. Их ведет кузнец **Пятирубель**, азартный человек, друг Менделя.

Пятирубель. Со сна чертей похватал. Не будем, говорят, песни играть. Ночь, говорят, на всем белом свете, наигрались… Да вы, говорю, перед каким человеком, говорю, стоите?!

Мендель *(бросается к запевале, рябому рослому слепцу)*. Федя, я в Бессарабию еду.

Слепой *(густым, глубоким басом).* Счастливо вам, хозяин!

Мендель. Песню, Федя, последнюю мою!..

Слепой. «Славное море» — споем?

Мендель. Последнюю мою…

Слепые *(настраивают гитары. Тягучие их басы запевают).*

Славное море – священный Байкал,
Славный корабль – омулевая бочка,
Эй, баргузин, пошевеливай вал.
Плыть молодцу недалечко.

Мендель *(швыряет в окно пустую бутылку. Стекло разлетается с треском).* Бей!

Пятирубель. Ох, и герой же, сукин сын!

Митя *(Рябцову).* За стекло сколько посчитаем?

Рябцов. Рупь.

Митя. Получайте рупь.

Рябцов. Получил рупь.

Слепые *(поют).*

Долго я тяжкие цепи носил,
Долго скитался в горах Акатуя,
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почуя…

Мендель *(ударом кулака вышибает оконную раму).* Бей.

Пятирубель. Сатана, а не старик!

Голоса из трактира:

— Форсовито гуляет!..

— Ничего не форсовито… Обыкновенно гуляет.

— Обыкновенно так не бывает. Помер у него кто-нибудь?

— Никто у него не помер… Обыкновенно гуляет.

— А причина какая, по какой причине гуляет?

Рябцов. Поди разбери причину. У одного деньги есть — он от денег гуляет, у другого денег нет —

он от бедности гуляет. Человек ото всего гуляет…

Песня гремит все могущественнее. Звон гитар бьется о стены и зажигает сердца. В разбитом окне качается звезда. Заспанные девки встали у косяков, подперли груди шершавыми руками и запели. Матрос качается на расставленных больших ногах и подпевает чистым тенором.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь.
Горная стража меня не поймала.
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала…

Потаповна *(пьяна и счастлива).* Мендель, мама моя, выпейте со мной! Выпьем за нашу ясочку!

Пятирубель. Швейцару на почте морду бил. Вот какой старик! Телеграфные столбы крал и домой на плечах приносил…

Шел я и ночью и средь бела дня,
Вкруг городов озирался я зорко,
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой…

Мендель. Согни мне спину, Нехама, налей жидовский суп в мои жилы!.. *(Он бросается на пол, ворочается, стонет, хохочет.)*

Голоса из трактира:
— Чисто слон!
— У нас и слоны слезами плакали…
— Это врешь, слоны не плачут…
— Говорю тебе, слезами плакал…
— В зверинце я слона одного задражнил…
Митя *(Урусову).* Фомину приходить или рано?
Урусов. Рано.

Певцы поют во всю мочь. Песня грохочет. Гитары захлебываются, дрожмя дрожат.

Славное море – священный Байкал,
Славный мой парус – кафтан дыроватый,
Эй, баргузин, пошевеливай вал.
Слышатся грома раскаты…

Страшными, радостными, рыдающими голосами поют слепцы последние строки. Окончив песню, они встают и уходят как по команде.

Митя. И всё?
Запевала. Хватит.
Мендель *(вскочил с пола и затопал).* Военное мне дай! Жизнь, музыкант, дай!
Митя *(Урусову).* Фомину взойти или рано?
Урусов. Самое время.

Митя подмигивает **Фомину**, сидящему в дальнем углу. Фомин рысью подбирается к столу Менделя.

Фомин. С приятным заседанием!

Урусов *(Менделю).* Теперь, дорогой, оно у нас так будет — потехе время, делу час. *(Вытаскивает исписанный лист бумаги.)* Читать, что ли?

Фомин. Если вам нежелательно, скажем, плясать, то можно читать.

Урусов. Сумму, что ли, читать?

Фомин. Согласен на такое ваше предложение.

Мендель *(во все глаза смотрит на Фомина и отодвигается).* Я песни приказывал…

Фомин. И петь будем и гулять будем, а придется помирать — помирать будем.

Урусов *(читает очень картаво).* «…Согласно каковым пунктам, уступаю в полную собственность Фомину Василию Елисеевичу извозопромышленное заведение мое в составе, как поименовано…»

Пятирубель. Фомин, ты понимай, паяц, каких коней забираешь! Кони эти миллион пшеницы отвезли, они полмира угля перетаскали. Ты от нас всю Одессу с этими конями забираешь…

Урусов. «…А всего за сумму двенадцать тысяч рублей, из коих треть при подписании сего, а остальные…»

Мендель *(указывает пальцем на турка, безмятежно курившего кальян в углу)*. Вон человек сидит, обсуждает меня.

Пятирубель. Верно, обсуждает… А ну, стукнитесь! *(Фомину.)* Ей-богу, сейчас человека убьет.

Фомин. Авось не убьет.

Рябцов. Дуришь, дурак! Гость этот — турок, святой человек.

Потаповна *(потягивает вино мелкими глотками и блаженно смеется)*. Папочкина дочка!

Фомин. Вот, дорогой, тут и распишись.

Потаповна *(хлопает Фомина по груди).* Здеся у него, у Васьки, деньги, здеся они!

Мендель. Расписаться, говоришь?.. *(Шаркая сапогами, он идет через весь трактир к турку, садится рядом с ним.)* И што я, дорогой человек, девок поимел на моем веку, и што я счастья видел, и дом поставил, и сынов выходил, — цена этому, дорогой человек, двенадцать тысяч. А потом крышка — помирай!

Турок кланяется, прикладывает руку к сердцу, ко лбу. Мендель бережно целует его в губы.

Фомин *(Потаповне).* Значит, Янкеля со мной вертеть?

Потаповна. Продаст он, Василий Елисеевич,

убиться мне, если не продаст!

Мендель *(возвращается, мотает головой).* Скука какая!

Митя. Вот те и скука — платить надо.

Мендель. Уйди!

Митя. Врешь, уплатишь!

Мендель. Убью!

Митя. Ответишь.

Мендель *(кладет голову на стол и плюет. Длинная его слюна тянется, как резина).* Уйди, я спать буду.

Митя. Не платишь? Ох, старички, убивать буду!

Пятирубель. Погоди убивать. Ты сколько с него за полбутылки гребешь?

Митя *(распалился).* Я мальчик злой, я покусаю!

Мендель, не поднимая головы, выбрасывает из кармана деньги. Монеты катятся по полу. Митя ползет за ними, подбирает. Заспанная девка дует на лампы, тушит их. Темно. Мендель спит, положив голову на стол.

Фомин *(Потаповне).* Суешься попередь батьки… Стучишь языком, как собака бегает… Всю музыку испортила!

Потаповна *(выжимает слезы из грязных*

мятых морщин). Василий Елисеевич, я дочку жалею.

Фомин. Жалеть умеючи надо.

Потаповна. Жиды, как воши, обсели.

Фомин. Жид умному не помеха.

Потаповна. Продаст он, Василий Елисеевич, покуражится и продаст.

Фомин *(грозно, медленно).* А не продаст, так богом Иисусом Христом, богом нашим вседержителем божусь тебе, старая, домой придем — я со спины у тебя ремни резать буду!

Четвертая сцена

Мансарда Потаповны. **Старуха**, разодетая в новое яркое платье, лежит на окне и переговаривается с соседкой. Из окна виден порт, блистающее море. На столе ворох покупок — отрез материи, дамские туфли, шелковый зонтик.

Голос соседки. Погордиться бы пришла, покрасоваться перед нами.

Потаповна. Да приду к вам, проведаю…

Голос соседки. А то в одном ряду на птичьей двенадцать лет торговали, и хвать — нет ее, Потаповны.

Потаповна. Да авось я не присужденная к курям к этим. Видно, не век мне маяться…

Голос соседки. Видно, что не век.

Потаповна. У людей-то небось на Потаповну глаза разбегаются?

Голос соседки. Каково разбегаются-то! Счастья-то каждому подай. Испеки да подай…

Потаповна *(смеется, тучное ее тело сотрясается).* Девка-то, вишь, не у всякого есть.

Голос соседки. Девка-то, говорят, худая.

Потаповна. У кости, милая, мясо слаще.

Голос соседки. Сыны, слышь, против вас копают…

Потаповна. Девка сынов перетянет.

Голос соседки. И я говорю — перетянет.

Потаповна. Старик, небось, девку не бросает.

Голос соседки. Сады, слышь, он вам покупает…

Потаповна. А еще чего люди говорят?

Голос соседки. Да ничего не говорят, только гавкают. Кто их разберет?

Потаповна. Разберем. Я разберу… Про полотно-то чего толкуют?

Голос соседки. Толкуют, старик вам двадцать аршин справил.

Потаповна. Пятьдесят!

Голос соседки. Башмаков пару…

Потаповна. Три!

Голос соседки. Очень смертно любят старики.

Потаповна. Видно, к курям-то мы не присужденные…

Голос соседки. Видно, не присужденные. Покрасоваться бы пришла, погордиться перед нами.

Потаповна. Приду. Проведаю вас… Прощай, милая!

Голос соседки. Прощай, милая!

Потаповна слезает с окна. Переваливаясь, напевая, бродит она по комнате, открывает шкаф. Взбирается на стул, чтобы достать до верхней полки, на которой штоф наливки, пьет, закусывает трубочкой с кремом. В комнату входят **Мендель**, одетый по-праздничному, и **Маруся**.

Маруся *(очень звонко).* Птичка-то наша куда взгромоздилась! Сбегайте к Мойсейке, мама.

Потаповна *(слезая со стула).* А чего купить?

Маруся. Кавуны купите, бутылку вина, копченой скумбрии полдесятка… *(Менделю.)* Дай ей рубль.

Потаповна. Не хватит рубля.

Маруся. Арапа не заправляйте! Хватит, еще сдачи будет.

Потаповна. Не хватит мне рубля.

Маруся. Хватит! Придете через час. *(Она выталкивает мать, захлопывает дверь, запирает ее на ключ.)*

Голос Потаповны. Я за воротами посижу, надо будет — покличешь.

Маруся. Ладно. *(Она бросает на стол шляпку, распускает волосы, заплетает золотую косу. Голосом, полным силы, звона и веселья, она продолжает прерванный рассказ.)* …Пришли на кладбище, глядим — первый час. Все похороны

отошли, народу никакого, только в кустах целуются. У крестного могилка хорошенькая — чудо!.. Я кутью разложила, мадеру, что ты мне дал, две бутылки, побежала за отцом Иоанном. Отец Иоанн старенький, с голубенькими глазами, ты его знать должен…

Мендель смотрит на Марусю с обожанием. Он дрожит и мычит что-то в ответ, непонятно, что мычит.

Батюшка панихиду отслужил, я ему рюмку мадеры налила, рюмку полотенцем вытерла, он выпил, я ему вторую… *(Маруся заплела косу, распушила конец. Она садится на кровать, расшнуровывает желтые, длинные, по тогдашней моде, башмаки.)* Ксенька, та, как будто не у отца на могиле, надулась как мышь на крупу, вся накрашенная, намазанная, жениха глазами ест. А Сергей Иваныч, тот мне все бутерброды мажет… Я Ксеньке в пику и говорю… Что вы, говорю, Сергей Иваныч, Ксении Матвеевне, невесте вашей, внимание не уделяете?.. Сказала, и проехало. Мадеру мы твою дочиста выпили… *(Маруся снимает башмаки и чулки, она идет босиком к окну, задергивает занавеску.)* Крестная все плакала, а потом стала розовая, как барышня, хорошенькая — чудо! Я тоже выпила — и Сергею

Иванычу *(Маруся раскрывает постель):* айда, Сергей Иваныч, на Ланжерон купаться! Он: айда! *(Маруся хохочет, стягивает с себя платье, оно поддается туго.)* А у Ксеньки-то спина, небось, полна прыщей, и ноги три года не мыла… Она на меня тут язык свой спустила *(Маруся перекрыта с головой наполовину стянутым платьем):* ты, мол, фасон давишь, ты интересантка, ты то, ты сё, на стариковы деньги позарилась, ну тебя отошьют от этих денег… *(Маруся сняла платье и прыгнула в постель.)* А я ей: знаешь что, Ксенька, — это я ей, — не дразни ты, Ксенька, моих собак… Сергей Иваныч слушает нас, помирает со смеху!.. *(Голой девической прекрасной рукой Маруся тащит к себе Менделя. Она снимает с него пиджак и швыряет пиджак на пол.)* Ну, иди сюда, скажи — Марусичка…

Мендель. Марусичка!

Маруся. Скажи — Марусичка, солнышко мое…

Старик хрипит, дрожит, не то плачет, не то смеется.

(Ласково.) Ах ты, рыло!

Пятая сцена

Синагога общества извозопромышленников на Молдаванке. Богослужение в пятницу вечером. Зажженные свечи. У амвона **кантор Цвибак** в талесе и сапогах. **Прихожане**, красномордые извозчики, оглушительно беседуют с богом, слоняются по синагоге, раскачиваются, отплевываются. Ужаленные внезапной пчелой благодати, они издают громовые восклицания, подпевают кантору неистовыми, привычными голосами, стихают, долго бормочут себе под нос и потом снова ревут, как разбуженные волы. В глубине синагоги, над фолиантом Талмуда склонились два древних **еврея**, два костистых горбатых гиганта с желтыми бородами, свороченными набок. **Арье-Лейб**, шамес, величественно расхаживает между рядами. На передней скамье **толстяк** с оттопыренными пушистыми щеками зажал между коленями **мальчика** лет десяти. Отец тычет мальчика в молитвенник. На боковой скамье **Беня Крик**. Позади него сидит **Сенька Топун**. Они не подают вида, что знакомы друг с другом.

Кантор *(возглашает).* Лху нранно ладонай но-

рийо ицур ишейну!

Извозчики подхватили напев. Гудение молитвы.

Арбоим шоно окут бдойр вооймар… *(Сдавленным голосом.)* Арье-Лейб, крысы!

Арье-Лейб. Ширу ладонай шир ходош. Ой, пойте господу новую песню… *(Подходит к молящемуся еврею.)* Как сто́ит сено?

Еврей *(раскачивается).* Поднялось.

Арье-Лейб. На много?

Еврей. Пятьдесят две копейки.

Арье-Лейб. Доживем, будет шестьдесят.

Кантор. Лифней адонай ки во мишпойт горец…[12] Арье-Лейб, крысы!

Арье-Лейб. Довольно кричать, буян.

Кантор *(сдавленным голосом).* Я увижу еще одну крысу — я сделаю несчастье.

Арье-Лейб *(безмятежно).* Лифней адонай ки во, ки во… Ой, стою, ой, стою перед Господом… Как сто`ит овес?

Второй еврей *(не прерывая молитвы).* Рупь четыре, рупь четыре…

Арье-Лейб. С ума сойти!

---

[12] Примечания: 12
Перед лицом Господа Бога — силы моей… (*евр.*)

Второй еврей *(раскачивается с ожесточением).* Будет рупь десять, будет рупь десять…

Арье-Лейб. С ума сойти! Лифней адонай ки во, ки во…

Все молятся. В наступившей тишине слышны отрывистые приглушенные слова, которыми обмениваются Беня Крик и Сенька Топун.

Беня *(склонился над молитвенником).* Ну?

Сенька *(за спиной Бени)*. Есть дело.

Беня. Какое дело?

Сенька. Оптовое дело.

Беня. Что можно взять?

Сенька. Сукно.

Беня. Много сукна?

Сенька. Много.

Беня. Какой городовой?

Сенька. Городового не будет.

Беня. Ночной сторож?

Сенька. Ночной сторож в доле.

Беня. Соседи?

Сенька. Соседи согласны спать.

Беня. Что ты хочешь с этого дела?

Сенька. Половину.

Беня. Мы не сделали дела.

Сенька. Докладываешь батькино наследство?

Беня. Докладываю батькино наследство.

Сенька. Что ты даешь?

Беня. Мы не сделали дела.

Грянул выстрел. Кантор Цвибак застрелил пробежавшую мимо амвона крысу. Молящиеся воззрились на кантора. Мальчик, стиснутый скучными коленями отца, бьется, пытается вырваться. Арье-Лейб застыл с раскрытым ртом. Талмудисты подняли равнодушные большие лица.

Толстяк с пушистыми щеками. Цвибак, это босяцкая выходка!

Кантор. Я договаривался молиться в синагоге, а не в кладовке с крысами. *(Он оттягивает дуло револьвера, выбрасывает гильзу.)*

Арье-Лейб. Ай, босяк, ай, хам!

Кантор *(указывает револьвером на убитую крысу).* Смотрите на эту крысу, евреи, позовите людей. Пусть люди скажут, что это не корова…

Арье-Лейб. Босяк, босяк, босяк!..

Кантор *(хладнокровно).* Конец этим крысам. *(Он заворачивается в талес и подносит к уху камертон.)*

Мальчик разжал наконец плен отцовских коленей, ринулся к гильзе, схватил ее и убежал.

1-й еврей. Гоняешься целый день за копейкой, приходишь в синагогу получить удовольствие и — на тебе!

Арье-Лейб *(визжит).* Евреи, это шарлатанство! Евреи, вы не знаете, что здесь происходит! Молочники дают этому босяку на десять рублей больше… Иди к молочникам, босяк, целуй молочников туда, куда ты их должен целовать!

Сенька *(хлопает кулаком по молитвеннику).* Пусть будет тихо! Нашли себе толчок!

Кантор *(торжественно).* Мизмойр лдовид![13]

Все молятся.

Беня. Ну?
Сенька. Есть люди.
Беня. Какие люди?
Сенька. Грузины.
Беня. Имеют оружие?
Сенька. Имеют оружие.
Беня. Откуда они взялись?
Сенька. Живут рядом с вашим покупателем.
Беня. С каким покупателем?
Сенька. Который ваше дело покупает.
Беня. Какое дело?

---

[13] Примечания: 13
Песнь Давида! (*евр.*)

Сенька. Ваше дело — площадки, дом, весь извоз.

Беня *(оборачивается).* Сказился?

Сенька. Сам говорил.

Беня. Кто говорил?

Сенька. Мендель говорил, отец… Едет с Маруськой в Бессарабию сады покупать.

Гул молитвы. Евреи завывают очень замысловато.

Беня. Сказился.

Сенька. Все люди знают.

Беня. Божись!

Сенька. Пусть мне счастья не видеть!

Беня. Матерью божись!

Сенька. Пусть я мать живую не застану!

Беня. Еще божись, стерва!

Сенька *(пренебрежительно).* Дурак ты!

Кантор. Борух ато адонай…[14]

---

[14] Примечания: 14
Благословен ты, Господь Бог… (*евр.*)

Шестая сцена

Двор Криков. Закат. Семь часов вечера. У конюшни, на телеге с торчащим дышлом, сидит **Беня** и чистит револьвер. **Левка** прислонился к двери конюшни. **Арье-Лейб** объясняет сокровенный смысл «Песни Песней» тому самому **мальчику**, который в пятницу вечером удрал из синагоги. **Никифор** без толку мечется по двору. Он, видимо, чем-то обеспокоен.

Беня. Время идет. Дай времени дорогу!

Левка. Зарезать ко всем свиньям!

Беня. Время идет. Посторонись, Левка! Дай времени дорогу!

Арье-Лейб. «Песня Песней» учит нас — ночью на ложе моем искала я того, кого люблю… Что же говорит нам Рашэ?

Никифор *(указывает Арье-Лейбу на братьев).* Вон выставились коло конюшни, как дубы.

Арье-Лейб. Вот что говорит нам Рашэ: ночью — это значит днем и ночью. Искала я на ложе моем… Кто искал? — спрашивает Рашэ. Израиль искал, народ Израиля. Того, кого люблю… Кого же любит Израиль? — спрашивает Рашэ. Израиль

любит Тору, Тору любит Израиль.

Никифор. Я спрашиваю, зачем без дела коло конюшни стоять?

Беня. Кричи больше.

Никифор *(мечется по двору).* Я свое знаю… У меня хомуты пропадают. Кого хочу, того подозревать буду.

Арье-Лейб. Старый человек учит ребенка закону, а ты мешаешь ему, Никифор…

Никифор. Зачем они коло конюшни выставились, как дубы паршивые?

Беня *(разбирает револьвер, чистит).* Замечаю я, Никифор, что ты очень растревожился.

Никифор *(кричит, но в голосе его нет силы).* Я хомутам вашим не присягал! У меня, если хотите знать, брат на деревне живет, еще при силах! Меня, если хотите знать, брат с дорогой душой возьмет…

Беня. Кричи, кричи перед смертью.

Никифор *(Арье-Лейбу).* Старик, скажи, зачем они так делают?

Арье-Лейб *(поднимает на кучера выцветшие глаза).* Один человек учит закон, а другой кричит, как корова. Разве так оно должно быть на свете?

Никифор. Ты смотришь, старик, а чего ты видишь? *(Уходит.)*

Беня. Растревожился наш Никифор.

Арье-Лейб. Ночью искала я на ложе моем. Кого искала? — учит нас Рашэ.

Мальчик. Рашэ учит нас — искала Тору.

Слышны громкие голоса.

Беня. Время идет. Посторонись, Левка, дай времени дорогу!

Входят **Мендель**, **Бобринец**, **Никифор**, **Пятирубель** под хмельком.

Бобринец *(оглушительным голосом).* Если не ты, Мендель, отвезешь в гавань мою пшеницу, так кто же отвезет? Если не к тебе, Мендель, я пойду, так к кому же мне идти?

Мендель. Есть на свете люди, кроме Менделя. Есть на свете извоз, кроме моего извоза.

Бобринец. Нет в Одессе извоза, кроме твоего… Или ты пошлешь меня к Буцису с его клячами на трех ногах, к Журавленке с его побитыми лоханками?..

Мендель *(не глядя на сыновей).* Люди крутятся около моей конюшни.

Никифор. Выставились, как дубы паршивые.

Бобринец. Запряжешь мне завтра десять пар, Мендель, отвезешь пшеницу, получишь деньги,

пропустишь шкалик, споешь песню… Ай, Мендель!

Пятирубель. Ай, Мендель!

Мендель. Зачем люди крутятся около моей конюшни?

Никифор. Хозяин, за ради бога!..

Мендель. Ну?

Никифор. Тикай со двора, хозяин, бо сыны твои…

Мендель. Что сыны мои?

Никифор. Сыны твои хочут лупцовать тебя.

Беня *(прыгнул с телеги на землю. Нагнув голову, он говорит раздельно).* Пришлось мне слышать от чужих людей, мне и брату моему Левке, что вы продаете, папаша, дело, в котором есть золотник и нашего пота…

Соседи, работавшие во дворе, придвигаются поближе к Крикам.

Мендель *(смотрит в землю).* Люди, хозяева…

Беня. Правильно ли мы слышали, я и брат мой Левка?

Мендель. Люди и хозяева, вот смотрите на мою кровь *(он поднимает голову, и голос его крепнет),* на мою кровь, которая заносит на меня руку…

Беня. Правильно ли мы слышали, я и брат мой

Левка?

Мендель. Ой, не возьмете!.. *(Он кидается на Левку, валит его с ног, бьет по лицу.)*

Левка. Ой, возьмем!..

Небо залито кровью заката. Старик и Левка катаются по земле, раздирают друг другу лица, откатываются за сарай.

Никифор *(прислонился к стене).* Ох, грех…

Бобринец. Левка, отца?!

Беня *(отчаянным голосом).* Никишка, счастьем тебе клянусь, он коней, дом, жизнь — все девке под ноги бросил!

Никифор. Ох, грех…

Пятирубель. Убью, кто разнимет! Чур, не разнимать!

Хрипение и стоны доносятся из-за сарая.

Не уродился еще человек на земле против Менделя.

Арье-Лейб. Иди со двора, Иван.

Пятирубель. Я ста рублями отвечу…

Арье-Лейб. Иди со двора, Иван.

Старик и Левка вываливаются из-за сарая. Они вскакивают на ноги, но Мендель снова сшибает сына.

Бобринец. Левка, отца?!

Мендель. Не возьмешь! *(Он топчет сына.)*

Пятирубель. Ста рублями любому отвечу…

Мендель побеждает. У Левки выбиты зубы, вырваны клочья волос.

Мендель. Не возьмешь!

Беня. Ой, возьмем! *(Он с силой опускает рукоятку револьвера на голову отца.)*

Старик рухнул. Молчание. Все ниже опускаются пылающие леса заката.

Никифор. Теперь убили.

Пятирубель (*склонился над неподвижным Менделем*). Миш?..

Левка *(приподнимается, хватаясь за землю кулаками. Он плачет и топает ногой)*. Он под низ живота меня бил, сука!

Пятирубель. Миш?..

Беня *(оборачивается к толпе зевак)*. Что вы здесь забыли?

Пятирубель. А я говорю — еще не вечер. Еще тыща верст до вечера.

Арье-Лейб *(на коленях перед поверженным стариком).* Ай, русский человек, зачем шуметь, что еще не вечер, когда ты видишь, что перед

нами уже нет человека?

Левка *(кривые ручьи слез и крови текут по его лицу).* Он под низ живота меня бил, сука!

Пятирубель *(отходит, пошатываясь).* Двое — на одного.

Арье-Лейб. Иди со двора, Иван.

Пятирубель. Двое — на одного… Стыд, стыд на всю Молдаву! *(Уходит, спотыкаясь.)*

Арье-Лейб вытирает мокрым платком раздробленную голову Менделя. В глубине двора неверными кругами движется **Нехама** — одичавшая, грязно-серая. Она становится на колени рядом с Арье-Лейбом.

Нехама. Не молчи, Мендель.

Бобринец *(густым голосом).* Довольно строить штуки, старый шутник!

Нехама. Кричи что-нибудь, Мендель!

Бобринец. Вставай, старый ломовик, прополощи глотку, пропусти шкалик…

На земле, расставив босые ноги, сидит Левка. Он не торопясь выплевывает изо рта длинные ленты крови.

Беня *(загнал зевак в тупик, прижал к стене обезумевшего от страха парня лет двадцати*

и взял его за грудь). Ну-ка, назад!

Молчание. Вечер. Синяя тьма, но над тьмою небо еще багрово, раскалено, изрыто огненными ямами.

Седьмая сцена

Каретник Криков — сваленные в кучу хомуты, распряженные дрожки, сбруя. Видна часть двора. В дверях за небольшим столом пишет **Беня**. На него наскакивает лысый нескладный мужик **Семен**, тут же шныряет **мадам Попятник**. Во дворе на телеге с торчащим дышлом сидит, свесив ноги, **Майор**. К стенке приставлена новая вывеска. На ней золотыми буквами: «Извозопромышленное заведение Мендель Крик и сыновья». Вывеска украшена гирляндами подков и скрещенными кнутами.

Семен. Я ничего не знаю… Мне штоб деньги были…

Беня *(продолжает писать).* Грубо говоришь, Семен.

Семен. Мне штоб деньги были… Я глотку вырву!

Беня. Добрый человек, я на тебя плевать хочу!

Семен. Ты куда старика дел?

Беня. Старик больной.

Семен. Вон тута на стенке он писал, сколько за овес следует, сколько за сено — все чисто. И пла-

тил. Двадцать годов ему возил, худого не видел.

Беня *(встает).* Ты ему возил, а мне не будешь, он на стенке писал, а я не буду писать, он платил тебе, а я, может, и не заплачу, потому что…

Мадам Попятник *(с величайшим неодобрением разглядывает мужика).* Человек, когда он дурак, — это очень паскудно.

Беня. …потому что ты можешь у меня помереть, не поужинав, добрый человек.

Семен (*струсил, но еще петушится*). Мне штоб деньги были!

Мадам Попятник. Я не философка, мосье Крик, но я вижу, что на свете живут люди, которые совсем не должны жить на свете.

Беня. Никифор!

Входит **Никифор**, он смотрит исподлобья, говорит нехотя.

Никифор. Я Никифор.

Беня. Рассчитаешь Семена и возьмешь у Грошева.

Никифор. Там поденные пришли, спрашивают, кто с ними уговариваться будет.

Беня. Я буду уговариваться.

Никифор. Стряпка там шурует. У ней самовар хозяин в заклад брал. У кого, спрашивает, само-

вар выкупать?

Беня. У меня выкупать… Семена рассчитаешь вчистую. Возьмешь у Грошева сена пятьсот пудов…

Семен *(остолбенел).* Пятьсот?! Двадцать годов возил…

Мадам Попятник. За свои деньги можно достать и сено, и овес, и вещи получше сена.

Беня. Овса — двести.

Семен. Я возить не отказываюсь.

Беня. Потеряй мой адрес, Семен.

Семен мнет шапку, вертит шеей, уходит, оборачивается, опять уходит.

Мадам Попятник. Один паскудный мужик и так разволновал вас… Боже мой, если бы люди захотели вспомнить, кто им остался должен! Еще сегодня я говорю моему Майору: муж, миленький муж, Мендель Крик заслужил у нас эти несчастные два рубля…

Майор *(мелодическим глухим голосом).* Рубль девяносто пять.

Беня. Какие два рубля?

Мадам Попятник. Не о чем говорить, ей-богу, не о чем говорить!.. В прошлый четверг у мосье Крика было дивное настроение, он заказал воен-

ное… Сколько раз военное, Майор?

Майор. Военное — девять раз.

Мадам Попятник. И потом танцы…

Майор. Двадцать один танец.

Мадам Попятник. Вышло рубль девяносто пять. Боже мой, заплатить музыканту — это было у мосье Крика на первом плане…

Шлепая сапогами, входит **Никифор**. Он смотрит в сторону.

Никифор. Потаповна пришла.

Беня. Зачем мне знать, что кто-то пришел?

Никифор. Грозится.

Беня. Зачем мне знать…

Припадая на ногу, ворочая чудовищным бедром, вламывается **Потаповна**. Старуха пьяна. Она валится на землю и устремляет на Беню мутные немигающие глаза.

Потаповна. Цари наши…

Беня. Что скажете, мадам Холоденко?

Потаповна. Цари наши…

Никифор. Пошла дурить!

Потаповна *(подмигивает).* Д-ж-ж, жидовские шарики жужжат… Прыгают в голове шарики — д-ж-ж-ж.

Беня. В чем суть, мадам Холоденко?

Потаповна *(бьет по земле кулаком).* Правильно, правильно! Нехай умный панует, а свинья в монопольку…

Мадам Попятник. Интеллигентная дама!

Потаповна *(разбрасывает по земле медяки).* Вот сорок копеек заработала… Встала, света не было, мужиков на Балтской дороге поджидала… *(Задирает голову к небу.)* Теперь сколько часов будет? Три будет?

Беня. В чем суть, мадам Холоденко?

Потаповна. Д-ж-ж-ж, пустил шарики…

Беня. Никифор!

Никифор. Ну?

Потаповна *(подманивает Никифора толстым слабым пьяным пальцем).* А девочка-то наша занеслась, Никиша!

Мадам Попятник *(присела и зажглась).* Интрига, ай, какая интрига!

Беня. Что вы потеряли здесь, мадам Попятник, и что вы хотите здесь найти?

Мадам Попятник *(приседает, глазки ее ворочаются, стреляют, сыплют искры).* Я иду… я иду… Дай бог свидеться в счастье, в удовольствии, в добрый час, в счастливую минуту!.. *(Она дергает мужа за руки, пятится, вертится, глаза*

стали у нее косые и светят вбок черным огнем.)

Майор тащится за женой и шевелит пальцами. Наконец они исчезают.

Потаповна *(размазывает слезы по мятому дряблому лицу).* Ночью я к ней подобралась, грудь тронула, я ей каждую ночь грудь трогаю, а у ней уже налилось, в руке не помещается.

Беня *(лоск с него слетел. Он говорит быстро, оглядывается).* Какой месяц?

Потаповна *(не мигая смотрит она на Беню с земли).* Четвертый.

Беня. Врешь!

Потаповна. Ну, третий.

Беня. Чего тебе от нас надо?

Потаповна. Д-ж-ж, пустил шарики…

Беня. Чего тебе надо?

Потаповна *(подвязывает платок).* Вычистка сто рублей стоит.

Беня. Двадцать пять!

Потаповна. Портовых наведу.

Беня. Портовых наведешь?.. Никифор!

Никифор. Я Никифор.

Беня. Взойди к папаше и спроси его, приказывает он давать двадцать пять…

Потаповна. Сто!

Беня. …двадцать пять рублей на вычистку или не приказывает?

Никифор. Не взойду я.

Беня. Не взойдешь?! *(Он бросается к ситцевой занавеске, разделяющей каретник на две половины.)*

Никифор *(хватает Беню за руки).* Парень, я бога не боюсь… Я бога видел и не испугался… Я убью и не испугаюсь…

Занавеска трепещет и раздвигается. Выходит **Мендель**. За спину у него закинуты сапоги. Лицо его сине и одутловато, как лицо мертвеца.

Мендель. Отоприте.

Потаповна. Ай, страшно!

Никифор. Хозяин!

К каретнику приближаются **Арье-Лейб** и **Левка**.

Мендель. Отоприте.

Потаповна *(лезет по полу).* Ай, страшно!

Беня. Взойдите в помещение к вашей супруге, папаша.

Мендель. Ты отопрешь мне ворота, Никифор, сердце мое…

Никифор *(падает на колени).* Великодушно

прошу вас, хозяин, не страмитесь передо мной, простым человеком!

Мендель. Почему ты не хочешь отпереть ворота, Никифор? Почему ты не хочешь выпустить меня из двора, в котором я отбыл мою жизнь? *(Голос старика усиливается, свет разгорается на дне его глаз.)* Он видел меня, этот двор, отцом моих детей, мужем моей жены, хозяином над моими конями. Он видел силу мою, и двадцать моих жеребцов, и двенадцать площадок, окованных железом. Он видел ноги мои, большие, как столбы, и руки мои, злые руки мои… А теперь отоприте мне, дорогие сыны, пусть будет сегодня так, как я хочу. Пусть я уйду из этого двора, который видел слишком много…

Беня. Взойдите в помещение к вашей супруге, папаша! *(Он приближается к отцу.)*

Мендель. Не бей меня, Бенчик.

Левка. Не бей его.

Беня. Низкие люди!.. *(Пауза.)* Как могли вы… *(Пауза.)* Как могли вы сказать то, что вы только что сказали?

Арье-Лейб. Отчего вы не видите, люди, что вам надо уйти отсюда?

Беня. Звери, о, звери!.. *(Он быстро уходит. Левка за ним.)*

Арье-Лейб *(ведет Менделя к лежанке).* Мы отдохнем, Мендель, мы заснем…

Потаповна *(поднялась с земли и заплакала).* Убили сокола!..

Арье-Лейб *(укладывает Менделя на лежанке за занавеской).* Мы заснем, Мендель…

Потаповна *(валится на землю рядом с лежанкой, она целует свисающую безжизненную руку старика).* Сыночек мой, любочка моя!

Арье-Лейб *(перекрывает лицо Менделя платком, садится и начинает тихо, издалека).* В старые старинные времена жил человек Давид. Он был пастух и потом был царь, царь над Израилем, над войском Израиля и над мудрецами его…

Потаповна *(всхлипывает).* Сыночек мой!

Арье-Лейб. Богатство испытал Давид и славу, но не узнал сытости. Сила жаждет, и только печаль утоляет сердце. Состарившись, увидел Давид-царь на крышах Иерусалима, под небом Иерусалима Вирсавию, жену Урии-военачальника. Грудь Вирсавии была красива, ноги ее были красивы, веселье ее было велико. И был послан Урия-военачальник в битву, и царь соединился с Вирсавией, женой мужа, еще не умерщвленного. Грудь ее была красива, веселье ее было велико…

Восьмая сцена

Столовая в доме Криков. Вечер. Комната ярко освещена доморощенной висячей лампой, свечами, вставленными в канделябры, и старинными голубыми лампами, ввинченными в стену. У стола, убранного цветами, заставленного закусками и вином, суетится **мадам Попятник**, облачившаяся в шелковое платье. В глубине столовой безмолвно сидит **Майор**.

На нем вздулась бумажная манишка, флейта покоится на его коленях, он шевелит пальцами и двигает головой. Много гостей. Одни расхаживают по анфиладе раскрытых комнат, другие сидят у стены. В столовую входит беременная **Клаша Зубарева**. На ней платок, расписанный гигантскими цветами. За Клашей вваливается пьяный **Левка**, наряженный в парадную гусарскую форму.

Левка *(орет кавалерийские сигналы).*

Всадники, други, вперед!
Рысью вперед!
По временам коням

Освежайте рот.

Клаша *(хохочет).* Ой, живот! Ой, выкину!..

Левка. Левый шенкель приложи и направо поверни!

Клаша. Ой, уморил!..

Проходят. Навстречу им **Боярский** в сюртуке и **Двойра**.

Боярский. Мамзель Крик, на черное я не скажу, что оно белое, и на белое не позволю себе сказать, что оно черное. С тремя тысячами мы ставим конфексион на Дерибасовской и венчаемся в добрый час.

Двойра. Но почему сразу все три тысячи?

Боярский. Потому что мы имеем сегодня июль на дворе, а июль — это же не сентябрь. Демисезонный товар работает у меня июль, а сентябрь работает у меня саки… Что вы имеете после сентября? Ничего. Сентяб, октяб, нояб, декаб… На ночь я не скажу, что это день, и на день не позволю себе сказать, что это ночь…

Проходят. Появляются **Беня** и **Бобринец**.

Беня. У вас готово, мадам Попятник?

Мадам Попятник. Николаю Второму не стыдно сесть за такой стол!

Бобринец. Выразі мне твою мысль, Беня.

Беня. Моя мысль такая: еврей не первой молодости, еврей, отходивший всю свою жизнь голый и босой и замазанный, как ссыльнопоселенец с острова Сахалина… И теперь, когда он, благодаря бога, вошел в свои пожилые годы, надо сделать конец этой бессрочной каторге, надо сделать, чтобы суббота была субботой…

Проходят **Боярский** и **Двойра**.

Боярский. Сентяб, октяб, нояб, декаб…

Двойра. И потом, я хочу, чтобы вы меня немножко любили, Боярский.

Боярский. А что с вами делать, если не любить вас? На котлеты вас рубить? Смешно, ей-богу!..

Проходят. У стены, под голубой лампой, сидит степенный **прасол** и **парень в тройке**, с толстыми ногами. Парень осторожно грызет подсолнухи и прячет шелуху в карман.

Парень с толстыми ногами. Р-раз ему в морду, два ему в морду, старик с катушек слетел.

Прасол. Татары — и те стариков почитают. Жизнь пройти — не поле перейти.

Парень с толстыми ногами. Кабы человек ловчился жить, а то… *(сплевывает шелуху)*, а то

живет, как поживется. За что почитать-то?

Прасол. Что с дураком толковать…

Парень с толстыми ногами. Бенчик сена одного тыщу пудов купил.

Прасол. Старик по сто покупал — хватало.

Парень с толстыми ногами. Старика они все равно зарежут.

Прасол. Это жиды-то? Это отца-то?

Парень с толстыми ногами. Зарежут до смерти.

Прасол. Толкуй с дураком…

Проходят **Беня** и **Бобринец**.

Бобринец. Что же ты хочешь, Беня?

Беня. Я хочу, чтобы суббота была субботой. Я хочу, чтобы мы были люди не хуже других людей. Я хочу ходить вниз ногами и вверх головой… Ты понял меня, Бобринец?

Бобринец. Я понял тебя, Бенчик.

У стены рядом с **Пятирубелем** сидят надувшиеся от величия богачи **муж** и **жена Вайнер**.

Пятирубель *(тщетно ищет у них сочувствия).* Городовикам ремни обрывал, на главной почте швейцара бил. По четверти выпивал, не закусывая, всю Одессу в руках держал… Вот какой

старик был!

Вайнер долго ворочает тяжелым слюнявым языком, но разобрать, что он говорит, невозможно.

(Робко.) Они гундосые?
Мадам Вайнер *(злобно).* Ну да!

Проходят **Двойра** и **Боярский**.

Боярский. Сентяб, октяб, нояб, декаб.
Двойра. И потом, я хочу ребенка, Боярский.
Боярский. Вот видите, ребенок при конфексионе — это красиво, это имеет вид. А ребенок без дела — какой это может иметь вид?

В величайшем возбуждении влетает **мадам Попятник**.

Мадам Попятник. Бен Зхарья приехал! Раввин… Бен Зхарья…

Комната наполняется гостями. Среди них **Двойра**, **Левка**, **Беня**, **Клаша Зубарева**, **Сенька Топун**; напомаженные кучера, переваливающиеся лавочники, пересмеивающиеся бабы.

Парень с толстыми ногами. На деньги и раввин прибежал. Тут как тут.

Арье-Лейб и **Бобринец** вкатывают большое кресло. Оно прячет в развороченных своих недрах крохотное тельце Бен Зхарьи.

Бен Зхарья *(визгливо).* Еще только рассвет чихает, еще бог на небе красной водой умывается…

Бобринец *(хохочет, предвкушая замысловатый ответ).* Почему красной, рабби?

Бен Зхарья. …еще я на спине лежу, как таракан…

Бобринец. Почему на спине, рабби?

Бен Зхарья. По утрам бог переворачивает меня на спину, чтобы я не мог молиться. Богу надоели мои молитвы…

Бобринец шумно хохочет.

Еще курицы не вставали, а меня будит Арье-Лейб: бегите к Крикам, рабби, у них ужин, у них обед. Крики дадут вам пить, они дадут вам есть…

Беня. Они дадут вам пить, они дадут вам есть, все, что вы захотите, рабби.

Бен Зхарья. Все, что я захочу?.. И лошадей своих отдашь?

Беня. И лошадей моих отдам.

Бен Зхарья. Сбегайте тогда, евреи, в погребальное братство, запрягите его лошадей в их колесницу и отвезите меня… куда?

Бобринец. Куда, рабби?

Бен Зхарья. На второе еврейское кладбище, дуралей!

Бобринец *(шумно хохочет, срывает с раввина ермолку и целует его облезлую, розовую макушку).* Ай, хулиган!.. Ай, умница!..

Арье-Лейб *(представляет Беню).* Это он и есть, рабби, сын Менделя — Бенцион.

Бен Зхарья *(жует губами).* Бенцион… сын Сиона… *(Молчит.)* Соловья не кормят баснями, сын Сиона, а женщин мудростью…

Левка *(оглушительным голосом).* Кидайтесь на стулья, урканы, жмите скамейки!

Клаша *(качает головой, улыбается).* Ох, здоровый!

Беня *(мечет на брата негодующий взгляд).* Дорогие, присаживайтесь! Мосье Бобринец сядет рядом с рабби.

Бен Зхарья *(ерзает в кресле).* Зачем я сяду с этим евреем, длинным, как наше изгнанье? Пусть государственный банк *(тычет пальцем в Клашу)* сядет рядом со мной…

Бобринец *(предвкушая новую остроту).* Почему государственный банк?

Бен Зхарья. Она лучше банка. В нее хорошо положишь — она такой процент даст, что пшенице

завидно. Плохое в нее положишь — она всеми кишками заскрипит, чтобы выменять поломанную твою копейку на новый золотой… Она лучше банка, она лучше банка…

Бобринец *(поднял кверху палец).* Надо понимать, что он говорит.

Бен Зхарья. А где же звезда наша во Израиле, где хозяин дома сего, где рабби Мендель Крик?

Левка. Он сегодня больной.

Беня. Рабби, он здоров… Никифор!

В дверях показывается **Никифор** в затрапезном своем армяке.

Пусть взойдет папаша со своей супругой.

Молчание.

Никифор *(отчаянным голосом).* Уважающие гости!..

Беня *(очень медленно).* Пусть взойдет папаша.

Арье-Лейб. Бенчик, у нас, евреев, отца не срамят перед людьми.

Левка. Рабби, человек так не мучает кабанчика, как он мучает папашу.

Вайнер возмущенно лопочет, брызгается слюной.

Беня *(склоняется к мадам Вайнер).* Что он говорит?

Мадам Вайнер. Он говорит — стыд и срам!

Арье-Лейб. Евреи так не делают, Беня!

Клаша. Расти сынов…

Беня. Арье-Лейб, старый человек, старый сват, служитель в синагоге биндюжников и кладбищенский кантор, не расскажешь ли ты мне, как делаются дела у людей?.. *(Он стучит кулаком по столу и говорит с расстановкой, сопровождая каждое слово ударом кулака.)* Пусть взойдут папаша!

Никифор исчез. Склонив голову, расставив ноги, стоит Беня посреди комнаты. Медленная кровь заливает его шею. Молчание. И только бессмысленное бормотанье Бен Зхарьи нарушает томительную тишину.

Бен Зхарья. Бог умывается на небе красной водой. *(Молчит, ерзает в кресле.)* Почему красной, почему не белой? Потому что красная веселее белой…

Половинки боковой двери скрипят, стонут и расходятся. Все лица обращаются в эту сторону. Показывается **Мендель** с иссеченным запудренным лицом. Он в новом костюме. С ним **Нехама**

в наколке, в тяжелом бархатном платье.

Беня. Друзья, сидящие в моем доме! Этот бокальчик позвольте мне поднять за моего отца, за труженика Менделя Крика, и его супругу, Нехаму Борисовну, которые тридцать пять лет идут по совместной дороге жизни. Дорогие! Мы знаем, слишком хорошо мы знаем, что никто не выложил цементом эту дорогу, никто не поставил скамеек на длинном этом пути, и оттого, что великие кучи людей пробежали по этой дороге, она не стала легче, она стала тяжелее. Друзья, сидящие в моем доме! Я жду от вас, что вы не разбавите водой вино в ваших стаканах и вино в ваших сердцах.

Вайнер восторженно лопочет.

Что он говорит?

Мадам Вайнер. Он говорит — ура!

Беня *(ни на кого не глядя).* Учи меня, Арье-Лейб!.. *(Подносит отцу и матери вино.)* Наши гости почитают вас, папаша. Скажите слово.

Мендель *(озирается и говорит очень тихо).* Желаю доброго здоровья…

Беня. Папаша хочет сказать, что он жертвует сто рублей в чью-нибудь пользу.

Прасол. Толкуют мне про жидов…

Беня. Пятьсот рублей жертвует папаша. В чью пользу, рабби?

Бен Зхарья. В чью пользу? Молоко в девушке не должно киснуть, евреи… В пользу невест-бесприданниц надо пожертвовать!

Бобринец *(заливается хохотом).* Ай, хулиган!.. Ай, умница!..

Мадам Попятник. Я даю туш.

Беня. Давайте!

Заунывный туш оглашает комнату. Вереница гостей с бокалами тянется к Менделю и Нехаме.

Клаша Зубарева. Ваше здоровье, дедушка!

Сенька Топун. Вагон удовольствия, папаша, сто тысяч на мелкие расходы!

Беня *(ни на кого не глядя).* Учи меня, Арье-Лейб!

Бобринец. Мендель, дай бог мне иметь такого сына, как твой сын!

Левка *(через весь стол).* Папаша, не серчайте! Папаша, вы свое отгуляли…

Прасол. Толкуют мне про жидов! Я жидов получше вашего знаю…

Пятирубель *(лезет к Бене и порывается целовать его).* Ты нас купишь, черт, и продашь, и в узел завяжешь!

Громкое рыдание раздается за спиной Бени. Слезы текут по лицу Арье-Лейба и опутывают его бороду. Он трясется и целует плечо Бени.

Арье-Лейб. Пятьдесят лет, Бенчик! Пятьдесят лет вместе с твоим отцом… *(Кричит истерически.)* У тебя был хороший отец, Беня!

Вайнер *(обрел дар речи).* Выведите его!

Мадам Вайнер. Боже, какие штуки!

Боярский. Арье-Лейб, вы ошиблись. Теперь надо смеяться.

Вайнер. Выведите его!

Арье-Лейб *(всхлипывает).* У тебя был хороший отец, Беня…

Мендель бледнеет под своей пудрой. Он протягивает Арье-Лейбу новый платок. Тот вытирает слезы. Плачет и смеется.

Бобринец. Болван, вы не у себя на кладбище!

Пятирубель. Свет наскрозь пройдете, такого Бенчика не сыщете. Я об заклад буду биться…

Беня. Дорогие, присаживайтесь!

Левка. Жмите скамейки.

Гром сдвигаемых стульев. Менделя усаживают рядом с рабби и Клашей Зубаревой.

Бен Зхарья. Евреи!

Бобринец. Тихо чтоб было!

Бен Зхарья. Старый дуралей Бен Зхарья хочет сказать слово…

Левка фыркает, падает грудью на стол, но Беня встряхивает его, и он замолкает.

День есть день, евреи, и вечер есть вечер. День затопляет нас потом трудов наших, но вечер держит наготове веера своей божественной прохлады. Иисус Навин, остановивший солнце, был злой безумец. И вот Мендель Крик, прихожанин нашей синагоги, оказался не умнее Иисуса Навина. Всю жизнь хотел он жариться на солнцепеке, всю жизнь хотел он стоять на том месте, где его застал полдень. Но бог имеет городовых на каждой улице, и Мендель Крик имел сынов в своем доме. Городовые приходят и делают порядок. День есть день, и вечер есть вечер. Все в порядке, евреи. Выпьем рюмку водки!

Левка. Выпьем рюмку водки!..

Дребезжанье флейты, звон бокалов, бессвязные крики, громовой хохот.

Блуждающие звезды

В конце лета 1925 г. 1-я Госкино-фабрика заказала мне, по предложению Еврейского Камерного театра, сценарий на тему романа Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды». Постановка должна была быть осуществлена во время заграничной поездки театра.

Я согласился на сделанное мне предложение и испытал в связи с этим множество трудностей. Единственно чувство ответственности перед дирекцией Госкино-фабрики помогло мне преодолеть неприятные ощущения, непрестанно возникавшие во время работы над чужим и неблагодарным материалом. Роман Шолом-Алейхема оказался произведением, насквозь пропитанным мещанскими мотивами и не таящим в себе к тому же никаких намеков на кинематографическое зрелище. Потребовалось два месяца для того, чтобы забыть прочитанный оригинал. В течение следующих трех месяцев мне пришлось много раз менять заданную схему и разработку ее; заграничная «натура», ставившаяся прежде как обязательное условие, стала потом

обузой, от которой нельзя было освободиться; режиссеры менялись, и, следовательно, менялись требования, предъявляемые к сценарию. Требования эти я считал для себя в известной мере обязательными, потому что работа предпринималась и подгонялась для определенных режиссеров и актеров.

Замечания эти я предпосылаю сценарию для того, чтобы отвести от себя упреки в части, касающейся выбора темы и разработки некоторых предложенных мне положений.

И. Бабель

Первая часть

1. Угол двухспальной кровати. Ночь. Широкая спина местечкового богача Ратковича. Старик спит. Голая чья-то рука трепеща лезет под подушки. Раткович ворочается, во сне придавливает руку вора, старик снова движется, рука высвобождается, выхватывает связку ключей из-под подушки, исчезает.

2. Хорошо убранная (по-местечковому) комната в доме Ратковича. Летняя ночь. Лунный луч лежит на начищенном полу. Медленно раскрывается дверь. В комнату на цыпочках входит Левушка Раткович, 18-летний сын богача. Пламя свечи колеблется. Юноша ставит свечку на стол, подходит к несгораемому шкафу.

3. Семейное традиционное трюмо у одной из стен. В зеркале отражается дрожащий лунный луч и пламень свечи.

4. Левушка вскрывает несгораемый шкаф. Он вынимает оттуда шелковый талес отца и кисет. Из кисета падает на пол пачка кредиток. Стук. Юноша отбрасывает талес, в испуге он опускается на пол и всем телом прикрывает деньги.

5. В лунном луче на полу шелковый с черной

каймой талес отца Ратковича.

6. Юноша все еще на полу. В зеркале отражается искаженное, полное страха лицо. За спиной его качнулось белое видение. Оно раскачивается все сильнее, приближается к преступнику, хочет схватить его. Левушка растягивается на полу во всю длину тела.

7. Кот, спавший в глубоком кресле, просыпается, потягивается, прыгает на висячую лампу, закутанную в белую простыню. Лампа раскачивается. Это и есть привидение, испугавшее Левушку.

8. Отражение движущейся лампы в зеркале.

9. Кот прыгает с лампы на спину простертого на полу юноши. Лева вздрагивает, поднимает голову, опоминается. Он прячет деньги и опрометью бросается вон из комнаты.

10. Свеча догорела до конца. Она тухнет. Кот сворачивается в клубок, засыпает.

11. Спальня отца Ратковича. Он спит со старухой-женой в перинах на непомерной двухспальной кровати. Оба супруга в косынках. Через их комнату пробирается Лева. Он по-прежнему бос, сапоги его закинуты за спину. В руках у него скрипка и смычок, завороченные в тряпку. Он осторожно открывает дверь в следующую комна-

ту, в спальню остальных детей Ратковича.

12. И ПОТОМСТВО ТВОЕ, О ИЗРАИЛЬ, БУДЕТ МНОГОЧИСЛЕННЕЕ, ЧЕМ ПЕСОК НА БЕРЕГУ МОРЯ…

13. Спальня детей Ратковича, больше похожая на дортуар в интернате. Множество кроватей самых разнообразных фасонов. Множество детей всех возрастов и цветов. Беглец вьется между кроватями, целует в лоб самую маленькую свою сестру, прыгает в окно.

14. Крыши целой системы небольших сараев занимают пространство от окна, из которого прыгает Раткович, до земли. Сараи лепятся один к другому. Крыши покаты, поросли жирным мохом, система их напоминает ряд индийских пагод. Раткович прыгает из окна на первую крышу.

15. Земля, озаренная лунным светом. Крыши отбрасывают тень. Тень от прыжка Ратковича.

16. Раткович прыгает с крыши на крышу. Тело его перелетает как тело гимнаста, летающего на воздушной трапеции. Наконец — на земле.

17. Пустынная улица в волынском пограничном местечке. Волшебный свет ночи заливает кривые улички, тесно застроенные древними домишками; улички эти похожи на декорацию из детской сказочной пьесы. Увязая в грязи, при-

жимая к груди скрипку, Раткович бежит по улице зигзагами, как бы спасаясь от погони.

18. Два пьяных мужика встречаются ему. Поддерживая друг дружку, мужики стоят, столкнувшись лбами и расставив ноги, как ружья в козлах. Потом они с великим трудом расходятся, щупают ворота неведомого им дома, пьяные их рожи безнадежны.

19. ...БЫЛА ЗДЕСЬ УТРОМ СКОБА И НЕ СТАЛО ЕЕ... ГОСПОДИ ИСУСЕ И ТЫ, ПРЕЧИСТАЯ МАТИ...

20. Пьяницы, отчаявшись найти свой дом, медленно лобызают друг друга, опускаются на колени; с величайшей нежностью, внимательностью, сокрушением обсасывают они один другому всклокоченные бороды. Не в силах прервать поцелуя, мужики падают, обнявшись, в невыразимую местечковую грязь и так засыпают.

21. Вдали в закоулках мелькает легкое тело Ратковича. Он крадется к двухэтажному, изъеденному временем, дому причудливой, волынско-польской архитектуры с подземельями, сараем и хлевом в первом этаже.

22. Пьяницы изредка по инерции целуются и все глубже погружаются в засасывающую их грязь. Волосы их разметались, грязные сапоги торчат, как утонувшие колья, бороды всклокоче-

ны, лица полны задумчивости.

23. Раткович проникает в темный смрадный коридор, расположенный под жилыми помещениями двухэтажного дома. В глубине — в закуте — коровья морда.

24. В темном углу коровника, заставленном бочками, ведрами, баграми, скорчилась женская фигурка, закутанная в балахон.

25. Раткович приближается к закуте, стучит шестом в потолок.

26. Фигурка в углу вздрогнула, прыгнула, опрокинула ведро. Из ведра густой белой струей течет на землю молоко.

27. Раткович стучит шестом в потолок. Женская рука схватывает шест, из закуты выходит Рахиль Монко, 17-летняя дочь местечкового бегельфера[15]. Балахон скрывает ее тело и лицо.

28. Рахиль открывает лицо, она бросается к Ратковичу, губы ее тянутся к его губам, но тотчас же девушка отшатывается. Слезы показываются на ее глазах, она смотрит на юношу с необыкновенной нежностью.

29. РЕШЕНО, МОЙ ДРУГ?..

30. Раткович берет узкую руку Рахили. Руки

---

[15] Примечания: 15

Бегельфер — помощник, сотрудник содержателя хедера (до 40-х годов XIX века).

их дрожат длительной, нервической дрожью, которую нельзя унять.

31. Струя молока медленно вьется по земляному полу сарая.

32. Раткович наклоняется к Рахили. Он говорит:

33. РЕШЕНО… МЫ БЕЖИМ С ОЦМАХОМ ЗА ГРАНИЦУ. ОЦМАХ БУДЕТ ИГРАТЬ ТАМ ТРАГИЧЕСКИЕ РОЛИ, А Я СТАНУ СОЛИСТОМ В ОРКЕСТРЕ… И ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА, В МОСКВЕ, МЫ ПОВЕНЧАЕМСЯ С ТОБОЙ, РАХИЛЬ…

34. Лица Ратковича и Рахили сближаются. Глаза их прикрыты, веки трепещут. Они приближаются друг к другу и снова отшатываются. Мучительная игра юношей и девушек перед первым поцелуем. Раткович неловко прижимает губы к щеке девушки. Раскрывшиеся недвижимые ее глаза смотрят в сторону, слезы текут по счастливому лицу. Левушка придвигает губы все ближе к ее рту. Скрипка падает у него из рук. Рахиль застыла, не шевелится. Юноша целует ее в губы. Рахиль улыбается, дрожит и обнимает вдруг Левушку изо всех сил.

35. Скрипка на земле. Струя молока медленно обтекает ее.

36. Первый поцелуй. Корова высовывает крот-

кую морду из закуты и облизывает большим своим языком влюбленных. Диафрагма.

37. Степь, луна. У обрыва стоит бричка с высоким верхом, задрапированная рваным тряпьем. Бричка эта в точности схожа с кибиткой из цыганского табора. На козлах дремлет балагула. Он яростно почесывается во сне, сучит ногами, скребется спиной о кожаный верх своего «экипажа».

38. Небо. Полнолуние. Чистый свет луны. Медленно проходят лебединые облака.

39. В далекой перспективе, у края горизонта, бегущие Раткович и Рахиль.

40. Балагула чешется яростно, но не просыпается. Одно резкое его движение чуть не опрокидывает бричку. Тогда из тряпья высовывается подвижное бабье лицо.

41. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, МЕЕР?

42. Возница просыпается, поворачивает к пассажирке невозмутимейшее лицо.

43. НИЧЕГО, БЛОХИ…

44. Блещущее лицо луны.

45. Река. Лунные полосы на воде.

46. У обрыва над рекой — Раткович и Рахиль. Руки их вытянуты и дрожат. Раткович прижал к груди скрипку. Влюбленные расходятся в разные стороны, они идут колеблющимися шагами,

идут медленно, потом быстрее, потом бегут не помня себя.

47. Бричка, спящий балагула.

48. Раткович, задыхаясь от быстрого бега, приближается к бричке. Он бросает скрипку в кучу тряпья, валится в изнеможении на телегу. Баба колотит дремлющего возницу в спину.

49. ГОНИТЕ, МЕЕР…

50. Балагула взвивает кнут над равнодушнейшими в мире клячами. Они не трогаются с места. Тогда Меер лезет каждой из них кнутом под хвост. Лошади отбрыкиваются и галопом срываются с места. Телега, прыгая с камня на камень, летит по откосам к блещущей реке.

51. В глубине телеги, прижавшись друг к другу, сидят баба и Раткович. Юноша передает бабе пачку кредиток. Косынка спадает с бабы, обнаруживая лысый череп и выразительную физиономию еврейского комедианта Оцмаха. Оцмах задирает целую коллекцию юбок, одетых на него, доходит до штанов, расстегивает их больше, чем того требуют обстоятельства, и прячет деньги в мешочек, пришитый к кальсонам. Он опускает свои юбки и в полном блаженстве склоняется на плечо Ратковича.

52. Клячи въезжают в реку, они уходят все глуб-

же в воду. Лунный свет лежит на волнах. Меер стоймя стоит на козлах, лошади по брюхо уходят в светящуюся бурлящую воду. Испуганный Оцмах лезет на самый верх брички. Одной рукой он обхватил Меера, другой придерживает то место, где зашиты деньги. Лицо его изображает избыточное количество переживаний. Дно уходит все глубже.

53. Степь. Над обрывом фигура Рахили. В дальней перспективе бричка, выбирающаяся на противоположный берег реки.

Вторая часть

54. ОЦМАХ СТАНОВИТСЯ ТРАГИЧЕСКИМ АКТЕРОМ.

55. Зеркало. Над зеркалом электрическая лампа. Ярко освещенное лицо Оцмаха. Он гримируется. Грим: длинная седая борода, разделенная надвое, как у дворецкого, нависшие брови, румянец во всю щеку, в ушах бутафорские гигантские серьги, на голове пудреный парик, какой носили при дворе французских королей в конце XVIII века.

56. КОРОЛЬ ЛИР, ПРОШЕДШИЙ ПУТЬ ОТ ШЕКСПИРА… К ОЦМАХУ.

57. Оцмах во всем своем величии. Он доволен собой. На нем лаковые офицерские ботфорты со шпорами, белые лосины и бархатная куртка, как у пажей.

58. Убогая актерская уборная. Рядом с Оцмахом Раткович настраивает скрипку. Оцмах обращается к юноше:

59. ПУСТЬ Я НЕ БУДУ ОЦМАХ, ЕСЛИ Я НЕ УТРУ СЕГОДНЯ ПОССАРТУ СОПЛИ…

60. Оцмах схватил звонок, ринулся за кулисы. Он пробегает мимо трех женщин, разукрашенных самым неожиданным образом.

61. ТРИ ДОЧЕРИ КОРОЛЯ ЛИРА.

62. Две дочери — немолодые тучные еврейки, третья — девочка лет шести. На актрисах, так же как и на Оцмахе, лаковые ботфорты со шпорами. Животы их запиханы в атласные жилеты. На одной из женщин что-то вроде каски, из-под каски выбиваются две прицепных косы, на другой — шапочка, утыканная перьями. У третьей дочери короля Лира, у шестилетней девочки, — распущенные волосы, в волосах венок из бумажных цветов. Девочка одета в сарафан. Еврейки закусывают перед поднятием занавеса. Мимо них пробегает Оцмах со звонком.

63. Оцмах вбегает на сцену, занавес опущен.

64. ВО ДВОРЦЕ У КОРОЛЯ ЛИРА.

65. На сцене сбоку стоит кресло короля Лира. Над креслом развешаны японские веера и семейные фотографии неведомых людей, большей частью военных. Прямо против зрителя шкаф с еврейскими надписями, в таких шкафах в синагогах хранятся свитки Торы. Оцмах потрясает звонком, смотрит сквозь дырочку в занавесе на зрительный зал.

66. 8-й ряд партера. Публика, пришедшая из захудалого галицийского городка. Хасиды, старухи в коричневых париках и наколках, молодые

люди с бачками, пышные еврейки в корсетах. Множество детей. Дети грудного возраста составляют треть всех зрителей. Дети визжат, плачут или спят. Один младенец доставляет особенно много хлопот своей матери. Внезапно он успокаивается. Лицо его принимает выражение глубокомыслия и задумчивости. Сосед дамы в бешенстве вскакивает. Он показывает на свой мокрый сюртук и на лужу у кресла. Дама всплескивает руками, уносит ребенка.

67. Через весь театр и фойе дама несет на отлете ребенка, испускающего крики и жидкость. Она вылетает на балкон и усаживает сына высоко над перилами, над городом, утонувшим во мгле.

68. Оцмах продолжает осмотр зрительного зала. К нему подбегает управляющий театром.

69. ПРОФЕССОР РЕТИ В ТЕАТРЕ!..

70. Оцмах с недоумением смотрит на управляющего. Тот поясняет:

71. ЗНАМЕНИТЫЙ ПРОФЕССОР РЕТИ ИЗ БЕРЛИНСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ...

72. Оцмах закутывается в черный плащ, расшитый бабочками и черепами. Он летит за кулисы, оттуда в аванложу и встречает с глубокими поклонами входящих в ложу профессора и его дочь. Профессор — седой старик во фраке и с кудрями,

Оцмах извивается перед стариком.

73. СЕГОДНЯ, ГОСПОДИН ПРОФЕССОР, ВЫ ИМЕЕТЕ СЛУЧАЙ ПОСМОТРЕТЬ, КАК НЕКИЙ ОЦМАХ УТРЕТ ПОССАРТУ СОПЛИ…

74. Оцмах исчезает так же стремительно, как и появился. Ошеломленный профессор смотрит ему вслед.

75. В зале тушат свет. Публика рассаживается, в проходах играют дети. Оцмах в плаще выходит при опущенном занавесе к рампе. Он отвешивает глубокий поклон и произносит:

76. СЕЙЧАС ПЕРЕД ВСЕМИ ГОРЯЧО ЛЮБИМЫМИ КЛИЕНТАМИ
НАШЕГО ДЕЛА ПРОЙДЕТ ПОСЛЕДНЯЯ НОВИНКА НЬЮ-ЙОРКСКОГО АВТОРА И КУПЛЕТИСТА ЯКОВА ШЕКСПИРА, А ИМЕННО: «КОРОЛЬ ЛИР, ИЛИ СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ…»

77. Оцмах кончает речь, отвешивает глубокий поклон и исчезает за занавесом. В это мгновение над ямой оркестра взвивается палочка дирижера, представляющая из себя обыкновенную трость с серебряными монограммами и ремешком на конце.

78. Капельмейстер в офицерской австрийской форме, на голове у него ермолка. Он держится неподвижно, движения его едва уловимы, он не

дирижирует, а только подмигивает тем, кому надо вступать.

79. Оркестр в действии. Музыканты — хасиды в капотах. На видном месте Раткович. В углу барабанщик-немец высоко поднял свою булаву. Барабанщик пьян.

80. Капельмейстер с глубокой серьезностью подмигивает барабанщику.

81. Пьяный немец ринулся к барабану и нанес инструменту сокрушающий удар. Не глядя на тревожные подмигивания капельмейстера, немец продолжает колотить по барабану. Женщина, оказавшаяся у немца за спиной, оттаскивает его от инструмента. Женщина цепко держит пьяного мужа за фалду и отпускает его только тогда, когда ему надо ударить в барабан.

82. Профессор Рети и дочь его, глядя на барабанщика, помирают со смеха. Они сидят в аванложе. Старик откидывается на спинку кресла и хохочет.

83. Оркестр смолкает. Капельмейстер подмигивает Ратковичу. Тот вступает.

84. СОЛО.

85. Упрямое лицо Ратковича, скрипка, тонкие пальцы, бегущие по струнам.

86. Профессор Рети полулежит на кресле, смех

сбегает с его лица. Старик приподнимается, всматривается в Ратковича.

87. СОЛО.

88. Тонкие пальцы Ратковича, бегущие по струнам.

89. Жена барабанщика прислонилась к дремлющей мужниной спине и, растроганная, слушает игру Ратковича.

90. Профессор перегнулся над барьером ложи. Он не спускает с Ратковича глаз. Старик схватил за руку дочь.

91. ЧТО С ВАМИ, ПАПА?

92. Старик упоен, он выпрямился во весь рост, поет, дирижирует, изгибается…

93. КАК ОН ИГРАЕТ! АХ, КАК ОН ИГРАЕТ, ЭТОТ МАЛЬЧИК…

94. Раткович вскочил со своего стула. Он играет стоя. Вдохновение раскачивает его. Худое, упрямое его лицо искажено, бледно, прекрасно. Пальцы с дьявольской быстротой рвут струны. Он кончил.

95. Капельмейстер, раскрыв рот и подняв хлыст, застыл у своего пульта.

96. Музыканты, согнувшись, лезут к выходу. Раткович, сутулясь, бредет за ними. Барабанщик проснулся, он вздрагивает и наносит сокруши-

тельный удар барабану. В эту минуту взвивается занавес.

97. Профессор бросился вон из ложи. Он зацепился за дверную ручку, разорвал фрак, бежит дальше.

98. Занавес поднят. Оцмах в непринужденной, но скорбной позе развалился на троне. У ног его три дочери, они с обожанием подняли глаза на отца. В противоположном углу — унылые придворные в разнообразнейших одеяниях. У трона — шут. Это рыжий еврей, невообразимо длинный. На нем клетчатые американские брюки, тирольская шапочка, в руках трещотка. Оцмах, очнувшись от тяжкого раздумья, хлопает в ладоши.

99. Кокетливая горничная в наколке и переднике придвигает к королевскому трону столик с бутылкой вина и закуской. На бутылке этикетка. Изящно отставив мизинец, Оцмах наливает себе вина в стакан, половину стакана он выпивает, остальное царственным жестом выплескивает на пол. Немедленно появляется горничная с метелкой и подметает.

100. Музыканты, согнувшись, пробираются к выходу по узкому коридору, расположенному под сценой. Вбегает Рети, он хватает Ратковича

за лацкан.

101. КТО ВЫ?.. ОТКУДА ВЫ?..

102. Раткович с удивлением смотрит на старика. Профессор все сильнее дергает его лацкан.

103. КТО ВАШ УЧИТЕЛЬ?

104. Раткович кланяется боком, угловато, очень неловко:

105. Я… Я УЧИЛСЯ У РАББИ ЗАЛМАНА В ДЕРАЖНЕ, ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНИИ…

106. Фрак старика разодрался. Нервический старик — он пожимает Ратковичу руку, хватается за голову, гладит плечо Ратковича.

107. ИГРАЙТЕ МНЕ, ИГРАЙТЕ, МОЕ ДИТЯ…

108. Раткович беспомощно оглядывается по сторонам, подобострастный капельмейстер делает знак, чтобы он играл. Юноша подносит скрипку к подбородку.

109. Трагедия короля Лира разворачивается. Старшая дочь, у которой выпирают планшетки от корсета, пляшет перед королем. Она принимает сладострастные позы. Придворные хлопают в ладоши и подпевают, как на еврейской свадьбе. Но вот один из придворных — на нем цилиндр и латы — решился на неслыханную наглость, он ущипнул за грудь дочь короля. Оцмах это заметил. Оцмах выхватывает из ножен меч

и бросается на оскорбителя. Кровавый поединок. Король и придворный фехтуют.

110. Профессор Рети сидит в углу за кулисами на куче канатов и, закрыв лицо, слушает игру Ратковича. Юноша кончил. Старик снимает руки с лица, исковерканного волнением. Он вскакивает, хватает Ратковича за руку, тащит к большому конторскому календарю, прибитому к стене. На календаре дата — 19 августа — четверг — 1909. Указывая на календарь, старик говорит:

111. ИДИТЕ КО МНЕ В УЧЕНИКИ И, КЛЯНУСЬ ВАМ, ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА ВЫ БУДЕТЕ ВЕЛИКИМ АРТИСТОМ…

112. Изображение календаря. Чья-то рука медленно загибает верхний листок и переворачивает его.

Третья часть

113. Брянский вокзал в Москве. Группа носильщиков и встречающих поезд. В глубине железная решетка с указателем прибытия поездов.

114. Указатель. Дата и час прибытия: 11/X 1912 г. Прибытие из Киева — 1 ч. 57 мин.

115. ДАТА НА УКАЗАТЕЛЕ.

116. Поезд подкатывает к перрону. Носильщики и публика бросаются навстречу подходящему поезду.

117. Толчея на перроне. Выгрузка пассажиров. Родственные сцены.

118. Из вагона III класса выходит румяная, русская рослая девушка. Ее принимает на руки целая семья — старый полковник, разбитной студент, два кадетика в больших картузах, старая дева в шляпе с свисающими лентами. Девушку целуют, суют ей цветы, заказывают носильщиков. У всех растроганные лица. Вслед за девушкой выходит Рахиль с узелками.

119. Людская волна несет Рахиль к выходу. Она сгибается под тяжестью своих сундучков и котомок.

120. Носильщики катят по платформе тележ-

ки, нагруженные доверху багажом. На одной из тележек живая птица в клетках. Скрежещущие потоки несутся мимо Рахили. Она загородила им путь. Растерявшаяся девушка стиснута горами несущегося багажа. Носильщики честят ее на все корки. Носильщик кричит:

121. ВИДАТЬ
НАШЕНСКИХ ИЗ ЦАРЕВОКОКШАЙСКА…

122. Оглушенная Рахиль отшатывается. Тележки проносятся мимо нее и чертят молнии.

123. У камеры хранения ручного багажа. Рахиль сдает вещи. Через нее летят тюки, узлы, чемодан.

124. Рахиль на площади перед Брянским вокзалом. Разъезд. Провинциалка в Москве. Она подходит к городовому, спрашивает у него дорогу. Городовой в нитяных перчатках объясняет очень вежливо, какой номер трамвая ей нужен. Девушка бежит к трамваю.

125. Рахиль в трамвае. Вокруг нее трамвайные пассажиры — безжалостнейшие люди в мире. Рахиль с восторгом осматривает никогда не виданную роскошь трамвайного убранства.

126. Сосед Рахили, унылый красноносый чиновник в форменном картузе, кисло спрашивает ее:

127. ЧЕМУ ВЫ РАДУЕТЕСЬ, БАРЫШНЯ?..

128. Рахиль отвечает ему сияя:

129. ТАК ПРИЯТНО ЕЗДИТЬ В МОСКОВСКОМ ТРАМВАЕ…

130. Чиновник поднимает брови и отодвигается. Он думает, что имеет дело с умалишенной.

131. Рахиль сходит с трамвая, идет к старинному двухэтажному дому, на котором вывеска: «Номера “Россия” И. П. Буценко».

132. Кухня в номерах «Россия». Сияющая чистота. Владельцы номеров супруги Буценко, старые старички с оттопыренными опрятными животами. Оба в чистых передниках, стряпают. Оба заняты приготовлением вареников.

133. Рахиль у подъезда номеров «Россия». Она вынимает из сумки письмо, звонит.

134. Кухня. Звонок. Буценко снимает с себя передник, семенит к парадной двери.

135. Буценко открывает Рахили дверь. Что угодно? Рахиль робко подает ему письмо. Старик ведет ее к конторке, он вынимает из конторки медные очки, читает. Во время чтения лицо его освещается умильной улыбкой.

136. Изображение письма: «ЛЮБЕЗНЕЙШИЙ ИВАН ПОТАПЫЧ, ПОДАТЕЛЬНИЦУ СЕГО, МОЮ ЗЕМЛЯЧКУ, ОТ ВСЕЙ ДУШИ РЕКОМЕНДУЮ ТЕБЕ КАК ЖИЛИЦУ. С ВЕЛИКИМИ ТРУДНОСТЯМИ

ВЫБРАЛАСЬ ОНА ИЗ НАШЕГО МЕСТЕЧКА В МОСКВУ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПРОДОЛЖАТЬ ОБРАЗОВАНИЕ, К КОТОРОМУ ЧУВСТВУЕТ НЕПРЕОБОРИМУЮ СТРАСТЬ…»

137. Старичок бросает письмо, пожимает руки Рахили, заливается нескончаемым смехом, ведет девушку на кухню к жене.

138. На кухне. Буценко подводит Рахиль к старушке:

139. ЖИЛИЦА
К НАМ ОТ ВЛАДИМИРА СЕМЕНЫЧА…

140. Старушка всплескивает пухлыми руками, обтирает пальцы о передник, целует Рахиль в обе щеки. Буценко оттаскивает Рахиль.

141. ПОГОДИ ЛИЗАТЬСЯ, МАТЬ… ВЗДУЙКА НАМ СПЕРВА САМОВАРЧИК…

142. Буценко вводит девушку в номер. Уютная старомодная комната. В углу образа, лампада. Другой образок, совсем крохотный, привешен к изголовью кровати. Буценко суетится, раскладывает вещи, убегает с кувшином за водой.

143. Образок у полога кровати.

144. Рахиль одна. Она снимает шляпку, подходит к окну.

145. Из окна видна древняя московская церковка с луковками.

146. Буценко, сияя и отдуваясь, вносит кувшин с водой, чистое полотенце. Рахиль принимается за свой туалет. Она чистит зубы, долго умывается. Фыркает от наслаждения. Старик умильно смотрит на распустившиеся ее волосы, девический прекрасный затылок. Но Рахиль умывается долго. Старичку надоедает ждать с полотенцем в руках, он подходит к столу, читает паспорт Рахили, лицо его изменяется.

147. Рахиль умывается, фыркает.

148. По коридору с подносом в руках плывет старушка Буценко. На подносе чайный прибор, дымящиеся пирожки, маленький самовар, окутывающий паром старушкину голову.

149. У Буценко в руках паспортная книжка. Он испытывающе взглядывает на Рахиль, потом с скверным лицом продолжает чтение паспорта.

150. Изображение паспортной книжки на имя РАХИЛЬ ХАНАНЬЕВНЫ МОНКО, ДЕВИЦА, 19 ЛЕТ…

151. На лице старика недоумение. Трясущимися руками водружает он на носу очки, читает на третьей странице паспортной книжки.

152. Надпись на паспорте: «ГДЕ ЕВРЕЯМ ЖИТЬ ДОЗВОЛЕНО…»

153. Старушка расставляет на столе пышки, самовар, стаканы. Рахиль только что умылась.

Смеясь, протягивает она к старику за полотенцем обнаженные сильные руки. Но Буценко не дает полотенца, тянет его к себе. На кротком его лице — укоризна, испуг, гнев. Он говорит, качая головой:

154. ЕВРЕЙКА… ОХ, КАКОЙ СТЫД…

155. Лицо Рахили. Не получив полотенца, она медленно вытирает мокрое лицо подолом юбки.

156. Буценко, топая ножкой, кричит жене: уноси все обратно… Негодующая старушка уносит приготовленный для Рахили самовар. Голова старушки окутывается паром. Диафрагма.

157. Вечер. Бойкая, дореволюционная московская толпа. Сбоку — часовенка. Видны зажженные свечи, сияющие иконы, богомольцы, бьющие поклоны. Из-за угла выходит Рахиль.

158. Три крохотные девочки-цыганки пляшут на улице. Цыганята в длинных до земли юбках, они обвешаны монистом, бьют в бубен. Цыганята увидели Рахиль, бросились к ней, окружили, пляшут.

159. Рахиль пытается разомкнуть их буйный круг.

160. Рахиль дает цыганятам монету и спасается от них. Ей загораживает дорогу старый перс в расшитом халате. Он улыбается старческой, важной

улыбкой и раскрашенным пальцем трогает грудь Рахили.

161. Рядом с Рахилью и персом вырастает фигура полуголого юродивого. Тело юродивого дрожит крупной частой дрожью. Лысая, яйцевидная голова его раскачивается.

162. Пальцы перса с раскрашенными ногтями медленно ползут по груди Рахили.

163. Три лица — Рахиль, перс, юродивый.

164. Юродивый гримасничает, слюна кипит в клочковатых его усах, он грозно требует милостыни. Рахиль убегает.

165. Не помня себя девушка бежит по улице, за ней ковыляет юродивый.

166. Ночь. Рахиль бежит по Замоскворецкому мосту.

167. Москва-река, набережная. Блеск снегов. Черное железо решеток на снегу. Вдали освещенные окна фабрик и домов.

168. Тихий переулок в Замоскворечье. Ряд газовых фонарей. Хорошо одетый человек в шубе пьет, прислонившись к стене, водку из бутылки.

169. В глубине переулка дверь гостиницы «Герой Плевны».

170. Вывеска: «СЕМЕЙНЫЕ НОМЕРА ДЛЯ ПРИЕЗЖАЮЩИХ С УДОБСТВАМИ — “ГЕРОЙ

ПЛЕВНЫ”».

171. Рахиль подбегает к двери гостиницы, берется за ручку. Дверь неожиданно распахивается. Из номеров выходит человек лет двадцати четырех; лицо у него круглое, веселое, беспечальная, бездомная студенческая фуражка торчит в его кудрях. Он осматривает Рахиль очень внимательно, задерживается у подъезда. Рахиль входит в гостиницу.

172. В служебном отделении гостиницы «Герой Плевны». Номерной Орлов, заспанный малый в жилетке, играет в шашки со степенным старичком старообрядческого типа. На парне калоши на босу ногу и кавалерийские рейтузы, подвязанные внизу бечевкой. Сквозь обычное брезгливое выражение его лица проступает крайний азарт. Старик глубокомыслен, но уверен в себе, он, видимо, побеждает.

173. Шахматная доска. Положение номерного безнадежно, рука его делает отчаянный ход.

174. Входит Рахиль. Она спрашивает:

175. МНЕ БЫ НОМЕР…

176. Номерной, не поднимая головы:

177. БЕЗ МАЛЬЧИКА НЕ ПУСКАЕМ…

178. Рахиль не понимает. Номерной кричит ей с досадой:

179. КТО-ТО У ТЕБЯ ЕСТЬ? ФРАЙЕР КТО ТВОЙ?..

180. Изумленное лицо Рахили.

181. Коридорный и старичок в полном азарте. Старичок делает решительный ход.

182. Парень в студенческой фуражке расхаживает перед дверью гостиницы. Из номеров выходит Рахиль. Она останавливается, прислоняется к стене, закрывает глаза. Парень срывает шапку с кудрей и спрашивает девушку:

183. КТО ВЫ ТАКАЯ? ПОЧЕМУ ВЫ ЗДЕСЬ… В ЭТОМ ПРИТОНЕ?..

184. Рахиль открывает глаза.

185. Я… Я ЕВРЕЙКА…

186. Баулин почесывает затылок, он размышляет.

187. ПОСЛУШАЙТЕ, ТОВАРИЩ… МЕНЯ НЕ ПУСКАЮТ В «ПЛЕВНУ» БЕЗ ДЕВОЧКИ, ВАС НЕ ПУСТЯТ БЕЗ МАЛЬЧИКА… ПОСЛУШАЙТЕ, ТОВАРИЩ, МОЯ ФАМИЛИЯ БАУЛИН, Я ПАРЕНЬ СВОЙ… Я ПАРЕНЬ ЧЕСТНЫЙ…

188. Рахиль исподлобья смотрит на Баулина. Она колеблется, потом вдруг улыбается и протягивает ему руку.

189. Номерной сокрушенно смотрит на доску. Партия им проиграна. Старичок ехидно пьет чай. Калоша спадает с ноги номерного. Ногтями одной

ноги он чешет другую. В комнату входят Баулин и Рахиль. Баулин:

190. СПРОВОРЬ-КА
НАМ, ПАПАНЬКА, НОМЕРОЧЕК…

191. Номерной встает, потягивается.

192. А ОНА СКАЗЫВАЛА — У НЕЙ КОТА НЕТ…

193. Замызганный коридор ночной гостиницы. Номерной со свечой впереди, за ним идут Рахиль и Баулин.

194. Одна из дверей в коридоре распахивается, трепещущая женская рука и обнаженное плечо высовываются в коридор, женщину мгновенно втаскивают обратно в номер, дверь захлопывается.

195. Коридорный подводит Баулина и Рахиль к двери предназначенного им номера. В углу, у стены, свалены в кучу ночные посудины, разбитые жестяные умывальники и картины в золотых рамах. Номерной открывает дверь.

196. В комнату «ночной» гостиницы входят Орлов, Баулин, Рахиль. Номерной открывает свет. Баулин указывает на подозрительной чистоты белье на кровати.

197. РИЗЫ-ТО ПЕРЕМЕНИ, ДРУЖОЧЕК…

198. Номерной обиженно рассматривает запятнанную простыню.

199. МЫ ОПОСЛЯ КАЖДОГО МЕНЯЕМ…

200. Коридорный меняет простыню и ухитряется положить старую на стол вместо скатерти.

201. Во время манипуляций номерного Рахиль читает надпись, выцарапанную гвоздем на зеркале.

202. Надпись: СЕГОДНЯ В ЧАС ПОПОЛУНОЧИ ИМЕЛ ДЕЛО С ДИВНОЙ ДЕВУШКОЙ-ДРУГОМ, ИМЯ ОТКАЗЫВАЕТСЯ НАЗВАТЬ, ДАВАЙ, ГОСПОДИ, ЧТОБЫ ОБОШЛОСЬ БЛАГОПОЛУЧНО…

203. Рахиль отходит от зеркала. Баулин старается своим телом загородить надписи, которыми испещрены стены. Номерной выходит. Баулин запирает за ним дверь, обращается к девушке:

204. СПИТЕ, ДРУГ МОЙ, УЖ Я ПОСТЕРЕГУ ВАС…

205. Трепеща, Рахиль взбирается на постель с ногами, сворачивается в клубок. Баулин расстилает себе у порога шинель, он украдкой вынимает из шинели тючок с типографским шрифтом и пачку прокламаций…

206. Изображение прокламации, изданной московским комитетом социал-демократической партии.

207. Баулин кладет себе под голову тючок и прокламации, украдкой сует револьвер под самодельную подушку, растягивается у порога.

208. АВОСЬ СОСНЕМ…

209. Рахиль, свернувшись в комочек, с ужасом слушает обычный шум ночной гостиницы.

210. В соседнем номере. На разметавшейся постели офицер без мундира, в рейтузах и сапогах, борется с женщиной, одетой в шелковое черное глухое платье. Он ломает ей руки.

211. Баулин курит, усмехается, потом он протягивает руку к штепселю, гасит электричество. Тьма.

Четвертая часть

212. Ночь. В переулок входит наряд полиции.

213. Полицейские вскрывают дверь гостиницы «Герой Плевны».

214. Полицейские, стараясь не шуметь, идут вверх по лестнице.

215. Под иконой спит заливистым сном номерной Орлов. Он по-прежнему в калошах. На плечо его опускается рука городового. Городовой:

216. БЕСПРОПИСОЧНЫЕ
ЕСТЬ ЧТОБЫ НОЧЕВАЛИ?..

217. Номерной вскочил. Он отвечает почесываясь:

218. БЕСПРОПИСОЧНЫХ ВРОДЕ КАК НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ…

219. Полицейские с номерным выходят из комнаты.

220. В коридоре. Мгновенное судорожное хлопанье дверей и тишина.

221. Баулин спит у порога на шинели; услышав шум, он вскакивает, схватывает револьвер.

222. Ноги часовых топчутся в коридоре, торчат сабли.

223. На полу тючок Баулина и связка прокла-

маций.

224. Рахиль, свернувшись в клубок, спит сном юности и неведения.

225. Баулин вскочил, прислушивается.

226. ОБЛАВА.

227. Окно, небо, звезды. Баулин вскочил на подоконник.

228. Пустынная улица. Чистильщик сапог, старый айсор, укутанный в цветистое тряпье, чистит сапоги городовому. Дремлющий городовой расположился на лавочке. Вдруг он вскочил.

229. Баулин прыгает из окна второго этажа. Он упал на землю, сломал себе ногу.

230. Городовой выхватывает свисток, свистит.

231. Из переулка бежит на подмогу второй городовой, очень маленького роста, в очень большом картузе и с многими медалями.

232. Надувшееся багровое лицо первого городового. Он не решается подойти к Баулину, распростертому на земле, но свистит с упоением, с сладострастием, как тетерев на току.

233. Старый айсор с слезящимися глазами робко подтаскивает свой сундучок к недочищенному сапогу городового.

234. Сломанная нога Баулина. Баулин царапает грязный уличный, залитый собачьей мочой,

снег.

235. Два городовых, отступив на несколько шагов, готовятся прыгнуть на беззащитного человека. Они подхлестывают себя криком, размахивают револьверами и, наконец, бросаются на Баулина: один душит его и свистит все упоительнее, другой связывает сломанные ноги.

236. Нога Баулина, сломанная в колене, повернутая в сторону.

237. Номер гостиницы «Герой Плевны». Посредине широкой постели лежит спиной вверх мужская фигура, перекрытая простыней. Блестит только лысина мужчины и на лысине шишка. По обеим сторонам «гостя» тревожатся две девочки, проститутки, лет по шестнадцати.

238. Обход в гостинице продолжается. Полицейские яростно стучат в дверь номера. Дверь открывается.

239. Мужчина, завернутый в простыню, не меняет позы. Он высовывает руку из простыни, лица его не видно, блестит только лысина и на лысине шишка.

240. Протянутая рука, в руке паспорт. Рука полицейского хватает паспорт.

241. Полицейский читает паспорт. Подозрительность сменяется на его лице серьезностью

и чувством служебного долга.

242. Изображение паспорта на имя действительного статского советника и почетного опекуна Аполлона Силыча Густоватого.

243. «Фигура» и проститутки в том же положении. Городовой почтительно кладет на спину «фигуре» паспорт и с поклоном удаляется.

244. В другом номере. Проститутка лет сорока пяти в ожидании облавы сонливо курит папиросу, на ней длинная рубаха с оборванными кружевами. К стене в ужасном испуге прижался гимназистик лет шестнадцати. Он успел облачиться в мундирчик, под мундиром кальсоны. Вламываются городовые. Надзиратель мальчику:

245. ВЫ ЧТО ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТЕ, МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ?..

246. Гимназистик заикается:

247. НА УЛИЦЕ ШЕЛ… ДОЖДЬ… Я РЕШИЛ… ПЕРЕЖДАТЬ…

248. Полицейский толкает старую проститутку: выходи…

249. Околоточный отечески распекает гимназиста, подносит ему штаны.

250. Страстная площадь. Ночь. Полицейские гонят проституток, захваченных во время облавы.

251. Уличные проститутки спасаются от облавы. Они подбегают к первым встречным пешеходам, берут их под руку, делают вид, что прогуливаются с мужьями, с постоянными своими мужчинами.

252. К пожилому еврею, облаченному в большую енотовую шубу, подбегают две проститутки; каждая рвет его в свою сторону. Еврей, занятый невеселыми мыслями, переводит с одной женщины на другую старые свои усталые глаза, берет обеих под руки и ведет их как дочерей на прогулке.

253. Стоянка извозчиков у Тверской. Проститутки теребят извозчиков.

254. Лихач-горбун в щегольском армяке. К нему подбегает девушка в белой пуховой шапочке, с родинкой на подбородке. Она просит горбуна ехать поскорее. Горбун:

255. ПРИШЛИ ВПЕРЕД ДЕСЯТКУ…

256. Женщина ставит ногу на подножку. Она говорит:

257. НЕТУ У МЕНЯ ДЕНЕГ… БЕРИ ЧТО ХОЧЕШЬ…

258. Горбун скосил голубые глаза — ладно, мол, — и погнал лошадей.

259. Извозчики летят гуськом по Тверской. В экипажах спасающиеся проститутки.

260. Горбун въезжает в глухой переулок, возле пустыря. Он останавливает лошадей, наставляет верх, перелезает к женщине в экипаж. Диафрагма.

261. Городовые пригоняют к зданию участка захваченных в облаве проституток.

262. Большая полутемная комната, переделенная решеткой. Женщин загоняют за решетку.

263. Лица проституток, прильнувшие к решетке. Среди них: старая проститутка, ночевавшая с гимназистом, Рахиль и женщина в глухом шелковом платье, боровшаяся в номере с офицером. Присутствие ее в гостинице и в этом месте необъяснимо. Она мечется, просит у часового папиросу. Часовой сворачивает ей собачью ножку, зажигает спичку, он ласково смотрит на «барыню» и потом отворачивается, чтобы не обидеть ее своим участием. Женщина дергается, затягивается и сейчас же с плачем бросает папиросу.

264. Комната, где производится медицинский осмотр проституток. Над медицинским креслом яркая электрическая лампа. У кресла доктор в халате (доктор этот тот самый кислый чиновник, с которым разговаривала Рахиль в трамвае) и фельдшер. Поодаль сидит за столиком канцелярист. Городовой вводит проститутку,

ночевавшую с гимназистом. Она без понуждения ложится на кресло. Доктор склоняется над ней. В руках у него инструменты. Затемнение.

265. Канцелярист с пером за ухом ждет диагноза.

266. Осмотр кончен. Женщина встает с кресла. Доктор канцеляристу:

267. ЛЮЭС… ВТОРАЯ СТАДИЯ… СЛЕДУЮЩАЯ…

268. Женщина покорно идет к столику, канцелярист пишет что-то в ее бумагах. Городовые втаскивают растрепавшуюся, растерзанную Рахиль.

269. Доктор, ко всему привычный, приготовляет инструменты.

270. Городовые кладут Рахиль на кресло. Старый городовой с добрым лицом говорит ей:

271. ТЕБЕ ЖЕ ПОЛЬЗА, ДУРОЧКА, А ТО СКОЛЬКО НАРОДУ ПЕРЕЗАРАЗИШЬ…

272. Ужасное лицо Рахили под колпаком электрической лампы.

273. Из тьмы выдвигается лицо доктора. Он узнал девушку, спрашивает ее:

274. ВЫ КТО ТАКАЯ?.. ПОЧЕМУ ВЫ ЗДЕСЬ?..

275. Губы девушки шевелятся:

276. Я… Я ЕВРЕЙКА…

277. Канцелярист с вставочкой за ухом ждет

диагноза.

278. Рахиль на кресле. Растерянный доктор говорит канцеляристу:

279. З… ЗДОРОВА… СЛЕДУЮЩАЯ…

280. Рахиль подходит к столику канцеляриста. Он протягивает ей документы. Рахиль отшатывается, спрашивает, — что это? Канцелярист говорит:

281. ЖЕЛТЫЙ
БИЛЕТЕЦ ДЛЯ ВАШЕЙ СВЕТЛОСТИ…

282. Девушка озирается, она мнет в руках заклейменный документ. В это мгновение над ней склоняется лицо околоточного, заросшее черным буйным волосом. Волос этот косматым нимбом окружает толстое твердое жадное лицо. Околоточный показывает Рахили тючок, захваченный в ее номере.

283. ВАШ ШРИФТОК, ДЕТКА?

284. Тюк с шрифтом в руке околоточного.

285. Околоточный, приоткрыв рот, ждет ответа. На лице его мольба неумелого в своем деле человека — сознайся, голубушка, сознайся, мой дружок, помоги… Рахиль оборачивает к полицейскому изумленное лицо.

286. Сумрачная, сводчатая комната участка. Над столом мигает висячая керосиновая лам-

па, прикрытая дырявым колпаком казенного образца. У стены в клеенчатом рваном кресле корчится Баулин. Он лежит спиной к зрителю, нога его кое-как забинтована. Над арестованным склонился старый городовой с добрым лицом. Старик льет Баулину в рот воду из горлышка большого закопченного чайника.

287. Надзиратель вводит в комнату Рахиль и делает городовому знак — поставить арестованных друг против друга. Околоточный подводит под лампу взъерошенное косматое свое лицо, тычет шрифт в лицо Баулину и все с тем же искательным, жадным лицом добивается ответа.

288. НА ОЧНОЙ СТАВКЕ СОЗНАЙСЯ, ДРУЖОК, СУКИН СЫН… ТВОЙ ШРИФТ?

289. Баулин мечется на своем кресле. Он делает неосторожное движение, падает на землю, стонет. Над ним снова склоняется старый городовой. Пальцы Баулина царапают, пожимают, гладят пухлую руку городового.

290. Перекошенное лицо Баулина поворачивается к зрителю, он стонет:

291. ОХ, МАМА…

292. Городовой — Баулину на ухо:

293. СДЕЛАЙ МИЛОСТЬ, ГОСПОДИН, СОЗНАЙСЯ… ТЕБЯ В БОЛЬНИЦУ НАДО…

294. Околоточный подбирается к Баулину. Вынуждая признание, он с жалким, внимательным лицом, не сводя глаз с Рахили, нажимает на больную ногу арестованного:

295. ТВОЙ ШРИФТ?

296. Лицо Баулина. Шепчущие губы:

297. ОХ, МАМА…

298. Рахиль подступает к околоточному. Она говорит:

299. ШРИФТ МОЙ…

300. Околоточный оставляет ногу Баулина, он суетливо кивает головой.

301. ВОТ СЛАВНАЯ ДЕТКА…

302. говорит надзиратель с обрадованным прояснившимся лицом и приготовляется слушать.

303. Рахиль дает вымышленные показания. Она отчеканивает слова, лицо ее освещено порывистым масляным светом лампы.

304. ШРИФТ ЭТОТ Я ДОСТАЛА…

305. говорит она и задумывается, что бы еще сказать.

306. Околоточный, боясь, что Рахиль передумала и не будет давать показаний, придвигается к Баулину и снова нажимает на разбитую ногу. Баулин прыгнул, закричал, потерял сознание. Тогда Рахиль заговорила. Она лепечет быстро,

не останавливаясь. От нетерпения околоточный сучит под столом толстыми ногами. Он поглаживает сломанную ногу Баулина, а другой рукой мнет, дергает, вертит во все стороны космы своих волос. Лицо его светится, губы шевелятся, брови ходят ходуном, глаза блестят.

Пятая часть

307. ЗА ТЫСЯЧУ МИЛЬ ОТ НОМЕРОВ «РОССИЯ».

308. Улица в Берлине. Кучка прохожих у афишного столба. Гигантская афиша объявляет о концерте Лео Рогдая.

309. Улица в Берлине. Величественное здание отеля «Империя». На высоте пятого этажа ползает по фасаду маляр, моет вывеску. Маляр, веселый безобидный малый, заключен в деревянный ящик, прикрепленный блоками к выступу крыши. Маляр поет во все горло, потом прерывает пение, прислушивается.

310. Улица, снятая с высоты пятого этажа, так, как ее видит маляр.

311. Изображение афиши. На ней дата: 4 СЕНТЯБРЯ 1912 ГОДА.

312. Маляр опускается на блоке к третьему этажу. Он останавливает свой ящик у раскрытого окна, откуда исходят звуки, так его поразившие.

313. Номер Ратковича в третьем этаже отеля «Империя». Ратковича уже нет, есть знаменитый виртуоз Лео Рогдай. Полдень. Комната артиста. Неубранная низкая широкая постель. Цветы, подношения разбросаны по всей комнате. Лавро-

вый венок в футляре. У камина фотографическая карточка Рахили. На столике остатки ужина, раскупоренная бутылка вина. К стенам приколоты афиши и расписание концертов в Берлине, Гамбурге, Мюнхене. Рогдай изменился, постарел, утончился. Полуодетый, ходит он по комнате, берет пальцами несколько аккордов, подносит скрипку к подбородку. Затемнение.

314. Повторение сцены 105: Профессор Рети слушает за кулисами захолустного театра игру Ратковича.

315. Рогдай играет. В окно просовывается благоговейная физиономия маляра. Он сдергивает с головы шапчонку, мнет ее в руках:

316. ГОСПОДИН АРТИСТ, НЕ МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ СЫГРАТЬ ПАДЕСПАНЬ?

317. Рогдай улыбается, подходит к окну, играет падеспань.

318. Маляр мнет засаленную шапчонку, пальцы его прищелкивают все быстрее, все веселее.

319. Два шара катятся по бильярдному столу.

320. У борта ладонь, согнутая ковшиком. Большая холеная рука с бриллиантовым перстнем на мизинце. В углублении ладони движется кий.

321. Бильярдная отеля «Империя». Антрепренер Рогдая Витторио Маффи целится в один из двух

оставшихся шаров. Вокруг стола, где он играет, столпилось множество народа. Маффи — мужчина громадного роста, сухой, гибкий, черноволосый, морщинистый; в партнере же его — в герре Кальнишкере — все дышит кротостью, терпением, достоинством. Росту в Кальнишкере мало, линии его крохотного тела округлы, живот не слишком вздут, ноги семенят неспешно. Оба игрока без пиджаков. Маффи делает удар. Промах. Итальянец морщится, отходит, вернее, прыгает в сторону; концом кия он угодил прямо в рот зазевавшемуся старику-мазуну. Маффи оборачивается, он всовывает кий поглубже в рот обезумевшего от страха мазуна и притискивает его к стене.

322. Маленькая жирная ладонь Кальнишкера у борта. В углублении ладони ходит кий.

323. Распятый мазун с кием во рту. Он прижат к стене. Невозмутимый Маффи воткнул в него кий и повернулся к нему спиной.

324. Кальнишкер делает удар. Шар падает в среднюю лузу. На бильярде остался один шар — пятнадцатый номер. Кальнишкер отпивает из стакана молоко, не спеша отставляет стакан и заказывает:

325. ОТ ДВУХ БОРТОВ ПЯТНАДЦАТОГО В УГОЛ…

326. С убийственной медленностью Кальнишкер натирает кий мелом.

327. Спина Маффи, торчащий изо рта мазуна кий, отчаянное лицо мазуна, вцепившегося в кий зубами.

328. Кальнишкер, испытывая партнера, целится долго, отнимает кий, снова целится. Шар стоит у противоположного борта. Маленький человечек употребляет тяжкие усилия для того, чтобы достать шар, он навалился животом на бильярд, приподнялся на цыпочках, коротенькая его нога дрожит в воздухе. Кальнишкер делает удар. Шар падает. Кальнишкер низко кланяется своему партнеру.

329. Мгновенная гримаса на лице Маффи. Он, не оборачиваясь, вынимает кий изо рта мазуна, тот кидается на него с кулаками, но старика вовремя оттаскивают. Его убеждают:

330. УПАСИ ВАС БОГ… ВЕДЬ ЭТО ВИТТОРИО МАФФИ,
АНТРЕПРЕНЕР ШАЛЯПИНА, АНТРЕПРЕНЕР РОГДАЯ, ДУЭЛЯНТ, ИГРОК, БРЕТЕР…

331. Старик слушает, молчит, озирается. Большая слеза течет по морщинистой щеке, застревает в усах и блестит на кончике волос. Пробегает лакей и салфеткой смахивает слезу.

332. Лакеи подают игрокам пиджаки. Маленький Кальнишкер отводит в сторону громадного Маффи. Кальнишкер умильно склоняет набок расчесанную головку:

333. РАСПОРЯДИТЕСЬ УПЛАТИТЬ, ДОРОГОЙ СИНЬОР МАФФИ…

334. Маффи смотрит на партнера с высоты огромного своего роста. Он не знает, на что решиться, — ударить Кальнишкера или заплатить ему. Кальнишкер бормочет еще умильнее:

335. РАСПОРЯДИТЕСЬ, ЗОЛОТОЙ СИНЬОР МАФФИ…

336. Маффи, не проронив ни слова, отходит от Кальнишкера. Он хватает оставленный им в углу чемодан, прыгает к выходу. Кальнишкер неутомимо семенит за ним. Маффи оборачивается и бормочет сквозь зубы:

337. ПРИХОДИТЕ В ВОСКРЕСЕНЬЕ НА ВИЛЛУ ГРЕННЕ… ВЫ ПОЛУЧИТЕ ТАМ ВАШИ ПАРШИВЫЕ ПЯТЬСОТ МАРОК…

338. Маффи убегает. Кальнишкер кланяется исчезающей спине итальянца, подходит к столу и допивает маленькими глотками свое молоко.

339. Рогдай играет маляру. Рабочий в такт танцу прищелкивает пальцами.

340. Пышный вестибюль отеля «Империя».

Маффи с чемоданом в руках бежит вверх по лестнице. Он берет по три ступеньки сразу. Портье и лакеи кланяются ему.

341. Портье отеля у своей конторки. Портье похож на императора Наполеона. Сходство это соблюдено во всех мелочах, и даже клок волос положен на лбу как у императора французов. Портрет Наполеона красуется тут же на конторке. На груди у портье на широкой ленте привешено пенсне.

342. Сиденье маляра и болтающиеся его ноги, снятые снизу.

343. Рогдай с воодушевлением играет простецкому своему слушателю. Маляр в совершенном блаженстве швыряет свою шапочку на землю. Внезапно между маляром и Рогдаем опускается штора.

344. Рогдай оборачивается. У двери стоит Маффи и держит руку на шнурке, регулирующем штору. Маффи бросает чемодан на середину комнаты, хлопает себя хлыстом по ногам и цедит с расстановкой:

345. ВОТ УЖЕ ПОЛГОДА, КАК НЕТ ЖИДОЧКА РАТКОВИЧА, А ЕСТЬ ЗНАМЕНИТЫЙ ЛЕО РОГДАЙ, НО ДО СИХ ПОР У ЗНАМЕНИТОГО РОГДАЯ НЕТ ШЕЛКОВОГО БЕЛЬЯ, НЕТ КРОВНЫХ ЛОШАДЕЙ,

НЕТ ЛЮБОВНИЦЫ ИЗ ХОРОШЕГО ОБЩЕСТВА… КОГДА ВЫ СТАНЕТЕ МУЖЧИНОЙ, РОГДАЙ?..

346. Отбрасывая ногой вещи, лежащие на полу, Маффи подходит к камину. Он снимает карточку Рахили, морщится, всматривается.

347. Портрет Рахили Монко.

348. Рогдай побагровел. Он выхватывает из рук Маффи карточку и прячет ее в карман пиджака. Маффи улыбается чуть заметно и поднимает хлыстом комнатную туфлю Рогдая. Итальянец вертит на острие хлыста эту старенькую растоптанную туфлю с большой дырой на месте большого пальца, потом выбрасывает ее за окно.

349. Туфля Рогдая падает на крышу соседнего дома.

350. Маффи указывает Рогдаю на принесенный им чемодан.

351. ЭТО ВАМ… ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫ СТАЛИ МУЖЧИНОЙ…

352. Рогдай раскрывает чемодан, вынимает оттуда седло, револьвер… Он смотрит на Маффи с изумлением. Итальянец хлопает себя хлыстом по ногам.

353. ДА, ДА… БУДЬТЕ МУЖЧИНОЙ!

354. Рогдай продолжает разборку чемодана. Он вынимает флакон духов, бритвы, подусники,

дамские подвязки, кружевные дамские панталоны и еще какую-то вещь, которую юноша бросает тотчас же обратно в чемодан. Маффи топает ногой:

355. БУДЬТЕ МУЖЧИНОЙ!..

356. Рогдай вытаскивает из чемодана бутылку абсента. Маффи разливает абсент, подносит бокал Рогдаю и кричит грозно:

357. ДЕТИ ПЬЮТ МОЛОКО, ЛОШАДИ ПЬЮТ ВОДУ, МУЖЧИНЫ ПЬЮТ АБСЕНТ… БУДЬТЕ МУЖЧИНОЙ!

358. Растерявшийся Рогдай чокается с антрепренером, который кричит ему:

359. ПЬЮ ЗА МУЖЧИНУ!..

360. Пьют. Нога Маффи уперлась в кожаное сиденье кресла, сиденье уходит все глубже под давлением сильной длинной ноги. Кожа лопается, обнажаются пружины.

361. Рогдай выпил абсент, покачнулся. Итальянец наливает ему еще стакан и заставляет выпить. Лицо Маффи искажено тиком, дергающим его лицо, он повелительно следит за тем, как пьет Рогдай. Юноша выпил до дна, покачнулся, захохотал. Маффи наклоняется над Рогдаем:

362. А ТЕПЕРЬ, ЦЫПЛЕНОК, МЫ ПОЕДЕМ К ЖЕНЩИНЕ, КОТОРАЯ СДЕЛАЕТ ИЗ ВАС МУЖЧИНУ…

363. Лицо Маффи медленно поворачивается, и тогда зритель видит, что одно ухо у Маффи отрезано.

364. Щека с отрезанным ухом. Диафрагма.

365. Вестибюль отеля «Империя». Портье, похожий на Наполеона, смотрится в зеркало, поправляет на лбу свой наполеоновский клок, снимает телефонную трубку.

366. Контора для найма прислуги и кормилиц, у стены три сонных немки кормилицы. Все трое сложили руки на животах; толстыми рабочими руками они подпирают тяжелые груди. У конторки хозяйка заведения — сухопарая немка с желтыми взбитыми волосами и вставным немигающим глазом. Звонит телефон. Хозяйка снимает трубку. Лицо ее разворачивается как длинная пружина, и на конце этой пружины — давно приготовленный восторг.

367. Портье у телефона:

368. ДОБРЫЙ ДЕНЬ, ФРАУ ПУТЦКЕ. НАМ В ОТЕЛЬ НУЖНА ДЕШЕВАЯ ГЛАДИЛЬЩИЦА И ОДИН ОЧЕНЬ ДЕШЕВЫЙ ИСТОПНИК…

369. Глаза фрау Путцке. Один глаз бойко ворочается в орбите, другой, стеклянный, сохраняет голубую неподвижность.

369а. Фрау Путцке кланяется и потрясает труб-

кой:

370. Я ЖДУ НЕ СЕГОДНЯ-ЗАВТРА ПАРТИЮ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ КЕНИГСБЕРГА. ЭТО ДУРНЫЕ ЛЮДИ, НО ОЧЕНЬ, ОЧЕНЬ ДЕШЕВЫЕ…

371. Одна из кормилиц уснула, опустила руки. Необъятная ее грудь расползается все шире, перекрывает живот.

372. Портье согласен получить дурных, но дешевых людей. Он кладет трубку, принимается за писание счетов, но конторка его шатается, одна ножка стола чуть короче остальных.

373. По лестнице спускается Маффи и захмелевший Рогдай.

374. Из-за угла вылетел автомобиль Маффи. В трепещущих его лучах возник и заметался старенький глуховатый почтальон. Автомобиль подкатывает к подъезду отеля.

375. Маффи и Рогдай направляются к автомобилю. Пьяный Рогдай останавливает почтальона, кладет руку ему на плечо и спрашивает с блаженной улыбкой:

376. БЫЛИ ЛИ ВЫ КОГДА-НИБУДЬ СЧАСТЛИВЫ, ГОСПОДИН ПОЧТАЛЬОН?

377. Удивленный почтальон недослышал. Он глуховат. В руках его пачка писем и газет. Старик поспешно вынимает вату из ушей.

378. Изображение газеты в руках почтальона. Начальные строки одного из объявлений: «Эмигрантка Рахиль Монко разыскивает…»

379. Рогдай хохочет, повторяет вопрос. Почтальон разводит руками. Был ли он когда-нибудь счастлив? Не приходилось. Почтальон кланяется подвыпившим господам, закладывает вату в уши, входит в здание гостиницы.

380. Маффи и Рогдай садятся в автомобиль, уезжают.

381. В вестибюле отеля почтальон кладет на конторку портье кипу писем и газет, уходит. Портье занят своей работой, его бесит неустойчивость столика, все время шатающегося. Он разрывает только что полученную газету, подкладывает ее под ножку столика, сразу ставшего устойчивым. Обрывок газеты отвалился и лежит в стороне.

382. Изображение оторванного куска газеты. Начало объявления:

383. ЭМИГРАНТКА РАХИЛЬ МОНКО, ОТБЫВШАЯ КАТОРГУ В НЕРЧИНСКЕ, РАЗЫСКИВАЕТ ЛЬВА РАТКОВИЧА, УРОЖЕНЦА МЕСТЕЧКА ДЕРАЖНИ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНИИ, СООБЩИТЬ ПО АДРЕСУ: КЕНИГСБ…

384. Портье пишет, облокотившись о стол, ко-

торый больше не шатается.

385. Ночной сияющий Берлин. В высоте вращающийся электрический круг: ЛЕО РОГДАЙ.

386. Автомобиль Маффи вьется в потоках карет, трамваев, грузовиков.

387. Внутренность автомобиля. Между пьяным Рогдаем и Маффи — азартная карточная игра. На полу автомобиля валяются деньги. Машину трясет, игроки, не обращая на это никакого внимания, стукаются о притолоку, продолжают игру.

388. Сильный толчок. Рогдай подпрыгнул, цилиндр его вонзился в гвоздь, прибитый к верху автомобиля, и повис на гвозде. Рогдай вытаскивает одну кредитку за другой и бросает их на сиденье. Цилиндр его висит на расстоянии полуметра от головы. Маффи мечет банк.

389. Шофер поворачивает голову; улыбаясь, следит он за необычайной игрой.

390. Игра продолжается. Выигрывает Маффи.

391. Вдали на черном фоне неба вращаются уменьшенные расстоянием электрические буквы: ЛЕО РОГДАЙ.

392. Рогдай швырнул пачку кредиток, среди них карточка Рахили Монко. Пьяный Рогдай не видит карточки. Большая рука Маффи прикрыла

деньги, он сдает, выигрывает, сгребает кредитки, отшвыривает карточку.

393. Подъезд виллы Гренне. Над табличкой «ВИЛЛА ГРЕННЕ» электрическая лампочка.

394. Аллея, усаженная платанами. Сноп света. Засверкавшая листва деревьев. Автомобиль Маффи взлетает на пригорок.

395. Внутренность автомобиля. Карточка Рахили завалилась за ковер. Рогдай снимает с гвоздя цилиндр и криво нахлобучивает его на лоб.

396. Автомобиль Маффи останавливается у подъезда виллы Гренне. Маффи и Рогдай входят в дом.

397. Передняя в доме баронессы Гренне. Швейцар, рослый малый с прекрасной и двусмысленной физиономией, открывает парадную дверь. Входят Рогдай и Маффи, они отдают швейцару пальто.

398. Вешалка в передней баронессы Гренне. Цилиндры, выстроившиеся в ряд.

399. Цилиндры, снятые сверху, тусклый блеск на черном шелку. В цилиндре Рогдая — дыра.

400. Маффи разделся, побежал вверх по лестнице. Он берет по три ступеньки сразу.

401. Швейцар осведомляется у Рогдая: как доложить?

402. ДОЛОЖИТЕ БАРОНЕССЕ: РОГДАЙ.

403. Образ Христа, освещенный таинственно и тускло. Картина итальянского мастера эпохи кватроченто. У прибитых ног Христа головы двух девушек-подростков, склонившихся над рукоделием. В волосах у них пышные банты.

404. Вечер. Салон баронессы Гренне. Салон убран просто, роскошно, с достоинством и вкусом. У стола благостный патер читает вслух книжку Альфонса Доде «Тартарен из Тараскона».

405. Титульный лист книги.

406. Патера слушают — старая баронесса, величественная дама с важным лицом, и две дочери-подростки (пышные банты в волосах, туфли на низких каблуках и проч.). Старуха слушает внимательно и улыбается ласково, чуть заметно, девочки хохочут. У другой стены два аристократических старика с орденскими лентами. Один из них худ, длинен, многоволос, другой тучен, короток, плешив, но оба неуловимо как-то похожи друг на друга. Входит лакей, докладывает:

407. ГРАФ ДЕ РОГДАЙ.

408. Старушка откладывает рукоделие, идет навстречу гостю. Старики с орденскими лентами приосаниваются. Патер прекращает чтение. Старушка представляет гостя своим домочадцам,

подводит к дочерям.

409. МЫ ОЧЕНЬ РАДЫ ЗНАКОМСТВУ С ТАКИМ ПРОСЛАВЛЕННЫМ ВИРТУОЗОМ.

410. Девочки делают книксен. Рогдай знакомится с патером, баронесса представляет его длинному старичку:

411. ГРАФ САН-САЛЬВАДОР.

412. Церемонное представление. Баронесса представляет скрипача второму старичку, короткому:

413. БАРОН САНТ-ЯГО.

414. Церемонное представление. Рогдая усаживают и предлагают ему послушать «Тартарена из Тараскона».

415. Коридор в доме Гренне. Маффи останавливается у двери, стучит, требует: откройте.

416. Угол комнаты Эллен, дочери баронессы Гренне. Зеркало. В зеркале отражаются обнаженные прекрасные плечи Эллен.

417. Полуодетая Эллен. Она молода и очень красива. Эллен услышала стук. В ужасном волнении бросается она к шкафу, нервически перебирает платья, отбрасывает их, груда платьев вырастает на полу. Эллен останавливается на простом черном платье.

418. Маффи у закрытой двери. Он колотит себя

хлыстом по ноге. Эллен выходит из комнаты… Прелестным девическим движением она протягивает Маффи обе руки. Чувства силы, юности, красоты делают ее счастливой. Маффи бормочет что-то, берет ее за руку, медленно оборачивает вокруг себя.

419. КАКОЕ ДРЯННОЕ ПЛАТЬЕ…

420. говорит он и хлопает себя по ноге все сильнее. Эллен отшатывается от него.

421. Изображение Христа. Девочка, дочь баронессы, очень внимательно рассматривает в лорнет…

422. Рогдая, ерзающего в своем кресле.

423. Патер читает с упоением. В особенно забавных местах он поднимает палец кверху.

424. Бархатная портьера, отделяющая салон от другой комнаты, раздвигается. Появляется лицо Эллен — ослепительное и бледное.

425. В салон входит Маффи, за ним Эллен в декольтированном платье. Длинный пояс, расшитый золотом, волочится за ней по полу. Рогдай вскочил. Он смотрит на Эллен во все глаза. Маффи, играя хлыстом, говорит Эллен:

426. ПЕРЕД ВАМИ, БАРОНЕССА, ТОТ САМЫЙ ЛЕО РОГДАЙ, ПОТРЯСАЮЩАЯ ИГРА КОТОРОГО…

427. Юноша не может оторвать от Эллен ослеп-

ленных глаз. Он медленно целует ее руку. В это мгновение швейцар подает ему карточку Рахили.

428. ИЗВОЛИЛИ УРОНИТЬ… говорит швейцар и кланяется. Смущенный Рогдай выхватывает у него карточку, сует ее в карман. Эллен обращает к Маффи глаза, полные обожания и страха.

Шестая часть

429. Елка на столе. Несколько игрушек висят на ветвях ели.

430. В салоне баронессы Гренне. Эллен, младшая ее сестра Августа и Рогдай украшают елку. Они веселы, дурачатся, разбивают хлопушки.

431. Эллен взбирается на стол, водружает на вершине елки деда-мороза, осыпает дерево искусственным снегом. Рогдай прилаживает свечки. Он отрывается от работы, чтобы взглянуть в сторону хохочущей, раскрасневшейся Эллен. Взгляд его очень ласков.

432. Передняя в доме баронессы. Швейцар полирует себе ногти.

433. Маленький Кальнишкер звонит у парадной двери.

434. Швейцар впускает посетителя. Кальнишкер спрашивает:

435. МОЖНО ВИДЕТЬ СИНЬОРА МАФФИ?

436. Посетитель произвел на лакея невыгодное впечатление. Ничего не ответив, он снова принимается за чистку ногтей и бурчит между делом:

437. СИНЬОР МАФФИ НИКОГО НЕ ПРИНИМАЕТ.

438. Ледяной этот прием нисколько не охладил

маленького Кальнишкера. Он раскланивается и кротко заявляет:

439. Я ПОДОЖДУ…

440. Кальнишкер неторопливо раздевается, он пытается повесить на вешалку свое пальто, но это ему не удастся, потому что Кальнишкер мал ростом, ему не достать до крючка. Кальнишкер подтаскивает к вешалке бархатную скамеечку для ног, становится на нее, вешает пальто и котелок и садится в сторонке на высокое кресло. Коротенькие его ноги не достают до полу. На лице Кальнишкера непреоборимое терпение.

441. Лакей презрительно отворачивается от посетителя.

442. Коротенькие ноги Кальнишкера болтаются над полом.

443. Эллен и Рогдай обряжают куклу, натягивают на нее чулочки и модные подвязки. Они отставляют куклу и любуются делом своих рук.

444. Коротенькие ноги Кальнишкера болтаются над полом.

445. Лакей ведет себя не менее хладнокровно, чем Кальнишкер. Он встает, вытаскивает из кармана Кальнишкера часы, смотрит — который час? Кальнишкер поднимает на него невыразительные глаза.

446. Я ПОДОЖДУ…

447. говорит Кальнишкер, болтая ножками. В это мгновение дверь распахивается, и в переднюю влетает Маффи. Он сразу потускнел, увидев Кальнишкера. Маленький человек приближается к итальянцу мелкими шажками и отвешивает низкий поклон.

448. Эллен и Рогдай обряжают для елки куклу — большого Бэби с надутыми щеками и жирным животом. Дурачась, они одевают кукле лифчик, панталоны, взбивают ей прическу.

449. Маффи разглядывает Кальнишкера. Тик трогает его лицо. Он вынимает точно так же, как это сделал раньше его лакей, часы из жилетного кармана Кальнишкера и смотрит — который час? Он думает — ударить или заплатить проигрыш? Кальнишкер все в той же позиции с склоненной расчесанной головкой. Маффи бежит к лестнице, Кальнишкер семенит за ним.

450. Эллен и Рогдай одели наконец куклу; она теперь в платье, в манто, с зонтиком. Рогдай, смеясь, прижимает ее к груди. В это мгновение в салон входит Маффи. Эллен выхватывает из коробки другую куклу и с радостным сияющим лицом бежит навстречу Маффи. Она протягивает ему обе руки, но итальянец отходит в сторону,

чтобы дать место Кальнишкеру. Маффи:

451. ПОЗНАКОМЬТЕСЬ, БАРОНЕССА, С ГЕРРОМ КАЛЬНИШКЕРОМ… ОН ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСУЕТСЯ ВАШЕЙ КОЛЛЕКЦИЕЙ ФАРФОРА…

452. Эллен побледнела, уронила куклу. Кальнишкер поднимает куклу с пола. Трепеща, Эллен подает Кальнишкеру руку, они уходят. Рогдай бросается вслед за ними. Маффи его останавливает:

453. СОГЛАСНО НАШЕМУ ДОГОВОРУ…

454. говорит Маффи, глядя на Рогдая в упор.

455. По коридору, уставленному статуями и пальмами, идут Кальнишкер и Эллен. У Кальнишкера в руках кукла, он острит очень достойно. Эллен молчит. Лицо ее недвижимо и бледно.

456. Маффи говорит Рогдаю, прижимающему к груди куклу, одетую в манто:

457. ПО НАШЕМУ ДОГОВОРУ, МИЛЫЙ РОГДАЙ, ВЫ УЕЗЖАЕТЕ СЕГОДНЯ В ТУРНЕ ПО ФРАНЦИИ И АНГЛИИ, И ПОЭТОМУ…

458. Кальнишкер и Эллен входят в будуар Эллен. Она предлагает гостю садиться.

459. Рогдай не выпускает куклы из рук. Маффи поворачивается к нему вполоборота. Краешек отрезанного уха виден зрителю.

460. И ПОЭТОМУ ВЫ НЕ УСПЕЕТЕ ОСМОТРЕТЬ

КОЛЛЕКЦИЮ БАРОНЕССЫ ЭЛЛЕН…

461. Маффи поворачивается к зрителю изуродованной щекой.

462. Отрезанное ухо. Из него…

463. Перебирая зыбкими ножками, выходит чудовищно уродливая, крохотная, взлохмаченная, аристократическая собачонка.

464. Шесть разодетых собак и две старых кротких англичанки шествуют, направляясь к выходу, по вестибюлю отеля «Империя». Портье выбегает из-за конторки, пропускает в вертящиеся двери одну за другой шесть утомленных собак и двух англичанок. Дверь вертится медленно, последняя собака исчезает в летящих крыльях двери, и вслед за ней в вестибюль вваливается ошеломленный Баулин с узелком, за Баулиным — Рахиль. Портье накидывается на Баулина — что вам нужно здесь? Баулин протягивает ему письмо.

465. ОТ ФРАУ ПУТЦКЕ…

466. Портье водружает на носу пенсне, висящее на шелковой ленте. Он читает письмо, окидывает Баулина критическим оком. Баулин постарел, ослабел, оброс бородой. Портье:

467. ВЫ БУДЕТЕ У НАС ИСТОПНИКОМ ТРЕТЬЕЙ КАТЕГОРИИ.

468. Потом портье обращается к Рахили. Он приятно удивлен ее лицом, простым и тонким. Ему хочется убедить ее в том, что и он человек с необыкновенными чувствами. Портье поправляет свой шелковый шнурок и говорит, расшаркиваясь:

469. АХ, СУДАРЫНЯ, В ПРОШЛОМ СТОЛЕТИИ ЛЮДИ С МОЕЙ НАРУЖНОСТЬЮ СТАНОВИЛИСЬ ИМПЕРАТОРАМИ, А ТЕПЕРЬ…

470. Портье разводит руками. Он недоволен XX веком.

471. В вестибюль гостиницы входят Маффи и Рогдай. Рахиль стоит к ним спиной. Они поднимаются по лестнице. Пройдя несколько ступеней, Рогдай останавливает Маффи:

472. ЧТО ЭТО ЗА КОЛЛЕКЦИЯ ФАРФОРА У БАРОНЕССЫ ЭЛЛЕН?..

473. Маффи пренебрежительно машет рукой, он берет с маху три ступеньки и исчезает. Рогдай останавливается; мысль о коллекциях фрейлейн Эллен не дает ему покоя.

474. Рахиль продолжает разговор с портье. Вдруг она спрашивает его:

475. МОЖНО МНЕ ПРОТЕЛЕФОНИРОВАТЬ В АДРЕСНЫЙ СТОЛ?

476. Портье удивлен, но он отвечает — пожа-

луйста. Рахиль входит в телефонную кабинку, снимает трубку…

477. Рогдай медленно спускается по лестнице. Он входит в телефонную кабинку, расположенную рядом с первой.

478. Рахиль у телефона:

479. АДРЕСНЫЙ СТОЛ? СООБЩИТЕ МНЕ АДРЕС ЛЬВА РАТКОВИЧА, РУССКОГО ПОДДАННОГО…

480. Стеклянное окошечко в перегородке, отделяющее одну кабинку от другой. Сквозь окошечко виден затылок Рахили и спина Рогдая.

481. Рогдай у телефона.

482. Салон Гренне. Старая баронесса подходит к телефону.

483. Рогдай у телефона:

484. МОЖНО ПОПРОСИТЬ БАРОНЕССУ ЭЛЛЕН?..

485. Старуха, кивая головой, отходит от телефона.

486. Помещение адресного стола. Барышня ищет фамилию Ратковича, палец ее задерживается у фамилии Рогдай, ползет дальше, она не находит нужной фамилии, говорит в телефон:

487. ЛЕВ РАТКОВИЧ, ВЫХОДЕЦ ИЗ РОССИИ, У НАС НЕ ЗНАЧИТСЯ…

488. Рахиль вешает трубку, выходит из кабинки.

489. Портье обращается к Рахили:

490. ВЫ БУДЕТЕ У НАС ГЛАДИЛЬЩИЦЕЙ ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ…

491. Портье велит номерному отвести Рахиль в помещение для прислуги. Рахиль, Баулин и номерной уходят.

492. Рогдай ждет у телефона.

493. Стеклянная матовая дверь комнаты Эллен. Старая баронесса подходит к двери, хочет постучать, но в это мгновенье в комнате Эллен гаснет свет.

494. Рогдай ждет у телефона.

495. Старая баронесса подходит к телефону:

496. ПРОСТИТЕ, У ЭЛЛЕН СЕЙЧАС УРОК АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.

497. Рогдай опускает трубку, он забыл положить ее на телефон.

498. Телефонная трубка болтается у стены.

499. Номерной и Рахиль спускаются вниз в подвал. Мраморная лестница, перекрытая ковром, сменяется цементной лестницей, еще ниже идут осклизлые, темные, разбитые ступени, забросанные всякой дрянью. Номерной и Рахиль минуют подземелье, подходят к двери, заколоченной бревнами. Номерной потянул дверь к себе. Из комнаты вырвалась туча пара. Рахиль отшат-

нулась.

500. ЧТО ЭТО?

спрашивает она у номерного.

501. ЭТО ПРАЧЕЧНАЯ…

отвечает служитель, берет ее за руку…

502. вводит в густую смрадную завесу из пара и дыма. В обширном подземелье, в мощных, все заволакивающих столбах пара, колеблются неясные, скрюченные очертания людей. Вдали в непроницаемом тумане едва намечаются бредущие фигуры номерного и Рахили.

503. Служитель подводит Рахиль к большому гладильному столу. У стола зияет отверстие трубы, через которую подается в прачечную грязное белье. Из трубы сыплются ночные рубахи, измятые простыни. Рахиль отступает.

504. Я НЕ БУДУ РАБОТАТЬ В ЭТОМ АДУ…

505. кричит она. Служитель смеется:

506. ТОГДА СНИМИТЕ СЕБЕ, ФРЕЙЛЕЙН, НОМЕР В БЕЛЬЭТАЖЕ…

507. Довольный своей остротой, он смеется все громче. Из клубящегося тумана выползают один за другим китайцы, голые до пояса, с дымящимися, пенящимися руками. Они подбираются к Рахили совсем близко, клубы пара колеблют смутные линии желтых их тел, китайцы, глядя

на хохочущего лакея, медленно растягивают рты и усмехаются. В это мгновение из трубы вываливается громадная куча белья и погребает под собой Рахиль.

508. Экран окутан паром. Два огненных луча пробиваются сквозь пелену тумана, движутся и растут.

509. По ослепительной Фридрихштрассе мчится автомобиль. Рядом с сиденьем шофера свалены чемоданы. В автомобиле Маффи и Рогдай. Они едут на вокзал.

Седьмая часть

510. ПОСЛЕ ПОБЕДНОГО ШЕСТВИЯ ПО ГОРОДАМ ЕВРОПЫ РОГДАЙ ВЕРНУЛСЯ В БЕРЛИН И ОБЪЯВИЛ ТАМ СВОЙ ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ.

511. Берлин. Ночь. Площадь перед театром. Освещенная громада театра. Толпа бурно атакует главный подъезд.

512. Капельдинеры сдерживают у закрытых дверей натиск толпы. По обеим сторонам подъезда афишные столбы. На них наклеены афиши о концерте Лео Рогдая. Уличные мальчишки забрались на афишные столбы. Они ждут момента, когда можно будет нырнуть в толпу и пробраться в театр зайцами.

513. Мальчишки, свесившиеся с афишных столбов. На афише о концерте Лео Рогдая — дата: 9 МАРТА 1914 ГОДА.

514. Боковые подъезды театра. Цепь зеленых газовых фонарей. Съезд аристократической публики.

515. Вереница автомобилей и карет, вытянувшихся у подъезда.

516. Помещение кассы. Хвост у кассы. Кассир выдает последний билет, вывешивает табличку

об аншлаге и захлопывает окошечко.

517. Бурлящая толпа перед главным подъездом. Конные шуцманы врезываются в толпу.

518. Угол уборной, где сидит Рогдай. Сумрак. Настольная лампа прикрыта абажуром. Рогдай сидит спиной к зрителям. Длинные ноги его вытянуты, голова упала. Лицо Рогдая медленно поворачивается к зрителю. Призрачное, страстное, худое — оно неузнаваемо изменилось за год.

519. ПОСЛЕ ГОДА СЛАВЫ И ГОДА ДРУЖБЫ С СИНЬОРОМ ВИТТОРИО МАФФИ.

520. Скрипач протягивает узкую руку к бутылке вина. Рядом с вином лежит скрипка и смычок. Рогдай во фраке, в бальных туфлях. Он рассматривает этикетку на бутылке, лицо его дергается. Он говорит подбежавшему лакею:

521. УБЕРИТЕ ЭТУ ВОДИЦУ, ДАЙТЕ МНЕ АБСЕНТУ…

522. Капельдинер уносит вино.

523. Скрипка, смычок. Пальцы Рогдая перебирают струны.

524. Лакей приносит другую бутылку. Рогдай наливает себе абсент, пьет.

525. Длинное запрокинутое горло Рогдая, раздувающееся от вливаемого в него спирта.

526. Главный подъезд театра. Капельдинеры

открывают двери. Толпа врывается в вестибюль. Люди теснят друг дружку, работают локтями.

527. Мальчишки соскальзывают с афишных столбов и по головам, по спинам публики пробираются в вестибюль.

528. Одна из боковых лестниц театра. Вверх по лестнице несутся измятые, возбужденные люди. Передовой потрясает обломком трости.

529. Другая лестница. Множество людей, в их числе Баулин и Рахиль, — бегут на галерею.

530. Ослепительно освещенный театральный зал. Из всех дверей вливаются потоки людей.

531. В фойе. Профессор Рети, нисколько не утративший своей восторженности, внушает окружающей его молодежи:

532. ОН БЫЛ МОИМ УЧЕНИКОМ, ГОСПОДА…

533. Вокруг старика сбивается толпа. Он с энтузиазмом рассказывает им о своем ученике, о чудесной его истории.

534. Группа русских занимает самые дешевые места на галерке. Они хохочут, толкаются и ведут себя так же, как ведет себя счастливая молодежь на всех галерках мира. Баулин дает Рахили апельсин, она надкусывает его.

535. Барьер ложи. На барьере резной веер, бинокль, отделанный жемчугами, длинная коробка

конфет. Рука Эллен переламывает конфету и отбрасывает ее.

536. В ложе баронессы Гренне. У барьера застыла декольтированная, потрясающе бледная Эллен и старушка баронесса в черной наколке. В глубине ложи безмятежно спят граф Сан-Сальвадор и барон Сант-Яго, украшенные неизменными лентами и орденами.

537. Первые ряды кресел, дорогие ложи. Декольтированные женщины, лорнирующие друг друга. Тщательно вымытые и выбритые мужчины.

538. Русские наконец уселись. Рахиль доела свой апельсин. Она обращается к Баулину:

539. О РОГДАЕ ГОВОРЯТ, ЧТО ОН ВЫХОДЕЦ ИЗ РОССИИ..

540. Баулин отвечает — не знаю; он протягивает Рахили еще один апельсин. Смеясь, она отдает Баулину половину.

541. Рогдай в уборной настраивает скрипку.

542. Зрительный зал. Публика на своих местах. Капельдинеры закрывают дверь. Люстры медленно гаснут.

543. Гаснущие люстры. Желтый, умирающий их свет.

544. Поднимается занавес. На сцене симфонический оркестр. Ждут дирижера.

545. Рогдай настроил скрипку. Он берет пальцами несколько аккордов, один тише другого, бросает скрипку и скрывается за портьерой. Вбегает капельдинер:

546. ВАШ ВЫХОД…

547. За портьерой Рогдай делает себе впрыскивание морфием…

548. На сцене. Дирижер подходит к пюпитру, оглядывается, ищет глазами Рогдая.

549. Капельдинер мечется по уборной Рогдая.

550. ВАШ ВЫХОД…

551. Рогдай выходит из-за портьеры. Он берет скрипку, бежит к выходу.

552. Зрительный зал. Тьма. Молчание. Сотни рук начинают аплодировать.

553. В далекой перспективе сияющая сцена. К рампе подходит крохотный, уменьшенный расстоянием Рогдай и раскланивается.

554. Руки Рахили разжимаются, из них выпадает программа и кусок апельсина.

555. Листок бумаги, колеблясь в воздухе, летит с галерки и падает в партер на чью-то шевелюру.

556. Лицо Рахили. Она подалась вперед, страшное волнение сотрясает ее. Она кричит:

557. ЛЕВУШКА…

558. Баулин зажимает ей рот.

559. В далекой перспективе сцена. Рогдай играет.

560. Кассир бежит по коридору. В руках у него плетеный железный ящик с деньгами.

561. Угол уборной Рогдая. Маффи проверяет корешки проданных билетов. Вбегает кассир и торжественно ставит перед Маффи ящик с деньгами:

562. АНШЛАГ, СИНЬОР МАФФИ, СУМАСШЕДШИЙ АНШЛАГ…

563. Маффи вынимает из ящика кучу денег, тик трогает его щеки, весь стол усеян кредитками.

564. Куча денег на столе. Большие белые руки Маффи прикрывают разбросанные кредитки, на указательном пальце Маффи блестит перстень благородной и редкой формы.

565. Блещущий бриллиант в перстне у Маффи. Из бриллианта…

566. Пальцы Рогдая, с дьявольской быстротой бегущие по струнам.

567. Восторженный профессор Рети всячески мешает своим соседям: он жестикулирует, подпевает, машет руками.

568. Бледное, искаженное, вдохновенное лицо Рогдая. Оно прижато к скрипке.

569. Пальцы Маффи, пересчитывающие день-

ги.

570. Скрипка Рогдая, поющий его смычок, растрепавшиеся волосы.

571. Пальцы Маффи, пересчитывающие деньги. На них ложится рука Эллен.

572. Маффи поднимает голову. Перед ним Эллен.

573. ВИТТОРИО…

574. говорит она с нежностью:

575. …ВЫ НЕ ЛЮБИТЕ МЕНЯ, ВИТТОРИО?..

576. Скрытая зевота раздувает челюсти и скулы Маффи. Он борется с зевотой, облетающей его лицо, и не сводит с Эллен внимательных глаз.

577. ЛЮ… ЛЮБЛЮ…

578. цедит он, нехотя сгибается и целует руку, на которой пальцы Эллен провели четыре кровавых истерических полосы.

579. Пальцы Рогдая, бегущие по струнам.

580. Потухшие люстры под расписным потолком театра. Лампочки наливаются желтым светом, разгораются.

581. Сотни аплодирующих рук. Отделение кончилось.

582. Лестница. Голые серые стены. Рахиль бежит вниз.

583. Рогдай в своей уборной. Он окружен толпой

поклонников и поклонниц. Женщины аплодируют под самым его носом. Жестикулирующий, восторженный профессор Рети атакует его. Мимо них проходит Эллен. Рогдай расталкивает толпящихся вокруг него людей, увлекает Эллен в глубь комнаты. Он спрашивает задыхаясь:

584. В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ, ЭЛЛЕН, — ДА ИЛИ НЕТ?..

585. Эллен вырывает руку, она рассеянно бормочет:

586. ДА, ДА, ДА…

587. И уходит.

588. Рахиль бежит вниз по лестнице, вдоль глухих серых стен.

589. Рогдай обращается к одному из хлыщей, хлопающих в ладоши под самым носом виртуоза:

590. ПОСЛУШАЙТЕ… Я ХОЧУ НАПИТЬСЯ СЕГОДНЯ…

591. Франт вытягивается в струнку и шутливо отдает честь:

592. ЕСТЬ, КАПИТАН…

593. У входа в уборную Рогдая. Капельдинер загораживает дорогу Рахили, пытающейся прорваться за кулисы.

594. ПРОПУСТИТЕ МЕНЯ К РОГДАЮ…

595. кричит она и отталкивает служителя; он замахивается. Из-за двери выглядывает Маффи:

596. ЧТО ЗДЕСЬ ЗА ЯРМАРКА?

597. Рахиль бросается к Маффи, она умоляет пропустить ее за кулисы. Маффи склоняется перед девушкой; поклон этот — очень светский, очень тонкий, едва заметный:

598. С КЕМ ИМЕЮ СЧАСТЬЕ?

599. Рахиль:

600. Я РАХИЛЬ МОНКО, ЗЕМ… ЗЕМЛЯЧКА РОГДАЯ…

601. Итальянец кланяется во второй раз, берет руку девушки, и прежде чем поднести к губам загрубелую эту, красную, с дурно остриженными ногтями руку, он окидывает ее мгновенным боковым взглядом и задерживает трепещущие пальцы в своей большой и спокойной руке. Рахиль дергает руку, итальянец целует кисть ее на сгибе, кланяется в третий раз и говорит:

602. НЕ БУДЕМ ВОЛНОВАТЬ РОГДАЯ ВО ВРЕМЯ КОНЦЕРТА, НЕ УГОДНО ЛИ ПОЕХАТЬ КО МНЕ, ОН ДОЛЖЕН БЫТЬ У МЕНЯ ЧЕРЕЗ ЧАС…

603. Рахиль пожимает руки Маффи. Итальянец вынимает из жилетного кармана пудреницу, карандаш для губ и протягивает их растерявшейся Рахили:

604. НЕ УГОДНО ЛИ ПОПРАВИТЬСЯ?

605. Рахиль отшатывается. Карман ее платья расстегивается, в кармане — дуло маленького браунинга.

606. Пальцы Маффи захлопывают крышку пудреницы.

607. Дуло браунинга, выглядывающее из кармана.

608. Маффи прячет пудреницу и карандаш для губ в жилетный карман и уводит Рахиль.

609. Подъезд театра. Автомобиль Маффи. В машине дремлет шофер. Ни лица, ни рук его не видно. Шофер закутан в шубу, возвышающуюся над рулем меховой бесформенной глыбой. Трудно угадать человека за этой торчащей шершавой скалой. К автомобилю подходят Маффи и Рахиль. Итальянец подсаживает девушку, захлопывает за ней дверцу, расталкивает шофера. Из невообразимой кучи меха не спеша высовывается маленькое морщинистое и удивительно равнодушное лицо шофера. Маффи говорит, куда ехать, и прыгает в автомобиль… Прожекторы автомобиля зажигаются. Два стремительных луча ложатся на мостовую. Машина двинулась.

610. Ночь. Улица Берлина. В высоте вращается ослепительная электрическая скрипка с гигант-

скими буквами: ЛЕО РОГДАЙ.

611. Автомобиль Маффи выбрался из центра города. Он вьется между телегами, везущими на рынок битых свиней.

612. Усаженная платанами аллея возле виллы Гренне. Ночь. Колеблющиеся верхушки деревьев. Внизу на земле летит автомобиль Маффи, и впереди него летят две огненные стрелы прожектора.

613. Салон баронессы Гренне. Ночь. Венецианское окно. Луна плывет мимо окна и бросает мертвенный свой луч на статую, стоящую в нише у окна, на мраморное слепое лицо Аполлона.

614. Маффи и Рахиль выходят из автомобиля. Итальянец вынимает из вазочки, вделанной в стенку автомобиля, розу и преподносит ее Рахили.

615. Вестибюль в доме Гренне. Звонок. Швейцар открывает дверь. Маффи отводит швейцара в сторону и строго ему что-то наказывает. Лакей — рослый малый с прекрасным и двусмысленным лицом — искоса взглядывает на Рахиль.

616. Салон Гренне. Лакей открывает свет. Маффи указывает девушке место возле статуи Аполлона и сам растягивается в кресле против нее. Он закуривает сигару. Рахиль:

617. НЕ ПРАВДА ЛИ, МЫ ДОЛЖНЫ ЗАСТАВИТЬ РОГДАЯ
ПОРВАТЬ КОНТРАКТ С ЕГО АНТРЕПРЕНЕРОМ?.. ОН СОВСЕМ БОЛЕН, ЕМУ НАДО ЛЕЧИТЬСЯ, НЕ ПРАВДА ЛИ?

618. Маффи утвердительно кивает головой. Дверь в салон слегка приоткрывается. Рахиль вскакивает, она застывает у статуи Аполлона.

619. В комнату входит полицейский чиновник. Рахиль всем телом подается вперед и видит полицейского и пробор его, расчесанный тщательно, до блеска. Маффи кланяется чиновнику, выхватывает из кармана Рахили револьвер, кладет его на стол и говорит, указывая на девушку:

620. ИМЕЮ ЧЕСТЬ ПРЕДСТАВИТЬ ВАМ РАХИЛЬ МОНКО, РУССКУЮ УГОЛОВНУЮ ПРЕСТУПНИЦУ, БЕЖАВШУЮ ИЗ РОССИИ И ПОДЛЕЖАЩУЮ НЕМЕДЛЕННОЙ
ВЫДАЧЕ РУССКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

621. Лицо Рахили, обращенное к Маффи. Она выронила цветок, преподнесенный ей итальянцем. Смятая роза падает на браунинг.

622. Роза и револьвер.

Восьмая часть

623. На блюде красуется жареный гусь с плюмажем. Гусь этот служил для кутящей компании пепельницей. Он весь истыкан окурками.

624. Блюдо с нетронутым гусем стоит посредине стола, забросанного посудой, залитого вином. Рука Рогдая втыкает в гуся дымящуюся папиросу.

625. Отдельный кабинет ресторана. Рассвет. Остатки постыдного пиршества. Рогдай, шатаясь, делает несколько шагов.

626. Он переступает бездыханное тело валяющегося на полу человека. Спящий подогнул ноги, он закусил бифштекс, наколотый на вилку, и так и заснул.

627. Разгорающееся небо. Восход солнца,

628. Улица в Берлине. Одинокий дворник метет тротуар у отеля «Империя». Дворник облокачивается на метлу, заворачивает рубаху, чешет голый живот и, подняв всклокоченную голову к небу, зевает, долго, упрямо, с дрожью.

629. Сквозь ветви озаренных солнцем деревьев виден котел для выварки цемента. В котле, спутавшись, перемешавшись грязными телами, спят беспризорные ребята. Один из них проснулся,

чихнул, протянул к небу черные, тонкие руки и подмигнул пьяному, прислонившемуся к котлу. Пьяный этот — Рогдай. На нем фрак, бальные туфли и смятый цилиндр, надвинутый на лоб.

630. Рогдай приподнимает цилиндр, мутные его глаза бессмысленно устремлены на подмигивающего мальчика; он уходит шатаясь.

631. Конура Баулина рядом с камерой парового отопления. Комната изрезана вздутыми жилами — трубами от котлов. Комната стиснута пыльными лапами труб. Бородатый, плохо одетый человек русского обличья, расхаживает по комнате. В неутомимом его хождении чувствуется давнишняя тюремная сноровка. Он протоптал полосу от одного угла к другому… Отлакированная полоса мерцает на выщербленном полу. Рядом с конурой — камера парового отопления. Баулин возится у котлов.

632. Баулин растапливает котел, разбивает молотом уголь. Он работает рассеянно и по недосмотру колотит по башмакам, брошенным рядом с грудой угля. Истопнику невмочь работать, тоска одолевает его. Он превратил башмаки в блин и не видит этого. Баулин бросает молот, идет в свою комнату. Бородатый человек приостанавливает бег, он говорит, глядя на Баулина в упор:

633. ИТАК,
ТОВАРИЩ БАУЛИН, МЫ НЕ ВОЗРАЖАЕМ ПРОТИВ ОТЪЕЗДА ВАШЕГО В РОССИЮ НА НЕЛЕГАЛЬНУЮ РАБОТУ…

634. Баулин кивает головой. Он подходит к окну, вырезанному высоко в стене под потолком. В окно видны заплетающиеся ноги в бальных туфлях, ноги Рогдая.

635. Прачечная в отеле «Империя». Китаец заснул над грудой выглаженных им крахмальных мужских рубах. Тонкая струйка слюны вытекает изо рта спящего и растекается по сияющей манишке. Стол Рахили свободен. В комнату входит Баулин. Он склоняется над столом Рахили, смотрит на часы, показывающие четвертый час утра.

636. Солнце всходит над платановой аллеей, ведущей к дому Гренне.

637. Рогдай, путаясь в деревьях, пробирается к вилле.

638. Вестибюль в доме баронессы. Вещи и мебель разбросаны в беспорядке. Уборка. Стулья поставлены на столы, вешалка отодвинута. Вдоль стены крадется Рогдай.

639. В коридоре. Рогдай натыкается на бархатную портьеру, отделяющую одну из комнат от коридора. Из комнаты доносятся голоса… Рогдай

слушает, цепенеет.

640. Комната баронессы Гренне. Маффи в бешенстве колотит хлыстом по столу. Перед ним в служебных позах баронесса, граф Сан-Сальвадор и барон Сант-Яго. Маффи кричит:

641. ВСЕ, ЧТО Я ЗАРАБАТЫВАЮ НА КОНЦЕРТАХ РОГДАЯ, УХОДИТ НА ВАШУ ЗЛОВОННУЮ ДЫРУ… С ВОСКРЕСЕНЬЯ ПОВЫСИТЬ РАСЦЕНКУ НА ЖЕНЩИН. НА ЭЛЛЕН В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ…

642. Маффи размахивает хлыстом перед самым носом баронессы.

643. Рогдай заворачивается в портьеру.

644. Маффи трясет графа Сан-Сальвадор:

645. А ВАС Я ВЫГОНЮ И ВОЗЬМУ НА ВАШЕ МЕСТО ЭКС-КОРОЛЯ ПОРТУГАЛЬСКОГО…

646. Шевелящаяся портьера. За тяжелыми ее складками содрогающееся тело Рогдая.

647. Ободранный граф Сан-Сальвадор отступает перед разъяренным своим повелителем. Старик, перепуганный насмерть, крестится мелким частым крестом.

648. Рогдай пробирается вдоль стены. Видна только сутулая его спина.

649. В коридоре старинные часы бьют четыре. Кукушка кивает бойко головой.

650. Рогдай открывает дверь в комнату Эллен

и отшатывается.

651. Край неба. Восход солнца.

652. В комнате Эллен. Она спит в постели с Кальнишкером.

653. Рогдай пробирается к ночному столику, где в стакане воды лежит искусственная челюсть Кальнишкера. Рогдай берет челюсть, пальцы его сжимаются.

654. Пальцы Рогдая сжимают челюсть Кальнишкера. Диафрагма.

655. Из диафрагмы: слепое мраморное лицо Аполлона.

656. Письменные принадлежности, разложенные с необыкновенной тщательностью и любовью: чернильница, стопка ручек и карандашей, тряпочка для обтирания перьев, аккуратно нарезанная бумага, пресс-папье, машинка для оттачивания карандашей.

657. Салон баронессы. Допрос Рахили полицейским чиновником. Рахиль прижалась к статуе. Чиновник пишет протокол — много часов. Он пишет медленно, каллиграфически, забыв обо всем на свете. Почерк его — дьявольской красоты.

658. ИТАК,
ВЫ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, А НЕ УГОЛОВНАЯ?..

659. спрашивает чиновник и, получив утверди-

тельный ответ, снова начинает разрисовывать исписанные листы, похожие больше на японские гравюры, чем на рукопись.

660. Рахиль обнимает мраморные ноги Аполлона. Статуя чуть-чуть сдвинулась с деревянного своего основания.

661. Рогдай входит в гардеробную комнату Эллен. Он открывает платяной шкаф и перебирает платья, висящие на плечиках.

662. Раскрытый шкаф Эллен. Вещи светской женщины. Туфли, платья, духи, перчатки.

663. Рогдай находит платье, в котором была Эллен, когда они познакомились, платье с длинным расшитым золотом поясом.

664. Баронесса Гренне и старички выходят гуськом из комнаты… Разъяренный итальянец бросает им вслед хлыст и попадает в согбенную спину Сан-Сальвадора.

665. В гардеробной Эллен. Рогдай снимает со стены портрет, изображающий его в пору юности и силы. В стену вбит крюк.

666. Крюк на стене.

667. В салоне. Чиновник кончил четвертую страницу и собирается писать пятую. Не спеша промокает он исписанный лист, любуется им, встряхивает его. В комнату входит Маффи:

668. ВЫ ЕЩЕ ЗДЕСЬ?

669. Чиновник, брошенный с небес на низменную землю:

670. ФРЕЙЛЕЙН УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ОНА ИМЕЕТ ЧЕСТЬ БЫТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНИЦЕЙ. Я ПИШУ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ КРАТКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ…

671. Маффи зевает, машет рукой:

672. КОНЧАЙТЕ И УВЕЗИТЕ ЕЕ… ПОРА СПАТЬ…

673. Маффи снимает с себя фрак, кидает его. Фрак зацепился за статую и повис на руке Аполлона. На тахте для Маффи приготовлена постель. На ночном столике выставлено все, что бывает нужно ночью сорокалетнему мужчине, т. е. облатки, бутылка содовой воды, французский роман, халат и проч. и проч. Итальянец расстегивает воротник. Морщится, воротник сидит туго.

674. Рахиль, не отходя от статуи Аполлона, спрашивает Маффи:

675. ГДЕ РОГДАЙ?

676. Маффи швырнул воротник, наливает себе содовой воды и отвечает:

677. РАЗВЕ Я СТОРОЖ БРАТУ МОЕМУ, АВЕЛЮ?..

678. Статуя Аполлона сдвинулась с места. Рахиль уперлась в нее плечом, она сбрасывает с пьедестала саженную фигуру. Статуя Аполлона

падает на пол, на тахту, разбивает голову Маффи, разлетается на множество кусков.

679. Рахиль повалила Маффи на тахту. Она царапает ему лицо и кричит:

680. ГДЕ РОГДАЙ?

681. Голова Маффи разбита, глаза залеплены. Рахиль душит его, чиновник набрасывается на девушку, зажимает ее в наручники.

682. Окровавленный, ослепленный Маффи щупает руками воздух. Он приподнимается и ползком тащится к Рахили.

683. Полицейский волочит по полу отбивающуюся Рахиль. Вышибает дверь и у портьеры в соседней комнате натыкается на чьи-то ноги.

684. Тело Рогдая, повесившегося на поясе, расшитом золотом, покачнулось от толчка. Оно медленно вертится и поворачивается удавленным лицом к зрителю.

685. Рахиль заглянула в лицо самоубийцы, подняла кверху руки, закованные в кандалы, и упала на пол.

686. Маффи ползет за Рахилью следом. Он нащупывает в кармане револьвер, вынимает его и стреляет не целясь.

687. Рука Рогдая, сжимавшая челюсть Кальнишкера. Пуля пробивает руку, пальцы мертвеца

разжимаются, выпускают челюсть. Тело удавленника вертится и оборачивается спиной. Диафрагма.

688. Конура Баулина. Бородатый человек, примостившись у труб, чинит свои штаны, он зашивает их неумелыми, мужскими, солдатскими стежками и изредка взглядывает в сторону камеры парового отопления, где Баулин разводит котлы.

689. Баулин у пылающего котла. В подвал тихонько входит Рахиль… Она снимает косынку с головы. Голова ее седа. Она прислонилась к стене, молчит, потом спрашивает, не поднимая головы:

690. КУДА ТЕПЕРЬ?..

691. Пламя разгорающихся углей. Баулин отвечает:

692. ТЕПЕРЬ В РОССИЮ…

693. В переплете труб лицо бородатого человека, склонившегося над штанами. Он скосил глаза в сторону Баулина и снова отвел их.

694. Полоса на полу, протоптанная Баулиным и его другом.

Блуждающие звезды. Рассказ для кино

Брянский вокзал в Москве. Над стеклянным навесом вокзала — ночь. К перрону подходит киевский поезд. Перронная толчея, перронная любовь — и носильщики, мгновенные провожатые нашей любви. Носильщики катят тележки, заполненные тюками битой птицы и живой птицы в клетках. Девушка, приехавшая из еврейского местечка Деражни, запуталась в скрежещущих потоках и преградила им путь. Девушку зовут Рахиль Монко. Тележки виляют вокруг нее с железным лязгом и чертят молнии.

— Видать нашенских, — ревет носильщик над ухом Рахили и, грохоча, несется дальше. Носильщик этот мал ростом, твердое его лицо похоже на все лица в мире и ни на кого не похоже, а голос его чист, громаден, полон победы и бешенства.

— Видать нашенских из Царевококшайска, — ревет носильщик и, грохоча, несется дальше. Машины грома заведены над Рахилью, она валяется в ногах у перронной любви, все эскадроны ночи стучат копытами по стеклянному навесу

Брянского вокзала.

Рахиль Монко приехала из местечка Деражни затем, чтобы поступить на Московские Высшие женские курсы или, если это не удастся, то в зубоврачебную школу. Лицо у Рахили такое же, какое было у Руфи, жены Вооза, у Вирсавии, наложницы Давида, царя Израильского, или у Эсфири, жены Артаксеркса. В Москву Монко привезла рекомендательное письмо от земского деражненского агронома к Ивану Потапычу Буценко, содержателю номеров «Россия». О Рахили можно сказать, что любовь ее к науке была так же велика, как любовь к истине у Ленина, у Дарвина или у Спинозы.

Рахиль садится в трамвай, отходящий от Брянского вокзала. Блеск трамвайных огней ошеломляет ее. Надо помнить, что за всю жизнь она ни разу не выезжала из Деражни. Рахиль не может сдержать себя, она смеется от счастья. Старый человек сидит рядом с ней, старый человек в форменном картузе. По должности он участковый полицейский врач. Когда была его пора — он был любим многими женщинами, и все женщины, любившие его, были истеричками. Характер доктора нежен и апатичен. Он смотрит на Рахиль и думает о том, что вот этой девушке предстоит

узнать все то, что для него стало прошлым, и все же она знает о жизни больше, чем он, старый человек, который начинает уже догадываться о смерти. Девушка знает больше, иначе она не смеялась бы.

— Отчего вы смеетесь? — спрашивает ее доктор и приподнимает фуражку над нежной лысеющей головой.

— Так приятно ездить в московском трамвае, — отвечает Рахиль и смеется еще пуще.

Тогда доктор отодвигается от нее.

«Истеричка, — думает он. — О боже мой, все они истерички».

Номера «Россия» помещаются на Варварке, у Старой площади, в древнем переулке. Их содержат старые старики, Буценки, Иван Потапыч и Евдокия Игнатьевна. Жизнь этих людей была чиста и счастлива. Они родили много здоровых детей, из которых каждый кончил специальное учебное заведение. Межевой институт, или Горный институт, или Петровско-Разумовскую Академию. Никто из сыновей Буценко не страдал дурными русскими страстями, т. е. они не уходили в богоборцы, не вешались в станционных уборных, не женились на еврейках.

Номера стариков Буценко отличались чисто-

той. Чистота в них сияла, как лик Иисуса Христа. В каждом номере к кровати, к кисейному пологу был привешен образок. Останавливались в «России» хлебные торговцы из Ливен, из Ельца, из Ряжска — люди с неопасными склонностями, требовавшие, чтобы ужин подавался бы в номер и состоял бы из домашних блюд, приготовленных как угодно, но только не по-ресторанному.

Прислуг Буценко держали необыкновенно душевных. Это всегда бывали болезненные бабы из очень дальних краев, из Архангельской губернии, с Белого моря, и русский говор этих баб был так цветист и прекрасен, что кабы они не служили в номерах, то их можно бы сделать сказительницами северных сказок и былин, и они имели бы успех в театрах.

Таковы были номера «Россия».

Кухня Буценок. Евдокия Игнатьевна, малиновая старушка, стряпает у плиты; Иван Потапыч, завернутый в душистую летящую седину, пишет меню на завтрашний день. В конце каждого листка он ставит — «С почтением». Оба супруга в передниках, у обоих оттопыриваются опрятные тугие животы.

Звонок. В кухню входит Рахиль Монко и, робея, подает письмо, Иван Потапыч читает письмо

стоя и с серьезностью, как судья, выслушивающий присягу свидетелей, но чем дальше, тем лицо Буценко светлеет все умильнее.

— От Владимира Семеныча, — говорит он малиновой старушке, — от милого знакомца…

Вот письмо Владимира Семеныча:

…Любезнейший Ванек, Иван Потапыч. Предъявительницу сего, мою землячку, человека большой души, рекомендую тебе в качестве помесячной жилицы со столом. С наивозможнейшими трудностями вырвалась она из нашей богом (увы и ах!) не хранимой дыры, дабы продолжить зубоврачебное или иное, к которому представится возможность (в чем, Ванек, крепко уповаю на тебя и на хлопотунью Евдокию Игнатьевну, которую помню совсем как бы во вчерашний день, не знаю, как она меня, искренне желалось бы, чтобы обоюдно), образование, к которому землячка моя питает «влечение, род недуга…»

Письмо это, слезясь и умиляясь, Иван Потапыч прочитал до конца, потом он мягкими дедовскими руками взял руки Рахили.

— Владимира Семеныча мне не забыть, — сказал старик, — в запрошлом году в Останкине мы пировали с ним на Рождество…

И больше Иван Потапыч ничего не мог сказать потому, что ему трудно было объяснить историю его знакомства с Владимиром Семенычем, в которой не было ничего интересного для людей и было так много душевных сокровищ для него самого, для Ивана Потапыча.

В запрошлом году, в превосходную снежную ровную зиму, он поехал к старшему сыну в Останкино на елку и повстречался там с чьим-то другом, неведомо чьим, с Владимиром Семенычем. Гости, приехав, одарили детей, осыпали для веселья снег с крыши, сбивали ледяшки с водосточных желобов и потом выпили французского вина. Опьянев, Владимир Семеныч стал признаваться старому Буценке в таких тайных вещах, о которых не стоило бы говорить чужим людям, но агроном говорил, так тягуче и искренно, так внимательно и насмешливо, что никакого стыда в этом не было, а была только любовь к чужому человеку, т. е. Ивану Потапычу. Он рассказал старику, что жена его очень молчаливая женщина, добивается того, чтобы не рожать от него детей, и еще тайные вещи.

На следующий день гости встали в двенадцатом часу, полдень был похож на утро, снег блестел, окна искрились и ваточная нянька, шаркая, кряхтя и сдержанно радуясь, разносила дрова по печкам.

В Москву Иван Потапыч ехал в маленьких санках вместе с агрономом. Их везли серые лошади с круглыми крупами, хорошо выезженные, и старик не мог довольно надивиться тому, что он не испытывает изжоги или дурноты от выпитого вчера вина, и поэтому еще больше любил случайного своего спутника.

Вот и все знакомство Буценки с агрономом. Владимир Семеныч присылал еще два письма из провинции, в которых просил о приятных одолжениях: в одном — о высылке каталога семян, в другом просил справиться, действительно ли симментальский молочный скот из Деражни получил на Московской сельскохозяйственной выставке похвальный отзыв, а третье письмо было об Рахили. За выполнение последней этой просьбы Иван Потапыч взялся с горячностью. Он закричал жене очень громко: «Вздуй нам, мать, самоварчик и навали нам пирогов, мать...» — и повлек Рахиль в предназначенный ей номер. Из окна этой комнаты видна была синяя церков-

ка с желтыми луковками и синими звездами, написанными на куполах. Увидев церковку, Рахиль поняла, что в ее жизни все изменилось к лучшему и что она увидела, наконец, Москву, предел своей мечты. Старик, пыхтя и обливаясь светящимся потом, принес кувшин воды и стал поджидать с полотенцем в руках конца сборам Рахили. Но сборы ее были долги. Девушки, возросшие в строгой семье и ждущие от жизни многого, умываются долго. Старику надоело ждать, и он перелистал брошенный на стол паспорт новой жилицы. Паспорт был на имя Рахили Хананьевны Монко, и на третьей его странице была оттиснута печать — «Где евреям жить дозволено».

Рахиль кончила умываться и протянула к старику за полотенцем красные сильные руки. Но лицо старика стало жалким и сердитым.

— Стыдно вам обманывать, — сказал он и одернул полотенце, — ах, какой стыд…

Он побежал слабыми шагами из комнаты и встретился на пороге с Евдокией Игнатьевной, отягощенной подносом, окутанной парами самовара, пирогов и пышек.

— Обратно, — закричал Иван Потапыч, — поучись у людей, мать, они стыд на помойку кинули…

Рахиль не нашла пристанища в номерах «России». До полуночи она блуждала в поисках ночлега и в полночь пришла изнеможенная на Воскресенскую площадь к Иверской. Там у Иверской трещал веселый гром московской улицы. Цыганята, плясавшие на мостовой, кинулись к Рахили и взяли ее в круг. Цыганята кружились, пели и потрясали бубном. Старый перс приблизился к девушке и положил ей руку на плечо. Крашеным царственным пальцем он прикоснулся к ее груди. И потом юродивый зашагал к ней на голых, розовых, чудовищно тонких ногах. Ноги его гнулись и скрипели в сочленениях, желтая слюна кипела в клочковатых усах и синий луч блестел в цепях, оковывавших шею калеки. Синий луч блистал в железе, как обледеневшая аллея блестит под луной, воск сиял и растапливался в часовне, веселый бой московской улицы играл вокруг Рахили.

Перс, не снимавший с девушки старых глаз, ущипнул ее раскрашенным пальцем, цыганята погнались за нею и стали обдирать ей подол. Тогда Рахиль побежала изо всех сил. Она пересекла Красную площадь, пересекла Москву-реку и вбежала в Замоскворечье, в искривленный переулок. В переулке этом, в конце его, над обо-

дранной дверью, бурно дымился фонарь. «Номера для приезжающих с удобствами» — было написано под фонарем. «Номера — Герой Плевны».

Звезды в переулке были громадны, снег чист, небеса глубоки.

В служебном отделении гостиницы «Герой Плевны» коридорный Орлов, вдовый человек, снаряжает ко сну сына своего Матвея. Матвею пошел одиннадцатый год, он укутан в пурпурное оранжевое тряпье, штаны его состоят из многих частей, отец стаскивает с него каждую часть отдельно. Мотька выучил только что стихотворение, к завтрему в школу. И он не может утерпеть, чтобы не рассказать отцу свой урок.

«И он мне грудь рассек мечом, — шепчет Мотька, засыпая, — и сердце трепетное вынул, и угль, пылающий огнем, во грудь отверстую водвинул…»

— Богатейший стишок, — говорит Орлов сыну и трижды крестит его на сон, — вот и в гражданском стишке бывает — вся жизнь описана. Тут, Мотя, и про нас, чай, есть, что мы каждому супнику даемся на мозоль лезть, тут и про божество и про матерей…

Орлов долго объясняет Мотьке про нашу жизнь, про матерей и супников, но Мотька спит уже.

Коридорный встряхивает тогда сыновью куртку, он рассматривает, нет ли в ней изъяну, в это мгновение в комнату входит Рахиль.

— Нельзя ли номер, — говорит она, робея, — прошу вас…

— Без мальчика не пускаем, — отвечает Орлов, откусывает нитку и усаживается штопать сыновью куртку, — кто-то у тебя есть или фраер кто твой?..

Рахили невдомек. Все невдомек ей в речах Орлова. Она спускается по лестнице, выходит в переулок. Звезды в этом переулке громадные, снег чист, небеса глубоки. Обожженная беременная баба сидит на крылечке, живот ее растет вкось, и она поет тихонько крестьянскую венчальную песню. Возле нее у крылечка стоит студент, русый парень, с беспечной, беспечальной, бездонной фуражкой на кудрях.

— Чудно мне что-то, — говорит студент Рахили, — вы кто такая?

— Я еврейка, — отвечает Рахиль.

И тут — кабы им не столковаться, тогда жизнь не стоила бы потраченного на нее труда.

— Послушайте, душа человек, — сказал студент Рахили, — Орлов не пускает вас в номер, потому что вы без мальчика, меня он поносит, потому

что я без девочки… Послушайте, душа человек, зовут меня Баулин, я парень свойский…

И тут — кабы у вдового Орлова осталось душевного огня, чтобы удивляться на что-нибудь, кроме как на свою необыкновенную жизнь, то он удивился бы тому случаю, что два человека, вытолканные им поодиночке, так скоро заявились снова и заявились вместе.

— Спроворь нам, папанька, номерочек, — закричал ему Баулин и не взошел на порог. Орлов отложил куртку и заплевал свои пальцы, исколотые иголкой.

— А она сказывала, у ней фраера нет, — пробормотал он и побрел со свечой в коридор показывать гостям номер.

В коридоре «Героя Плевны» пахло семенем, хлебом и яблоками. У одной стены лежали сваленные в угол ночные горшки и жестяные умывальники. В другом углу лежали картины в золотых рамах. Орлов прошлепал по коридору и открыл дверь комнаты.

— Вот, — сказал он, — сыпь, купец, за номерочек.

— Ты ризы мне в номерочке смени, — возразил парень Орлову и показал на запятнанную простыню.

— Мы опосля каждого меняем, — ответил коридорный, смахнул грязную простыню, накрыл ею стол и разостлал на кровать сырую, пахнувшую чесноком тряпку. Потом Орлов зашлепал вон из номера и вернулся, прижимая к груди ночную посудину.

— Все справно, — сказал он и запнулся, потому что Баулин ударил его в грудь.

— Уйди, сволочь, — прошептал парень с отчаянием, — уйди, родной, прошу тебя, — и стал бить Орлова по рукам. Коридорный спрятал тогда посудину за спину и произнес с горьким торжеством:

— Ты еще мать соплями обделывал, когда я семью, самшесть, кормил.

Щеки Орлова разгорелись, он стал красив, как чахоточный, и не захотел уходить даже тогда, когда получил деньги за номер. Потом ему взбрело на ум постирать Мотьке рубаху, и он ушел, оставив Баулина с девушкой в номере. За окном их комнаты была черная вода Москвы-реки и ночь вся в золотых дырах. Рахиль посмотрела в окно, погладила сырые стекла с необыкновенной дрожью и нежностью в пальцах и заплакала. Она подошла к зеркалу, но оно оказалось исцарапанным надписями, никуда не годными. Одна из

надписей была вырезана фигурным церковно-славянским шрифтом.

«Нынче, — было вырезано на зеркале, — в первом часу пополуночи имел встречу с дивной женщиной-другом, — имя отказывается назвать, давай бог, чтобы обошлось благополучно…»

Надписей на зеркале было множество, Баулин оттянул Рахиль от постыдного этого места.

— Душа человек, — закричал он так звонко, как только мог, — валитесь-ка вы на кровать, а я лягу у двери, авось соснем…

Парень вынул из шинелишки тючок прокламаций, изданных московским комитетом социал-демократической партии, подложил тючок себе под голову, растянулся, захохотал и заснул.

Времени было уже два часа ночи — веселый московский бой кончился, свеча погасла, Баулин захрапел. И только за стеной гармонический, скучный девический голос все ныл нараспев:

— Жид ты этакий, Ваня, — ныл скучный голос, — гляди, чего выкамариваешь, я твой рубль потом на зуб возьму, право возьму, пусть мне света не дождаться…